

С К А З А Н І Я
С О В Р Е М Е Н Н И К О В Ъ
О
ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.
І.

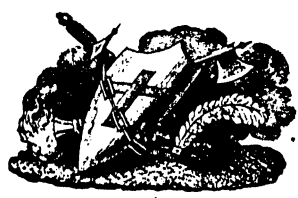

Portrait of the author, G. P. ... 1834

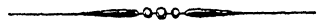
119
H. P. ...

1378-4

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦѢ.

Часть I.
Берова Лѣтопись Московская.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1 8 3 1.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи предснавлены были въ Цес-
сурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ, Августа 8 дня, 1851 года.

Ценсоръ *О. Сенковский.*

Никогда Отечество наше, до восшествія на престоль знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ Государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, ибо зналъ, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастья подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на оный сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ престолной Ксеніи, опору своего могущества..... и все это рушилось, и все это исчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію

отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ: бродяга явился на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше Королей и Цесаря, готовилъ важный переворотъ—и упоенный счастиемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Дмитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ Судьбы, взволновало наше Отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ..... Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Димитріемъ, и—повѣрить ли потомство?—нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ Боярами, съ Князьями, предалися Жиду—Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего Отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго—прощай

Россія—и на вѣки. Къ счастію заблужденіе исчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за Вѣру, за Отечество; явили доблести Героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если Исторія, изображая судьбу Царствъ и Народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ Святинѣ и Законамъ, любовь къ Истинѣ, Красотѣ, Добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ Лѣтописяхъ Человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша Исторія въ началѣ XVIII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Россіянь, знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія Исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самыя легкіе, даже неправильныя очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя... Ергогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета еердечнаго произноситъ священныя имена

ваши, хотя мы знаемъ о васъ только по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракѣ времени, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ—сказанія современниковъ, ваши собственные—истлѣваютъ въ Архивахъ....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо раскрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ—непоколебимый въ Вѣрѣ, въ Законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности Царю и Престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной жизни. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, сему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ Вѣрѣ, къ Престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпнаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ Исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всеми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, сіе достопамятное время даетъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ Поэтъ или Художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ цвѣтлыхъ, тѣмъ не менѣ истинныхъ, каждаго съ выразительною физиогномією. Пусть наши юные Пѣвцы, наши Романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Дмитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего, пусть узнаютъ Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, Гетмана Жолкѣвскаго, Налета Лисовскаго, Пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ ихъ дѣла и характеры кистію вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ—и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта,—по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей Исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка, столь неизчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель Бытописанія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ же-

ланиемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событий, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать челоуька. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россію: если онъ дѣйствительно обагрить руки свои кровію Св. Отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для Отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Димитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣ любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ—но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли Іезуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Феодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша Исторія представляетъ, по

большой части, однѣ загадки: не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни Царя Иоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, не знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ начерталъ картину плѣнительную; но многое въ сей картинѣ темно, не полно, не твердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Дмитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? Почему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же Автора, почему онъ говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не лѣзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки исчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать сказанія Современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ свои силы, чтобы принести удовольствіе и пользу Любителямъ Русской Исторіи. Впрочемъ сколь ни лестно для меня благосклонное вниманіе Публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ея одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего Отечества.

Николай Устряловъ.

14 Июля,
1831.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

Мартинъ Беръ, *Martinus Bäer*, родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василии Шуйскомъ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи— Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго Проповѣдника? Достоверно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ Студента, и тогда же былъ избранъ въ Пасторы Московскими Лютеранами, коимъ Царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семь Государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, приобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Басманова, который не рѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ,

что съ его дозволенія заговорилъ Лютеранскія проповѣди во Дворцѣ Кремлевскомъ! По восшествіи Шуйскаго на престоль, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привезти его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастью бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина: убѣжденная слезами своихъ *Фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дочерей оклеветаннаго Пастора, она съ опасностію собственной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса и на Русскій престоль избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію Отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что

знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Московіи.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего Отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился предать воспоминаніе объ оныхъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую *). Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей Исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престоль Ѳеодора Іоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно припомнить, что онъ бесѣдовалъ съ Басмано-

*) *Chronicon Muscoviticum; continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612.* Подлинникъ писанъ стариннымъ языкомъ Нѣмецкимъ съ примѣсю Латинскихъ изреченій и пословицъ; оны еще не издавъ, и хранился въ рукописи у немногихъ любителей Исторіи. Кельхъ и Трейеръ, пмѣвши Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя оной Коппрадомъ Буссау или Буссо: кромъ современнаго свидѣтельства Пепресева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясныя признаки, что Авторомъ ея былъ Маршякъ Беръ. См. Пепресеву Mufzkow. Chron. стр. 59г и Берову Лѣтоп. Московс. стр. 77. 172—181.

вымъ , съ Маржеретомъ , зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ , Марину , Пана Сапѣгу , однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей , исключая развѣ Сигизмунда , которые играли столь важную роль въ нашемъ Отеествѣ въ началѣ XVII вѣка . Отъ сего , рѣдкое извѣстіе Бера не лъзя подтвердить свидѣтельствами несомнѣнными , на примѣръ Государственными актами ; рѣдкое событіе утаилось отъ его любопытнаго и пронизательнаго взора ; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова , Димитрія Самозванца , Василія Шуйскаго ; каждое лице , имъ упоминаемое даже мимоходомъ , имѣеть свою отличительную физиогномію , а главные Герои исполнены жизни и души . Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи , терзаемой Самозванцами , Нѣмцами , Поляками , Татарами : краски и черты ея выразительны , ибо Историкъ описывалъ все , что онъ видѣлъ и зналъ , перомъ наблюдателя умнаго , опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго . Сверхъ того , Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени , бывшіе загадкою для потомства : такъ , отъ него узнаемъ навѣрное , что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ .

Однимъ словомъ , твореніе Бера есть сокро-

вище неоцѣненное для Русской Исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: Авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Россіянахъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ Историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Россіянь, непоколебимыхъ въ Вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности Государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умилениемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя Поляковъ и безъ пощады порицая Россіянь, Авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не лъзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ

и злополучія Россіи были Поляки: ибо самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говорить о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Россіянахъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судить по фактамъ и не вѣрять укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами, факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими Авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ Вѣры: не забудемъ, что онъ былъ Лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые Католики въ глазахъ Лютеранъ казались хуже язычниковъ; могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой Пасторъ честитъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и рассказываетъ нелѣ-

ную басню о Св. Димитріи—мы смѣемся его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслію, я смѣло передавалъ всѣ сужденія Автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

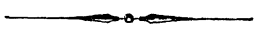
Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спросить, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій Посланникъ Петрей, *Petrus Petreius de Erlesunda*, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую *) , гдѣ рассказываетъ Исторію Россіи отъ основанія Государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе

*) Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschow, mit dero schönen fruchtbaren Provinzien et caet. Lipsiae, 1680 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

XVIII

нашего Отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣденія о Русской Исторіи до смерти Іоанна IV, Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одерборна, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствоваль изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти рассказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая оный излишнимъ многословіемъ. Переводить Петревы сказанія о Самозванцахъ вполне, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выписать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и сіи выписки присоединить къ сочиненію сего послѣдняго въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

Приложенный къ сей части портретъ Самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Отрепьева, съ снимкомъ его подписи, гравированъ съ современной медали: потомству любопытно будетъ взглянуть на черты злодѣя, ознаменованнаго необыкновенною силою души.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

Л Ъ Т О П И С Ъ

МОСКОВСКАЯ.

Г Л А В А I.

Царствованіе Θεодора Іоанновича.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Θεодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Θεодора. Романовы ошвергають скипетръ.

Въ пятое воскресенье великаго поста 1584 года, умеръ Государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель ¹⁾; послѣ него остались два сына, Θεодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Θεодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престоль; а младшій удалился вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго Государя, Маріею Θεодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему Княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ ²⁾.

1584-1598. Царь Ѳеодоръ Іоаншовичъ, Государь набожнѣйшій,—какъ и всѣ Москвитяне,—заботился болѣе о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охотнѣе посѣщалъ церкви Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, чѣмъ Совѣтъ Государственный. Собравъ Князей и Бояръ своихъ, онъ объявлялъ имъ, что правленіе столь обширною Державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно служить своему Господу въ тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ Вельможамъ избрать мужа благоразумнаго, на котораго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ Государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, Правителемъ Царства былъ избранъ Дворянинъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, человекъ рода не знатнаго, но проникательный и умный. По совершеніи пріячннхъ обрядовъ, Ѳеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею Правителя, сказавъ ему: «вмѣстѣ съ сею цѣпью снимаю я, Царь и Самодержецъ всея Руси, бремя съ моей вѣи и возлагаю оно на тебя, Борисъ Ѳеодоровичъ! Рѣшай въ моему Государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя ихъ въ исполненіе безъ моей Царской воли: я буду по прежнему Царемъ-Государемъ ³⁾».

Возведенный въ достоинство Правителя, Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность

весьма усердно и благоразумно; привелъ въ по-1584-1598 рядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградиль права вдовъ и сиротъ. Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне говорили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему умомъ и что если, по кончинѣ Царя, умретъ и Димитрій безъ наследника; то въ цѣломъ Государствѣ не лѣзя найти человѣка способнѣе Бориса къ правленію 4). Узнавъ о сей молвѣ чрезъ своихъ шпионовъ, Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами овладѣть со временемъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь искусныя мѣры, что набожный и слабоумный Царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Теодоровны, сестры Борисовой, ни одного наследника 5).

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ семь Царевичѣ отцовское жестокосердіе: однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ Дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ Боярѣ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, инаго прокололъ насквозь, приговаривая: «это такой-то Бояринъ, такой-то Князь: такъ имъ будетъ въ мое царствованіе 6)»

1584-1598. Многие Бояре, симъ утрашенные, видѣли въ Дмитрія подобіе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ скорѣе отправился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру Царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. *Видна птица по полету*—думалъ Годуновъ, и рѣшился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько человекъ зарѣзали Царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игривалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Феодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Дмитрія; инымъ отрубили голову, другихъ бросали въ воду, или предали пыткѣ, такъ что сіи невинные люди лишились жизни или здорovia 7). Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клеветовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепель нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Дмитрія 8). Такъ сей Царевичъ престился съ

міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. 1584-1598.
Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня 9). Когда сей Государь лежалъ на смертномъ одрѣ, Болре приступили къ нему съ вопросомъ: «если Богу будетъ угодно отозвать тебя, Государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?» Царица Ирина, сестра Правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему Государствомъ. Но умирающій Царь предложилъ оный старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ Царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ сію честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному Князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять оный, какъ послѣ увидимъ. Умирающій Царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: *возми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болѣе держать!* Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ ¹⁰⁾. Царь, между тѣмъ, скон-

1598. чался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются Государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

Г Л А В А II.

Царствованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова.

1598—1604.

Дьявольность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посоль Хава Крымскаго. Коронованіе Бориса. Печеніе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣпить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ Императоромъ. Посоль Турецкаго Султана. Сношенія съ разными Государями. Іоанпъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Спроеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, первостепенные Вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человекъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: Правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго Государя, поступили весьма хитро: Царица, призывавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ,

склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями 1598 къ убѣжденію воиновъ и гражданъ не избирать на Царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ непрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ Государствомъ лучше всѣхъ прежнихъ Царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжобъ, и при усердіи Боярѣ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если выберутъ его Государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись беспорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедельный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ Государственные чины спѣшили избрать Царя изъ Князей и Боярѣ. Среди сихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе Правителя, изъ явилъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ безпрестанныхъ, и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные Вельможи не могли надѣ-

1598. виться такому хладнокровію, не зная, что таилось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того Царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до Бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, *съ которой стороны дуетъ вѣтеръ*, и отъ имени Боярскаго сословія сказалъ: «Высокоименитые Князья! Дѣло сіе касается не одного званія, но каждого Россіянина; чтò опредѣлять всѣ чины Государственные, не будетъ и намъ, Боярамъ, противно.» Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: «хотя много Князей и Бояръ въ Государствѣ; но нѣтъ мудраго и разумаго Царя. А какъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ доселѣ управлялъ престоломъ лучше *всѣхъ прежнихъ Вѣщеносцевъ*; то, кромѣ его, *никого другаго имѣть Царемъ не желаемъ.*» Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій-гласъ народа*; кого всѣ избирають, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось Князьямъ и Боярамъ; но дѣлать было нечего; послали за Правителемъ. Сей хитрецъ однако не явился; отвергнувъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ), посо-

вѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься 1598
 ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать.
 Клевреты же его спѣшили воспользоваться вре-
 менемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣши-
 тельно, и говорили, что если дозволятъ Борису
 принять схиму, то во всемъ Государствѣ не
 найдется другаго столь мудраго Правителя. »Пре-
 »кратите ваши совѣщанія, завопили толпы чер-
 »ни къ Боярамъ, слѣдуйте за нами въ мона-
 »стырь и дѣлайте дѣло.«

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія Государ-
 ственныхъ чиновъ, знатнѣйшія Духовныя особы,
 Князья и Бояре, купцы и царедворцы, воины
 и ремесленники, отправились въ монастырь, для
 предложенія Правителю Царской короны; Бо-
 рись вельмъ имъ сказать, что трудъ ихъ на-
 прасень, что онъ довольно послужилъ міру и
 заботился о Государствѣ; теперь желаетъ одного
 спокойствія. »Государь! Борисъ Феодоровичъ! за-
 »вопилъ народъ, сжался, смилуйся надъ нами;
 »будь намъ Царемъ-Государемъ!« Долго раздава-
 лись сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ кел-
 ли; благодарилъ за честь и сказалъ, что пре-
 столь должно предложить тѣмъ Князьямъ и Бо-
 ярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не
 хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланял-
 ся въ землю, взывая и умоляя: »Государь! сжалъ-
 »ся надъ нами; будь Царемъ нашимъ!« Борисъ
 опять скрылся, отринувъ сію просьбу. Тутъ, по

1598. волѣ избирателей, два отрока ¹¹⁾ подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить Правителя: »Смилуйся, Государь Борисъ Феодоровичъ! »если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣхами, тронься моленіемъ нашимъ: мы еще ни »въ чѣмъ невиновны; хотя ради насъ, будь Царемъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы »безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ »вознаградить тебя!« Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою, скалится надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. »Вижу, сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, что всѣ сословія рѣшились возвести меня на Царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на сіе есть воля Божія, прошу на нѣсколько недѣль отсрочки: между тѣмъ, въ Іюнѣ мѣсяцъ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.« Такъ долго Правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстили немедленно во всемъ Государствѣ, чтобы Россіяне къ Іюню мѣсяцу собра-

лись подъ Серпуховымъ, для встрѣчи непріате- 1598
лей и для возведенія Бориса на престолъ: въ
слѣдствіе сего, къ назначенному времени собра-
лось 800.000 человекъ ¹²⁾, вооруженныхъ копьями
и саблями, луками и стрѣлами; привезли
также нѣсколько сотъ исправныхъ орудій. Туда
вскорѣ прибыли Персидскій и Татарскій послан-
ники: ихъ встрѣтили пушечною пальбою и сре-
ди чистаго поля дали имъ аудіенцію. При семъ
случаѣ столько тратили пороху, такое было ве-
ликолѣпіе, что послы, изумленные многочислен-
ностію войска, громомъ орудій, богатствомъ и
пышностію двора, называли Бориса величай-
шимъ изъ владыкъ земныхъ ¹³⁾. Отправивъ ихъ
въ Москву, новый Царь изъявилъ благодарность
усердному народу и согласился принять коро-
ну, давъ обѣщаніе радѣть неусыпно о благоден-
ствіи своихъ подданныхъ. Народъ пожелалъ ему
всякаго благополучія, а знатнѣйшіе чины отпра-
вились съ нимъ въ столицу.

Наконецъ, 1 Сентября 1598 года, принявъ
въ церкви Пресвятой Богородицы отъ Патріарха,
Русскаго Первосвященника, Царскій вѣнецъ,
онъ достигъ той цѣли, къ которой втайнѣ дав-
но уже стремился. По выходѣ изъ храма, но-
вый Царь велѣлъ бросить черни множество де-
негъ; низшимъ сословіямъ простилъ годовую
подать; вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужезем-
нымъ, роздалъ деньги и съѣстные припасы; за-

1598. ключеннымъ въ темницахъ дароваль свободу и вспоможеніе ¹⁴⁾. Сверхъ того, онъ обѣщаль торжественно, въ теченіе 5 лѣтъ никого не казнить смертію, указавъ преступниковъ ссылать въ отдаленныя области; велѣль строить дома для судилищъ и приказовъ; издалъ мудрыя законы и постановленія. Желая истребить грубые пороки, онъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуется вора или убійцу, нежели того, кто, вопреки указу, осмѣлится открывать кружечный дворъ. »Пусть дома, говорилъ Борисъ, каждый ѣсть и пьеть, сколько хочетъ; можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино Москвитянамъ; если же содержавшіе питейные дома, не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья.« Пльннымъ Нѣмцамъ онъ дозволилъ свободное Богослуженіе.

Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ Государственному Совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы ¹⁵⁾; но Попы и Монахи противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единоувѣріе, единоправіе; если же настанетъ разноязычіе, — поселится раздоръ и

прежнее согласіе исчезнуть. Борисъ оставилъ 1598 свое намѣреніе; однакожь послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ Дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Димитрій, данный Шведскимъ Королемъ въ переводчики Понту Делагарди. Прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего Отечества 16). Лифляндскимъ купцамъ изъ Дерпта, Нарвы и Веллина, плѣннымъ за нѣсколько предѣтъмъ лѣтъ, Борисъ дозволилъ ѣздить внутри Государства, отправляться за границу, промышленя и торговать гдѣ хотѣли, чѣмъ угодно; далъ имъ изъ Царской казны въ ссуду, безъ пощлинь и процентовъ, иному 300, другому 400 рублей 17), на безсрочное время, доколѣ самъ не потребуеъ занятой ими суммы (чего однакожь и доселѣ не случилось). Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослать вездѣ *Благотворители*. Впрочемъ каждый изъ сихъ купцевъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія, никого не увозить за границу и не распускать худой молвы о Государѣ.

Въ 1599 году, узнавъ, что Густавъ, Герцогъ Шведскій, сынъ Короля Эриха, (въ молодости путешествовавшій въ Германіи по желанію своей матери), живетъ въ Ригѣ весьма скудно, почти безъ всякой прислуги, Борисъ хотѣлъ явить

1599. ему Царское великодушіе и приглашалъ его къ себѣ чрезъ посла, но тайно; приказалъ великолѣпно встрѣтить его на границѣ, поднести Царскіе дары и предложить къ его услугамъ всѣ силы Россіи, если онъ хочетъ отмстить вѣроломнымъ Шведамъ и жадеетъ овладѣть отцовскимъ престоломъ: Царь задумалъ выдать за него единородную дочь свою. Герцогъ не принялъ вспоможенія, объявивъ, что скорѣе самъ погибнетъ, нежели согласится опустошать Отечество и губить народъ; говорилъ много и другихъ неумѣстныхъ словъ, изъ коихъ было видно, что онъ или слишкомъ заучился, или чрезъ мѣру сокрушался. Ему, сверхъ того, не хотѣлось разстаться съ своею любовницею, замужнею женщиною, бѣжавшею съ нимъ изъ Данцига. Сямъ онъ навлекъ на себя презрѣніе Его Величества и не могъ уже получить руку Царской дочери. Впрочемъ Борисъ далъ ему Угличъ, гдѣ онъ получалъ приличное содержаніе. Густавъ умеръ въ царствованіе Василя Шуйскаго, и предъ кончиною жаловался на любовницу, которую называлъ виною всѣхъ своихъ бѣдствій. Нѣмецкій Пасторъ Леве, изъ Нейштата, похоронилъ его 22 Февраля 1607 года, въ Капшинскомъ монастырѣ Димитрія Солунскаго 18).

Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ Медицины. Сверхъ того, по желанію Царя, Англійскій

посланникъ уступилъ ему своего собственнаго 1600
 медика, родомъ Баварца, Христофора Рейтлинге-
 ра, врача весьма искуснаго, знавшаго разные
 языки 19). Доктора же, прибывшіе въ Россію
 изъ Германіи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ
 Шредеръ (изъ Любека), Іоаннъ Гильгенъ (изъ
 Риги), Каспаръ Фидлеръ (изъ Кенигсберга), да
 студентъ Медицины, Эразмъ Бенскій изъ Пра-
 ги. Всѣ они должны были пользоваться только
 Государя, не смѣя лечить никого изъ посторон-
 нихъ; самый знатнѣйшій Бояринъ не иначе по-
 лучалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія
 Его Величества. Опредѣливъ имъ по 200 руб-
 лей годоваго жалованья, Царь велѣлъ давать
 каждому изъ нихъ ежемѣсячно немолотый хлѣбъ
 для всего дома, по 60 возовъ дровъ и по 1 боч-
 къ пива; ежедневно по 1 штофу водки и уксу-
 са; чрезъ два дни значительную часть свиного
 сала, ко всякому обѣду присылалъ съ Царскаго
 стола въ подачу по три и четыре блюда прево-
 сходнаго кушанья (блюда же были столь огром-
 ны, что самый сильный человекъ едва могъ не-
 сти одно изъ нихъ); давалъ, кромѣ того, по 12
 и по 14 рублей деньгами, и по окончаніи мѣ-
 сяца, свѣжій харчъ, для всенеднаго употребле-
 нія; подарилъ имъ изъ собственной конюшни
 по 5 лошадей, (на коихъ отпускалось ежемѣсяч-
 но столько овса, сѣна и соломы, что легко мож-
 но было прокормить и семь лошадей); по хо-

1600. рошей верховой лошади для ѣзды лѣтнею порою въ дворцовую аптеку, по другой для употребленія зимою въ саняхъ, по двѣ каретныхъ къ услугамъ ихъ женъ, когда онѣ отправлялись въ церковь, и по одной ломовой для домашней работы. Въ заключеніе, пожаловалъ каждому по 30 и по 40 душъ крестьянъ. Если случилось Царю принимать лекарство и оно помогало, то каждый Докторъ получалъ кусокъ бархата или камки на кафтанъ и нѣсколько дорогихъ соболей; не оставались они безъ хорошаго подарка, если, съ дозволенія Царскаго, успѣшно пользовали какого нибудь знатнаго Боярина. Однимъ словомъ, они были въ такой чести, что сами казались Князьями и Боярами. Государь нерѣдко разсуждалъ съ ними о важныхъ предметахъ, особенно о дѣлахъ Религіи, и просилъ ихъ не забывать въ молитвахъ о благѣ души его. Они имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ Лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть мили. Они собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился пожертвовать частію своего имущества), и выстроили въ честь Бога такую церковь, что Борисъ предпочелъ ее своимъ — Русскимъ, похоронивъ въ оной брата Короля Датскаго, Герцога Іоанна ²⁰⁾; при семъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню,

гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ Прин- 1600
цѣ и его единокровцахъ, умершихъ въ Россіи.

Складочная сумма была столь значительна, что Нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, могли на остатки оной содержать, кромѣ прежнихъ Пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфалии и Студента Мартина Бера изъ Нейштага: оба они, прибывъ въ Россію 1600 года, не жалѣли трудовъ своихъ на ученіе и дѣла богоугодныя; въ скоромъ времени составился хоръ изъ 6, 7 и 8 человекъ, въ коемъ и господа Медики участвовать не стыдились. Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Москвѣ, по милости Божіей, до столь счастливаго времени.

Въ самомъ началѣ своего правленія, Борисъ заключилъ союзъ съ Римскимъ Императоромъ, Рудольфомъ, и отправивъ Его Величеству въ подарокъ, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, дорогие мѣха черно-лиси, куньи, соболя, изъяснилъ готовность выставить 10,000 воиновъ противъ Турковъ на помощь Христіанамъ. Въ то же время Султанъ Турецкій, прислалъ въ Москву своего посла, съ весьма значительными дарами, предлагая дружбу и миръ Борису Θεодоровичу. Царь не принялъ даровъ и отвѣчалъ Султану, что не хочетъ быть другомъ закоренѣлому врагу Христіанства, непріятелю любезнаго

1600. брата своего, Императора Римскаго, что во всю жизнь свою не примирится съ Турками и будетъ вредить имъ, сколько силъ достанеть. Въмѣстѣ съ симъ отправилъ Султану свиную шкуру для шубы и большой кожаныи мышокъ, обтянутой серебряною парчею, туго набитый свинымъ навозомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ Турецкій посолъ въ Москвѣ не являлся ²¹).

Кромѣ сего, Борисъ Θεодоровичъ заключилъ вѣчный миръ съ Королемъ Шведскимъ, перемирие на 21 годъ съ Королемъ Польскимъ, далъ слово не воевать съ Татарами и сдѣлался другомъ нынѣ царствующему Каролю Датскому, рѣшившись отдать за Королевскаго брата, Герцога Иоанна, единородную дочь свою. Герцогъ прибылъ въ Москву; но чрезъ шесть недѣль по прїѣздѣ, умеръ горячкою. Его похоронили, какъ выше сказано, въ Нѣмецкой церкви съ приличнымъ великолѣпиемъ; до сихъ поръ уцѣлѣла гробница, гдѣ покоятся его брѣнные остатки, хотя церковь и созжена была вторымъ Димитриемъ; имущество Герцога, привезенное имъ изъ Отечества, также и Царскіе подарки, все было послано въ Данію, вмѣстѣ съ находившимися при немъ господами и служителями, коихъ Царь награждалъ щедро, не забывъ и послѣдняго конюха.

4 Октября 1601 года, Борисъ принялъ подъ свое покровительство многихъ Ливонцевъ,

покинувшихъ родину по слѣдующимъ причинамъ: 1601
 Ливонія издревле зависѣла отъ Польши; потомъ
 бывъ оставлена Поляками на произволь судьбы,
 она подпала власти Шведскаго Герцога Карла,
 который почти всю ее покоришь; когда же сча-
 стіе ему измѣнило, и Поляки снова овладѣли
 сею странною, разбивъ Шведовъ при Эларъ и
 Кокенгаузенъ; тогда многіе честные люди, бро-
 сивъ свои помѣстья, искали убѣжища, вмѣстѣ
 съ женами и дѣтьми, въ крѣпостяхъ Сесвегенъ,
 Мариенбургъ и Кириенбургъ ²²). Но какъ сіи
 ветхіе замки, лишенные войска, не могли огра-
 дить ихъ отъ злобы непріятелей; то 35 Ливон-
 скихъ дворянъ и гражданъ отправились въ крѣ-
 постъ Нейгаузенъ, находившуюся близъ Русской
 границы, въ надеждѣ найти пристанище и за-
 щиту отъ преслѣдовавшихъ Поляковъ.

Комендантъ оной, Ливонскій дворянинъ От-
 то Фитингофъ, возведенный въ сіе достоинство
 Герцогомъ Карломъ, не хотѣлъ принять изгнан-
 никовъ, подъ предлогомъ, что въ крѣпости бы-
 ла тѣснота, хотя вскорѣ послѣ того для Поля-
 ковъ нашлось довольно мѣста. И такъ, по мило-
 сти этого Коменданта, бѣдные странники долж-
 ны были перейти на Русскую сторону и искать
 прибѣжища въ Печорскомъ монастырѣ ²³). Игу-
 менъ, извѣстивъ о семъ Царя Бориса Феодоро-
 вича, испрашивалъ повелѣнія, что дѣлать съ
 пришельцами: оставить ли ихъ въ покоѣ, или

1601. прогнать за границу? Царь велѣлъ немедленно дать имъ убѣжище, объявить свое благоволеніе, увѣрить ихъ въ своемъ участіи къ бѣдственной судьбѣ ихъ, угостить въ монастырѣ отъ своего имени и предложить, не угодно ли будетъ имъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ дастъ имъ втрое болѣе того, что они потеряли въ Ливоніи. Игуменъ исполнилъ сіе приказаніе въ точности. Только Ливонцы не желали ѣхать въ Москву: они любили свободу и не хотѣли быть рабами; посему, изъявивъ признательность за Царскую милость, за Христіанское состраданіе и великодушныя щедроты Его Величества, просили одного убѣжища на краткое время и остались близъ монастыря въ одной деревнѣ, гдѣ было ихъ пристанище.

Въ слѣдующіе дни, посѣтили ихъ Бояре и Монахи, которые совѣтовали имъ отправиться въ Москву, увѣряя, что они, по милости Царя, не будутъ раскаяваться. Однакожь ни одинъ Нѣмецъ на сіе предложеніе не согласился. Чрезъ нѣсколько дней, пришелъ къ нимъ изъ монастыря переводчикъ, природный Россіянинъ, знавшій языкъ Нѣмецкій, коему научился онъ въ Швеціи, гдѣ былъ прежде въ плѣну. Сей человекъ, вспоминая съ благодарностію одолженіе Нѣмцевъ и стараясь самъ оказать имъ услугу, съ своей стороны убѣждалъ Ливонцевъ не отвергать Царскаго предложенія, говоря, что

война Шведовъ съ Поляками не скоро можетъ 1601 прекратиться, что презирая милость Государя, странники навлекутъ на себя его негодованіе, исполнивъ же его волю, будутъ счастливы; къ сему открылъ имъ, по довѣренности, что Игумень и Печорскіе дворяне получили Царское повелѣніе слѣдующаго содержанія: просить Нѣмцевъ неотступно ѣхать въ столицу; если же они на сіе не согласятся, не отпускать ихъ въ Отечество, задержать какъ лазутчиковъ и прислать въ Москву скованныхъ. Сіи слова привели въ удивленіе бѣдныхъ людей; они весьма сокрушались и проклинали Фитингофа, который не принялъ ихъ въ крѣпость, а Поляковъ между тѣмъ впустилъ. »Не было намъ мѣста въ Ливоніи, думали они; еще тѣснѣе будетъ въ Россіи, гдѣ иностранцы или навсегда должны остаться, или испытать всю тяжесть Царскаго гнѣва.« Наконецъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшились изъ двухъ золь избрать меньшее: объявили Игумену, что согласны ѣхать въ Москву, если только не будутъ считать ихъ плѣнниками. Игумень старался ихъ утѣшить, совѣтовалъ не думать ничего дурнаго и поклялся Христомъ Богомъ, что они не встрѣтятъ никакой неприятности.

Успокоенные нѣсколько сею клятвою, унылые Нѣмцы явились въ монастырь, гдѣ Игумень и Монахи говорили имъ привѣтствіе Царскимъ

1601. именовъ; помѣстили ихъ на постояломъ дворѣ и содержали ихъ иждивеніемъ. Государя такъ, что никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша, какъ въ сей обители, такъ и во время пути чрезъ Псковъ, Новгородъ, Тверь и другіе города; ежедневно давалось имъ столько вина, пива, меду, кушанья рыбнаго и мяснаго, варенаго и жаренаго, что всего было вдоволь и въ излишествѣ. Псковскій Воевода Андрей Васильевичъ Трубацъ, провождаемый всѣми гражданами, встрѣтилъ Нѣмцевъ съ особенною почестію; спрашивалъ, кого какъ зовутъ, не исключая ни женъ, ни дѣтей, ни служителей, какого кто званія, чего лишился въ Отецествѣ, и сдѣлавъ всему вѣдомость, послалъ оную впередъ къ своему Государю. Потомъ угощаль ихъ истинно по-Царски 8 дней сряду; совѣтовалъ имъ продать своихъ лошадей и взять вырученныя деньги себѣ, говоря, что для нихъ довольно у Царя подводъ; сверхъ того, одарилъ ихъ шубами. И такъ, во имя Божіе, они отправились въ Москву на казенныхъ подводахъ и благополучно прибыли въ сію столицу 21 Ноября.

Царь велѣлъ немедленно отвести имъ Боярскіе дома, недалеко отъ Дворца на Арбатъ, и снабдить ихъ всемъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыркомъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ.

Сверхъ того, каждому дому назначенъ былъ При- 1601
ставъ для разныхъ покупокъ.

23 Декабря, Нѣмцы получили приказаніе нарядиться въ лучшее платье, для представленія Государю на другой день по утру. Многіе изъ нихъ желали отказаться отъ сей чести, говоря, что не смѣютъ предстать предъ Его Величество въ своей бѣдной одеждѣ; но Царь велѣлъ имъ сказать, что имъ нѣчего стыдиться, что онъ желаетъ видѣть ихъ, а не платье, и что пріѣхавъ къ нему, по его высокому приглашенію, они получаютъ все нужное съ избыткомъ.

24 Декабря, Нѣмцы явились во Дворецъ: Государь сидѣлъ съ своимъ сыномъ въ пріемной залѣ. Его окружали Князья и Бояре, въ парчевыхъ платьяхъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими коврами Турецкими. Нѣмцевъ подводили къ Государю по старшинству лѣтъ: сперва старыхъ, потомъ среднихъ, напоследокъ молодыхъ. Они кланялись ему и сыну его по своему обычаю. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика: «поздравляю васъ, чужеземцы, вѣрноподанные Римскаго Императора, и васъ, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго Королевства! съ прибытіемъ въ мое Государство; радуюсь благополучію вашего путешествія; меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность;

1601. вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ Отечествѣ. Васъ, Дворяне! я сдѣлаю Князьями; васъ, Граждане! Боярами; ваши жены и въ моемъ Царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не Царь, не Господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рязить вашихъ споровъ. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ Богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ: тогда получите такую награду, что, объ ней будетъ говорить вся Римская Имперія!»

Ливонскій дворянинъ Детлефъ фонъ Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ краткую рѣчь, въ коей благодарилъ Царя за милостивое, отеческое предложеніе, и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны Отцу своему, Государю Всероссійскому. Царь отвѣтствовалъ: »Молитесь, Нѣмцы! Богу о моемъ здоровьи; пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться,« и указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ:

»и симъ подѣлюсь съ вами.« Потомъ протянулъ 1601 къ нимъ руку съ жезломъ и дозволилъ каждому цѣловать ее; Царевичъ также всѣхъ допустилъ къ своей рукѣ. За симъ Государь пригласилъ ихъ къ обѣду.

Русскіе господа удалились изъ залы; остались только Царскіе Совѣтники; внесли столъ и поставили оный прямо противъ Государя и сына его. Пожилые и знатнѣйшіе изъ Нѣмцевъ должны были занять мѣста такъ, что Царь всѣхъ ихъ хорошо могъ видѣть; а младшіе сидѣли къ нему спиной. Всѣмъ прислуживали Бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый, вкусный хлѣбъ, съ солью въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался такимъ образомъ: въ первой ношѣ подано было столъ много блюдъ, что на столѣ, при всей обширности его, не осталось почти мѣста, гдѣ было бы можно положить кусокъ хлѣба. Носили кушанья до самого вечера. Много было всякого сорта пива, меду и винъ иностранныхъ. Царь поставилъ первое блюдо противъ себя и отвѣдавъ оное, сказалъ: »приглашаю васъ, любезные Нѣмцы! на мою Царскую хлѣбъ-соль.« »Даруй, Господи! здравіе и благоденствіе Царю, отцу нашему!« отвѣчали они почтительно, вставъ съ своихъ мѣстъ и благословляя Царскую трапезу: такимъ же образомъ привѣтствовалъ онъ Нѣмцевъ при первомъ покарѣ, назвалъ каждого по имени и при-

1601. молвилъ: »пью за ваше здоровье; слѣдуйте моему примѣру!« Бояре старались напоить гостей; но гости хотѣли быть умѣренными, узнавъ отъ Приставовъ, что Царь любилъ трезвость и ненавидѣлъ пьянство. Царь, замѣтивъ сіе, разсмѣялся и спрашивалъ ихъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здоровье другъ друга, какъ у нихъ водится? Когда Нѣмцы отвѣчали, что они, благоговѣя предъ Его Величествомъ, не смѣютъ предаваться шумному веселію, и что предъ лицомъ его должно быть трезвымъ,—онъ возразилъ: »Я васъ потчиваю, какъ хозяинъ; веселитесь, какъ угодно, не опасаясь нареканія; пейте за мое здоровье! Лошади готовы: когда настанетъ время, васъ отвезутъ невредимо.« Сказавъ сіе, Государь всталъ, чтобы идти къ Царицѣ; для гостей же велѣлъ принести напитки въ серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, и поручилъ Боярамъ употчивать ихъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести: воля Царская была исполнена, и Нѣмцы большою частію не знали, какъ домой добрались.

28 Декабря, ихъ призвали въ Розрядъ (Государственную Канцелярію) и раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, коимъ объявили, что Царь, Отецъ ихъ, благоволилъ осчастливить cadaго изъ нихъ своею милостію: сверхъ ежемѣсячнаго содержа-

нiя, жалуеть имь по 50 рублей въ подарокъ, 1601 по Венгерскому кафтану изъ золотой парчи, по куску чернаго бархата, по связкѣ дорогихъ соболей, для приличной одежды; да по 50 рублей годоваго жалованья и по 800 четвертей земли съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣнiе ²⁴). Все это они получили на другой день. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ; каждому изъ нихъ пожаловалъ Государь: 30 рублей въ подарокъ, 30 рублей годоваго оклада, кусокъ красной камки, 40 соболей, парчевой кафтанъ и 500 четвертей земли съ 50 крестьянами. Въ третьей статьѣ находились молодые дворяне и заслуженные воины; каждый изъ нихъ получилъ 20 рублей въ подарокъ, столько же въ годовой окладъ, кусокъ простаго бархату и кармазину, 40 соболей и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая состояла изъ молодыхъ людей, большою частiю изъ слугъ; каждому изъ нихъ дано было 15 рублей въ подарокъ, столько же на жалованье, кусокъ кармазину и желтой камки, не большая связка соболей и 300 четвертей съ 20 крестьянами.

Вмѣстѣ съ симъ объявлено было всѣмъ Нѣмцамъ, что послѣ такой награды, Царь имѣеть право требовать отъ нихъ обязательства быть готовыми на войну съ врагами, если онъ ихъ потребуеть. Такимъ образомъ, по ми-

1602. лости Бориса Феодоровича, иной бѣднякъ въ короткое время сдѣлался богачемъ; Нѣмцы, до сихъ поръ угнетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе Русскаго Государя.

Въ 1602 году. прибыло въ Россію посольство отъ города Любека, состоявшее изъ Бургомистра Конрада Гермерса, Ратсгера Генриха Керхринга и Секретаря Іоанна Брамбахія, съ просьбою отъ имени всей Ганзы даровать ей полную свободу въ торговль съ Россією, возобновить старинныя привилегіи купцевъ Ганзейскихъ и возстановить въ Москвѣ прежнюю ихъ контору. Борисъ Феодоровичъ отвѣчалъ сему посольству, что съ Ганзою онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла, ибо вовсе ея не знаетъ; съ Любекомъ же, городомъ извѣстнымъ и уже получившимъ въ Россіи значительныя торговыя выгоды, не уклоняется быть въ дружбѣ и добромъ согласіи; въ слѣдствіе сего, даетъ ему право учредить контору на прежнемъ основаніи. Столь доброе расположеніе Царя могло бы доставить Любеку важныя выгоды, если бы Россія наслаждалась спокойствіемъ ²⁵).

Однимъ словомъ, Царь Борисъ старался управлять Государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы Держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и по-

правлять старые : обвелъ Москву бѣлою камен- 1602
ною стѣною , а Смоленскъ весьма высокою и
крѣпкою , въ 23 фута толщиною ; построилъ ,
сверхъ того , на южной границѣ , для защиты
отъ Татарскихъ набѣговъ , двѣ крѣпости , изъ ко-
ихъ одну назвалъ своимъ именемъ Борисогра-
домъ , а другую , во имя всѣхъ Царей , Царевымъ
городомъ ²⁶⁾. При всемъ томъ Богъ не благо-
словилъ правленія сего Государя , потому , что
онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣя-
нiемъ . Небесное правосудiе жестоко наказало
его , воздавъ ему по дѣламъ ; все семейство его
погибло .

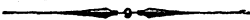
Жестокiй врагъ Нѣмцевъ , Богданъ Бель-
скiй , виновникъ многихъ неистовыхъ дѣлъ Ца-
ря Иоанна Васильевича ²⁷⁾ , первый возмутилъ
спокойствiе Годунова : посланный симъ Государ-
ремъ на Татарскую границу , для надзора надъ
строенiемъ Борисограда , Бельскiй исполнилъ
Царское порученiе ; но построивъ крѣпость , объ-
явилъ , что Борисъ Феодоровичъ есть Царь Мо-
сковскiй , а онъ Борисоградскiй . Впрочемъ сей
измѣнникъ не долго величался пышнымъ титу-
ломъ : Борисъ велѣлъ привести его въ такомъ
уборѣ , который приличествовалъ не Государю ,
а гнусному бунтовщику , и который Богдану
былъ весьма кстати . Помня клятву—въ теченiе
пяти лѣтъ никого не казнить смертiю , Царь да-
ровалъ преступнику жизнь , но велѣлъ описать

1602. все его имѣніе, отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить кому хотять, и приказалъ своему Капитану, Шотландцу Габріелю, бывшему, до прѣзда вышесказанныхъ докторовъ, Лейбъ-медикомъ, вырвать у самодѣльнаго Царя, Богдана, длинную густую бороду; послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за Царя ²⁸).

По усмирѣніи сего крамольника, явились другіе зложелатели Борису; то были четыре брата Никитичи, которые, какъ выше сказано, по смерти Царя Θεодора, могли бы взойти на престоль, если бы не отказались отъ скипетра и не упустили его изъ рукъ своихъ. Они были раздражены поступками Царя съ Богданомъ Бѣльскимъ; однако таили свою злобу и всегда казались покорными; между тѣмъ наученные неудачею Бѣльскаго, замыслили инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса—отравою. Собственные ихъ слуги открыли сей умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы подобно первому измѣннику ²⁹).

Послѣ сего произшествія, Царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во Дворцѣ днемъ и ночью и провождать всюду, даже въ церковь.

Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что 1602
 Бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни же-
 лѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ преж-
 нее оружіе—убійство и отраву, прибѣгнули къ
 другому: коварству; а исполнителемъ своего за-
 мысла избрали настоящаго Демона, при помо-
 щи коего совершили чудеса. — Справедливо го-
 ворить одинъ писатель: »И самъ Стигійскій
 Плутонъ не отважится на то, что сдѣлаетъ не-
 утомимый Чернецъ и коварная старуха 30.«

Г Л А В А Ш.

Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

1604—1605.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо
 къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе Казаковъ.
 Неудача Степана Годунова. Недоумвнїе Борисово. Спрашный
 голодь. Цесарскій посоль въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ въка.
 Царскій Аспрологъ. Осада Пушивля Самозванцемъ. Ополченіе
 Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыницкое. Мар-
 жерепъ. Измѣна Бояръ. Осада Кромъ. Ашаманъ Корега. Кон-
 чина Годунова.

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ Мо-
 нахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо
 всѣ произшествія своего Отечества, онъ вмѣстѣ

1602. съ крамольниками распуская о Борисъ худую славу: но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисеена, напелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ, по довѣренности, Польскіе Вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою Князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть сему Вельможѣ съ притворною горестію, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть ³¹). Послѣ сего Отрепьевъ возвратился въ Россію; пришелъ въ землю Казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у Князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный Наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ сію молву, Отрепьевъ проситъ, убѣждаетъ Казаковъ подать помощь Царевичу и судить имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго Монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ ³²).

Наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ Князю Вишневецкому, въ званіи камердинера ³³). Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и приговорилъ: *Cervin sip*. Жестоко обиженный слуга

со слезами говорить Князю: »Еслибъ зналъ 1603
 ты, Князь Адамъ! кто тебѣ служить; не услы-
 шаль бы я столь обиднаго слова, да еще съ
 побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣлать нече-
 го: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя
 »слугою.« «А кто же ты? спросилъ Вишневец-
 кій, — и откуда пришелъ?» Тутъ юноша при-
 знался, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича;
 рассказалъ весьма складно приключенія своего
 дѣтства и умыселъ Бориса на жизнь его; от-
 крылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ
 смерти, кто спасъ его и какъ онъ странство-
 валь по Бѣлоруссіи; притомъ показалъ золотой
 крестъ, осыпанный драгоценными камнями,
 подаренный ему, будто бы, крестнымъ отцемъ.
 Всю эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый
 Димитрій упалъ, по Русскому обычаю, въ ноги
 Вишневецкому и воскликнулъ: »Предаю себя въ
 твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горь-
 жая жизнь не мила мнѣ. О, еслибъ ты помогъ
 мнѣ возратить то, чего я лишился; какая на-
 града была бы тебѣ, съ Божіею помощію!«

Князь изумился; повѣрилъ всему, что ни
 говорилъ скромный и красивый собою юноша;
 извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное
 слово; просилъ остаться въ банѣ и подождать
 его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между
 тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и на-
 питки, для угощенія въ тотъ же вечеръ Русска-

1603. го Царя. Дивились немало всѣ домашніе столь неожиданному прїѣзду Царя Всероссийскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ; конюхамъ нарядиться какъ можно лучше; заложить шестерней дорожную карету и убрать покой драгоценными коврами, такъ, что никто не могъ придумать, кого ожидаетъ Князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатю слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, съдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *Его Величество* принять сію бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣеть. Юноша поблагодарилъ Князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ вознаградить ему сторицею; великолѣпное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, молва о Царевичѣ Димитріи, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: эта новость его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому Князю ³⁴⁾ съ просьбою выдать изменника и обманщика, за что

объщала уступить ему нѣсколько пограничныхъ 1603 городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный симъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный Царевичъ, спрятала Царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта; между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, спѣшили удалиться отъ Россійской границы, близъ коей находилось его помѣстье ³⁵⁾, въ принадлежащій ему городъ Висніовець: тамъ показали Царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами отвѣчала: »Богу и тебѣ извѣстно, кто я; дѣлай со мною, что хочешь; я въ твоей власти: предаю себя въ твою волю!»

Князь старался его успокоить, общала никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе понудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ Царевича остаться въ городъ Висніовець подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣститъ его немедленно, если что либо провѣдаетъ о Борисѣ.

Царь, между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько человѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить Самозванца. Но бдительный Князь проводилъ мнимаго Царевича въ Великую Польшу, къ Вое-

1604. воедѣ Сендомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго Государя ³⁶).

Въ Январѣ 1604 года, Иоанць Тирфелдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому Коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Иоанна Мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, находится у Казаковъ и старается овладѣть престоломъ; въ Россіи же страшное волненіе. Посланнаго съ симъ письмомъ задержали и заключили въ Иванъ-городъ, откуда перевезли его въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ же году и мѣсяцѣ, отправленный симъ Государемъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Астрахань (города, отстоящіе отъ Москвы—первый на 250, а второй на 500 миль) дальній родственникъ Царя, Степанъ Степановичъ Годуновъ ³⁷, встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ Казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наследнику Русскаго престола. Сии Казаки напали на Степана Годунова; побили многихъ изъ его людей, остальныхъ же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстію, что они скоро придутъ въ Москву съ Царевичемъ Дмитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ сто- 1604
 ронъ, изъ Бѣлоруссіи, Литвы, Ливоніи, самъ
 началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и при-
 казалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя
 свидѣтельства въ смерти Царевича наконецъ
 убѣдили его, что виновниками обмана были зло-
 желатели его, Бояре. Ослыпленный Борисъ не
 могъ замѣтить, что все это было дѣломъ Небе-
 снаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтож-
 ность премудрости человѣческой въ сравненіи
 съ Божественною. Годуновъ мечталъ однимъ ко-
 варствомъ утвердить себя на престолѣ, но вско-
 рѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ
 Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ
 одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго
 успѣха: не принесли ему никакой выгоды сою-
 зы съ иноземными Гесударями; бесполезны бы-
 ли щедроты и благодѣянія, оказанныя Нѣмцамъ;
 никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной забот-
 ливости, его мудрыхъ распоряженій о благоден-
 ствіи Россіи; наконецъ неимовѣрныя суммы,
 раздаваемыя еряду нѣсколько лѣтъ на вспомо-
 женіе подданнымъ, не предохранили бѣднаго на-
 рода его отъ губительнаго глада и мора.

Въ 1601 году началась неслыханная доро-
 говизна; она продолжалась до 1604 года. Бочка
 ржи стоила отъ 10 до 12 гурьденовъ ³⁸⁾; настала
 такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испы-
 талъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іоси-

1604. фа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный навозъ, и когда благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ Историкомъ: свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали, и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ ⁵⁹).

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣянїяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода; Борисъ Θεодоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской стѣны, — имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы остави-

ли свои жилища и устремились въ Москву съ 1604 женами и дѣтьми, чтобы также участвовать въ Царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ отъ сего не уменьшавшейся ⁴⁰). Сверхъ того, по волѣ Государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красныя башмаки и вывозили въ *Божій долъ* для погребенія ⁴¹). Безъ содраганія не лзя было смотрѣть на множество труповъ, отправляемыхъ въ семь видѣ за городъ ежедневно! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ Царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцевъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500,000 человекъ, которыхъ Его Величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи ⁴²). Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ Государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе оныхъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій Царства и народы!

Но сколь ни очевидно было наказаніе Не-

1604. бесѣ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смирить-ся и думалъ одною казною своею прекратить бѣдствіе. По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться; но Царь запретилъ Россіянамъ, подѣ смертною казнію, онѣй покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ ⁴³). Послѣ сего, Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 сажень, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ, и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города ⁴⁴). Вездѣ отворены были Царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо Нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и Бояре, исполняя Царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій Промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ

за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколь- 1604.
ко тысячъ бочекъ муки изъ Царскихъ и Кня-
жескихъ магазиновъ, продавали оную весьма вы-
сокою цѣною: это беззаконіе продолжалось до
тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелію
несчетнаго множества людей, устранилъ одно
бѣдствіе—дороговизну, и послалъ другое—вой-
ну кровопролитную.

Въ Іюнь 1604 года прибылъ въ Россію
Императорскій посланникъ, Баронъ фонъ Ло-
гау, изъ Праги, съ значительною свитою; до при-
ѣзда его, отдано было Царское повелѣніе, что-
бы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути,
и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть,
изобиловали жизненными потребностями: Борисъ
хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговиз-
ны. Въ Москвѣ же, всѣ Князья и Бояре, всѣ
Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны
были нарядиться какъ можно великолѣпно, со-
образно съ Царскимъ достоинствомъ, въ одежды
бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя,
подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ сво-
его жалованья. Не одному бѣдняку пришлось
покупать для сего товары вдвое дороже обыкно-
веннаго, и многіе нарядились въ такія платья,
какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носить
никогда не воображали. Дворяне приготовили
для себя свиты и кафтаны, столь богато выло-
женные позументомъ, что ни одинъ Князь не

1604. постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе другихъ наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ Царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстья. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпнѣею одеждою съ своими товарищами, тому объявляли Царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ Дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ—все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ Царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, рассказывать кому либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево, всего въ изобиліи. Симъ бесполезнымъ высокомеріемъ Борисъ только раздражилъ Всевышняго; Россія, терзаемая голодомъ и моромъ, испытала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странныя явленія: видны были по ночамъ огненные столпы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда восходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ: страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на

свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ 1604 водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его не приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно были въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ, что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, Нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и убивъ его привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ, разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ въ Сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ Дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Москвитяне смотрѣли на сіи чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія; а Татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Странную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицы — *волкъ волка не ѣсть*, — изъяснилъ одинъ Татаринъ такимъ образомъ: »Москвитяне, говоритъ онъ, измѣнять сами себѣ, и какъ псы, будутъ язвить и истреблять другъ друга.«

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздо-

1604. ры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимоверно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокомеріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пици и напитковъ, о плутовствѣ и предлюбодѣйствѣ. Все сіе, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ ⁴⁵⁾. — Всевышній не могъ долѣе терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сочествія Святаго Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета; Россіяне смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ, чрезъ Государственнаго Канцлера. »Богъ посылаетъ такіа знаменія, отвѣчалъ сей мужъ, въ предостереженіе великихъ Государей; тамъ, гдѣ они слу-

чаются, обыкновенно. Бываютъ важныя перемѣны.» Почему совѣтоваль Царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. »Тебѣ грозить великая опасность!» говорилъ старикъ. Слова его сбылись: въ Сентябрѣ того же года собралось на Русской границѣ до 6000 Казаковъ, по наущенію Монаха Отрепьева, который, увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный Русскій Царь живъ и скрывается въ Польшѣ; въ то же время далъ знать мнимому Димитрію, что Казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами.

Димитрій ⁴⁶⁾, уже честимый какъ Царевичъ многими Польскими Вельможами, получилъ отъ нихъ значительное вспоможеніе и соединясь съ Казаками, имѣлъ до 8000 воиновъ. Съ этимъ отрядомъ онъ началъ свое дѣло, осадилъ Путивль и, благодаря содѣйствию проклятаго Отрепьева, овладѣлъ симъ пограничнымъ городомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла: жители Путивля покорились ему добровольно, какъ законному Государю.

Вѣсть о семъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ Князьямъ и Боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются

1604. свергнуть его съ престола. Между тѣмъ, разослалъ гонцевъ по всему Государству съ повелѣніемъ: всѣмъ Князьямъ, Боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ, явиться къ 28 Октября въ Москву непременно, угрожая отнять у ослушниковъ имѣніе и самую жизнь. На другой день разослалъ другихъ гонцевъ, а на третій—третьихъ, съ указами такого же содержанія. Въ теченіе одного мѣсяца собралось болѣе 100,000 человекъ: Царь послалъ ихъ, подъ начальствомъ Князя Мстиславскаго, противъ непріятеля къ Новгороду Сѣверскому, куда гнали изъ деревень прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, былъ наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, или сѣкли плетью, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Сии строгія мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое, около Мартинова дня, состояло уже почти изъ 200,000 человекъ 47).

Димитрій осадилъ Новгородъ Сѣверскій, но безъ успѣха: Воевода Новгородскій, Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ, оборонялся упорно и много вредилъ непріятелю. Между тѣмъ, подступила главная рать Московская. Самозванецъ, оставивъ осаду, пошелъ ей на встрѣчу: оба войска сразились подъ самымъ Новымъ-городомъ. Димитрій, съ малочисленнымъ отрядомъ своимъ, бросился прямо въ средину враговъ. Битва была

упорная. Князь Мстиславскій получилъ пятнад- 1604.
цать ранъ, и Москвитяне потерпѣли бы навѣр-
ное пораженіе, если бы 700 Нѣмецкихъ всадни-
ковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ 48).
Димитрій отступилъ и удалился изъ области
Сѣверской. Спаситель Новагорода, Петръ Ѳедо-
ровичъ Басмановъ, прибылъ въ Москву предъ
Валеріановымъ днемъ; Царь наградилъ его весь-
ма щедро за вѣрную службу и храбрость. Вы-
сланы были ему на встрѣчу знатнѣйшіе Князья
и Бояре, которые говорили привѣтствіе отъ
имени Его Величества; онъ вѣхалъ по городу на
Царскихъ саняхъ до самаго Дворца; провожали
его такъ точно, какъ Государя. Явившись во
Дворецъ къ Царю, онъ получилъ изъ собствен-
ныхъ рукъ Государя, въ награду за свою храб-
рость, золотое блюдо вѣсомъ въ 6 фунтовъ, на-
сыпанное червонцами; сверхъ того 2000 рублей
49); множество серебра изъ Царской казны; по-
мѣстье съ крестьянами, достоинство Боярина и
мѣсто въ Царскомъ Совѣтѣ. Народъ любилъ и
уважалъ его 50).

Въ Январѣ 1605 года, Московская рать, изъ
200,000 человекъ состоявшая, опять выступила
противъ Димитрія и 2 Января остановилась при
Добрыничахъ 51). У Димитрія было всего на-
все 15,000 Поляковъ, Казаковъ и Россіянъ. Съ
отрядомъ столь малочисленнымъ онъ устрем-
ляется на враговъ: Москвитяне бѣгутъ и бро-

1605. сають свои пушки. Уже вся рать Годунова казалась совершенно истребленною; но два знамя удержали побѣдоноснаго непріятеля. Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Валтеръ фонъ Розень, Липонецъ, а другимъ Яковъ Маржереть, Французъ. Воскликнувъ: *Hilf Gott* (помоги, Боже)! сіи иноземцы бросаются на побѣдителя; не даютъ ему преслѣдовать бѣгущихъ Москвитянь, заставляють его бросить отнятыя у Россіянъ орудія, и въ бѣгствѣ искать спасенія. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ витязей, ободрились, ударили на враговъ, восклицая также: *Hilf Gott!* и цѣлыя три мили ихъ преслѣдовали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, которымъ весьма было забавно слышать, что Россіяне такъ скоро выучились ихъ языку. При семъ случаѣ самъ Димитрій попался было въ плѣнь: раненный въ ногу конь едва могъ вынести его; да и всѣ 15,000 воиновъ его навѣрное погибли бы до послѣдняго, если бы зложелатели Борисовы не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и бесполезное кровопролитіе: ибо главные виновники, по ихъ словамъ, были уже пойманы. И такъ Нѣмцы возвратились; Москвитяне полюбили ихъ, хвалили ихъ храбрость и говорили: »Нѣмецкій Богъ сильнѣе Русскаго; горсть Нѣмцевъ одоляла; а мы бѣжали тысячами 52).«

Димитрій съ величайшимъ трудомъ достигъ 1605 Рьльска, и думая, что сей городъ не можетъ быть ему безопаснымъ убѣжищемъ; по малочисленности его дружины, пробрался въ Путивль, пограничную крѣпость. Несчастная битва его сокрушала; всѣ Русскіе воины его оставили, исключая нѣсколькихъ сотенъ Казаковъ, которые еще держались въ ничтожномъ гнѣздѣ—Кромахѣ. Москвитяне же, послѣ побѣды, занимались казню своихъ единовѣрцевъ, присягнувшихъ Димитрію въ Комарницкой волости ⁵³): они повѣсили на деревьяхъ за ноги нѣсколько тысячъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Далекое были слышны вопли сихъ несчастныхъ!

Но злодѣи Борисовы не дремали: тайно совѣтовали Димитрію не терять бодрости отъ неудачнаго сраженія, коего виною были Нѣмцы; обѣщали склонить сихъ послѣднихъ на его сторону; просили только, чтобы онъ разсылалъ по Россіи грамоты, съ доказательствами права своего на Русскій престолъ, и съ увѣщаніемъ къ народу признать его Государемъ. Димитрій слѣдовалъ сему совѣту: объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить; кто замѣщалъ на жизнь его; кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцемъ; какъ воспитывали его въ Бѣлороссіи, какъ помогали ему Польскіе Вельможи, и какимъ обра-

1605. зомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ прїѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, Великимъ Канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса. Сии грамоты, разсыяныя въ разныхъ мѣстахъ Государства, имѣли удачное слѣдствіе: многіе Россіяне явились въ Путивль и признали Димитрія Государемъ.

Между тѣмъ, Борисъ прислалъ Воеводамъ своимъ, стоявшимъ въ лагерѣ при Добрыничяхъ, 10 тысячъ рублей, съ повелѣніемъ изъявить Нѣмцамъ свою признательность за вѣрную ихъ службу, выдать имъ полное жалованье, и сказать, что если они всегда столь же вѣрно будутъ служить ему, то получаютъ прибавку годовыхъ окладовъ и помѣстьевъ, что Царь раздѣлитъ съ ними и последнюю рубаху; главному же Полководцу, Князю Мстиславскому, приказалъ всѣми силами осадить Кромъхъ, взять сію крѣпость непременно и истребить скопище Казачьяго Атамана Корелы ⁵⁴). Многіе Вельможи однако были недовольны Царемъ за то, что онъ назначилъ Князя Катърева ⁵⁵) въ товарищи Мстиславскому, еще не совсѣмъ излѣчившемуся отъ 15 ранъ, и съ нѣсколькими тысячами передались Димитрію.

Мстиславскій и товарищъ его осадили гнѣздо мятежниковъ: иноземцы сожгли деревянныя укрѣпленія онаго, такъ, что ни одного дома

не уцѣлѣло; но Казаки обвели городъ рвомъ, на- 1605
сыпали валъ, а подъ валомъ вырыли землянки,
гдѣ скрывались, какъ мыши, отъ пушечныхъ вы-
стрѣловъ. Изъ главнаго рва они прокопали нѣ-
сколько небольшихъ, откуда выползали на Мо-
сквитянь и отражали ихъ приступы. Если же
Москвитяне устремлялись къ городу всѣми си-
лами, Казаки немедленно уходили въ свои норы
и тамъ ожидали враговъ, которые однакожь
не осмѣливались нападать на нихъ въ семь убѣ-
жищъ. — Около трехъ мѣсяцевъ войско Борисово
стояло подъ Кромами, истратило множество огне-
стрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало; из-
мѣна Бояръ была очевидна: присланные Дими-
тріемъ изъ Путивля 500 Казаковъ, среди бѣлаго
дня, провезли въ городъ съѣстные припасы на 100
подводахъ, пробравшись чрезъ одинъ изъ Рус-
скихъ лагерей, такъ, что въ другомъ сего не за-
мѣтили ⁵⁶): столь явная измѣна побудила Вое-
водъ немедленно донести Государю, что они въ
крайней опасности, что Царская рать со дня на
день уменьшается, а войско Димитріево усили-
вается предательствомъ Бояръ и толпами Поля-
ковъ, что наконецъ не остается и надежды одо-
лѣть Самозванца. Сраженный этою вѣстію, Бо-
рисъ принялъ ядъ. Утромъ 13 Апрѣля онъ былъ
еще здоровъ и свѣжъ, а къ вечеру скончался ⁵⁷).
На другой день его похоронили вмѣстѣ съ про-
чими Царями. Друзья его сокрушались не мало.

1605. Бориса постигла почти такая же участь, какую приготовить онъ истинному Царевичу Дмитрію: и тотъ, и другой погибли насильственнымъ смертію. Сколько ни покушались разные люди на жизнь Годунова во все время его царствованія; но онъ не имѣлъ утѣшенія умереть отъ руки непріятеля, и былъ самъ собою палачемъ. Грѣшная совѣсть — робкая тварь! Онъ царствовалъ слишкомъ шесть лѣтъ, съ 1 Сентября 1598 года по 15 Апрѣля 1605.

Г Л А В А IV.

Царствованіе Θεодора Борисовича.

1605.

Басмановъ — главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Запаченіе Царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Θεодора и матери его.

16 Апрѣля 1605 года, Петръ Θεодоровичъ Басмановъ, возведенный Борисомъ, какъ выше сказано, въ достоинство Боярина, посланъ былъ подъ Кромь, на мѣсто Воеводы Мстиславскаго, котораго отозвали ко Двору, для управленія

внутренними дѣлами, въ помощь юному Госу- 1605
дарю. Прибывъ въ Кромской станъ, Басмановъ
привелъ воинство къ присягѣ новому Царю; но
эту присягу Россіяне исполняли такъ точно,
какъ голодный пестъ наблюдаетъ постъ: не про-
шло и трехъ недѣль, а Воеводы со всемъ вой-
скомъ уже измѣнили сыну Борису! Это случи-
лось 7 Мая; одни только Нѣмцы, удалившіе-
ся въ Москву, остались вѣрными Государю, ко-
торый изъявилъ имъ милость и благодарилъ ихъ
предъ цѣлымъ народомъ. Воеводы же Кромскіе,
большою частію, явились въ Путивль къ Дими-
трію и съ восхищеніемъ смотрѣли на своего но-
ваго Царя; потомъ проводили его въ Кромы ⁵⁸⁾.
Онъ, между тѣмъ, посылалъ гонца за гонцемъ
съ письмами къ Москвитянамъ, совѣтовалъ имъ
одуматься заблаговременно, убѣждалъ покорить-
ся ему, какъ истинному Государю, и истребить
враговъ его, Годуновыхъ, общая милость въ
случаѣ повиновенія и угрожая гнѣвомъ, если
заставятъ его притти въ Москву съ войскомъ.
Годуновы приказами схватить сихъ гонцевъ и
замучить до смерти.

1 Юня прибылъ знатный Бояринъ въ Крас-
ное село, Подмосковное Царское помѣстье, гдѣ
жили богатые купцы и серебрянники, имѣвшіе
въ Москвѣ друзей и родныхъ; сей Бояринъ ⁵⁹⁾
привезъ грамоту, въ коей Дмитрій писалъ къ
жителямъ Красносельскимъ, что онъ присылалъ

1605. и въ Красное село, и въ столицу многихъ гонцевъ, изъ коихъ ни одинъ не только не возвратился, но и въ живыхъ не остался; что не зная, народъ, или Годуновы ихъ погубили, онъ хочетъ непременно открыть виновниковъ такого злодѣянія, и для сего отправляетъ послѣдняго гонца къ нимъ, Красносельцамъ, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ дѣла ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ. »Если же и сей гонецъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ, писалъ Димитрій, то знайте, что и младенцамъ въ матерней утробѣ пощады не будетъ; а если онъ привезетъ повинную отъ васъ грамоту, оставайтесь покойны: я не злопамятенъ!»

Красносельцы приняли гонца почтительно, многочисленною толпою проводили его въ Москву до главной церкви, называемой Иерусалимомъ, и возвели на Лобное мѣсто, откуда онъ читалъ грамоту къ жителямъ столицы. Граждане Московскіе и Красносельскіе, выслушавъ гонца, разсуждали, что преданность Князей, Бояръ, всего Государства Димитрію, доказываетъ неоспоримое право его на престолъ, что время подумать о собственной участи: уже Димитрій приближается съ войскомъ, противъ коего не возможно устоять; а Москва не имѣетъ людей ратныхъ; одни же Годуновы, несправедливо завладѣвшіе престоломъ, не могутъ защитить гражданъ, которые должны погибнуть неминуемо, если

сами не откроютъ глазъ и не примутъ мѣрь 1605 для собственной безопасности и для пользы всего Государства. Наконецъ опредѣлили единогласно: не огорчая и не раздражая Димитрія бесполезною медленностію, послать къ нему повинную грамоту, съ раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ, и молить его о милосердіи; а кровожадныхъ Годуновыхъ, заставившихъ Царевича въ бѣгствѣ искать спасенія, взять подъ стражу 60).

Между тѣмъ, прибѣгаютъ изъ Дворца преданные Годуновымъ Бояре и хотятъ схватить присланнаго Димитріемъ; но уже поздно: отъ нихъ требуютъ отвѣта, куда дѣвались прежніе гонцы? и съ симъ словомъ всѣ граждане взволновались. »Да здравствуетъ Димитрій! воскликнули они единогласно, мы были во тѣмъ кромышней! Красное солнце наше восходитъ!» Потомъ съ неистовствомъ бросились во Дворецъ, славили имя Димитрія и поносили Годунова со всѣмъ родомъ его такими словами, что и сказать невозможно. Никто не вспомнилъ добрыхъ дѣлъ Царя, 8 лѣтъ благотворившаго Государству; все было забыто, какъ будто ничего не бывало! Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили къ нимъ стражу; а прочихъ его родственниковъ раздѣли до-нага, оковали цѣпями, посадили въ навозныя телеги, везли черезъ ши и колоды,

1605. безъ покровъ и тюфяковъ, въ ненастное время, за нѣсколько миль отъ Москвы — и бросили въ темницы. Дворы ихъ, между тѣмъ, были разграблены. Одни изъ сихъ несчастныхъ погибли еще дорогою, другіе въ темницахъ съ голоду. Надъ ними-то исполнилось изреченіе Пророка: »Въ плѣнь увлекутся сильные, въ нуждѣ и горестяхъ погибнуть роскошные.« Юный Царь, уже сведенный съ престола, вмѣстѣ съ матерью и сестрою былъ заключенъ въ домъ, принадлежавшемъ покойному отцу его.

Повеселившись такимъ образомъ на счетъ Годуновыхъ, Москвитяне хотѣли попировать въ Царскихъ погребахъ, и какъ во Дворцѣ уже не было Господина, то они объявили о своемъ желаніи старому Боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцемъ Димитрія. Сей Вельможа не задолго предъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ; однакожь не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда прійдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей Нѣмецкихъ, на коихъ онъ злился за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, Капитанъ Габріель выщипалъ ему бороду по Царскому повелѣнію; этотъ докторъ давно уже умеръ, по

для Бѣльскаго было все равно: онъ шеннулъ на- 1605
 роду, что врачи иноземные были душою и со-
 вѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣт-
 нья богатства и наполнили погреба свои вся-
 кими винами; что граждане могутъ поширо-
 вать у нихъ и напиться какъ угодно; онъ же
 беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы
 черни бросились немедленно въ дома врачей, и
 получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ,
 не токмо осушили всѣ бочки, но и самое имѣ-
 ніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ
 2 до 3 тысячъ талеровъ. При семъ случаѣ многие
 честные люди, вовсе посторонніе, лишились по-
 слѣдняго имущества, которое они перевезли изъ
 загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ доктор-
 скихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти оное
 отъ приближавшагося воинства. *Въ ту жь ночь пиру
 иль было похмѣлье.*

3 Юня послана Димитрію повинная грамота
 отъ имени всѣхъ жителей Московскихъ съ прось-
 бою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ под-
 даннымъ, и пожаловать въ Москву, гдѣ изъ всѣхъ
 враговъ его остался въ живыхъ одинъ молодой
 Осодоръ съ матерью и сестрою, крѣпко стерс-
 гомый и слѣдовательно уже неопасный.

Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ
 вступитъ въ Москву только тогда, когда враги
 его будутъ истреблены до послѣдняго, и что
 если Москвитяне хотятъ быть у него въ мило-

1605. сти; юный Ѳеодоръ и мать его должны быть преданы смерти. Сей указъ полученъ въ столицѣ 10 Юня; его прочитали и немедленно исполнили: Ѳеодора и мать его удавили въ темницѣ ⁶¹); а дочь Борисову, невѣсту Іоанна Герцога Датскаго, коему Богъ не продлилъ жизни, отвели въ Дѣвичій монастырь, откуда въ послѣдствіи взялъ ее Димитрій себѣ въ наложницы ⁶²). Сдѣлали два гроба: въ одинъ положили мать, въ другой сына; потомъ вырыли отца, и всѣхъ троихъ погребли на Срѣтенскомъ кладбищѣ — безъ всякихъ обрядовъ ⁶³).

Такъ погибъ родъ Бориса Годунова, достигшій до такой степени величія, до коей не восходилъ еще никто во все время существованія Русскаго Царства. Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана и овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака. Сынъ его Ѳеодоръ считался Царемъ 2 мѣсяца безъ двухъ дней; коронованъ не былъ ⁶⁴).

Г Л А В А V.

Царствованіе Дмитрія I.

1605—1606.

Самозванецъ подѣ Москвою. Преданность парода. Милость Нѣмцамъ. Вѣщаніе въ сполнцу. Свиданіе съ матерью Св. Дмитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капищацъ Маржеретъ. Прицѣсленіе Духовенства. Неудача Шуйскаго. Войскія попятки. Прибытіе Марини. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедмитрія.

Димитрій, узнавъ, что враговъ его не стало, выступилъ изъ Серпухова со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ на милю отъ Москвы; здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, чтобы развѣдать, между тѣмъ, мысли народныя; Москвитяне старались доказать свою преданность и въ изъясненіе радости о благополучномъ его прибытіи, поднесли ему хлѣбъ - соль (несомнѣнное свидѣтельство глубочайшаго почтенія, по Русскому обычаю), съ напитками и богатыми дарами, состоящими въ золотѣ, драгоценныхъ каменьяхъ, жемчугъ. Увѣренный въ покорности народа, онъ объявилъ, что все прошедшее передаетъ забвенію, что будетъ не Царемъ, а отцемъ своихъ подданныхъ, и что приложитъ неусышное попеченіе объ ихъ благоденствіи.

1605. 20 Іюня знатнѣйшіе Вельможи поднесли Димитрію богатія одежды, парчевыя, бархатныя, шелковыя, унизанныя жемчугомъ и драгоценными каменьями, и убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскую корону, милосердіемъ Творца такъ скоро ему возвращенную; говорили, что все для него готово, что ему нечего опасаться и печалиться, а должно веселиться; ибо тотъ, кто хотѣлъ съѣсть его, теперь не укуситъ.

Въ сей же день, всѣ Нѣмцы отправились къ Димитрію въ лагерь съ просьбою не гнѣваться на нихъ за пораженіе при Добрыничахъ, когда и долгъ присяги, и совѣсть повелѣвали имъ быть вѣрными Царю своему, Борису; нѣгнѣ, видя на престолѣ Димитрія, они готовы съ тою же вѣрностію служить и ему. Принявъ сію челоубитную, новый Царь призвалъ къ себѣ начальниковъ Нѣмецкой дружины, изъявилъ имъ не гнѣвъ, не угрозы, которыхъ они большою частію ожидали, но ласки и благоволеніе; хвалилъ ихъ за непоколебимое мужество при Добрыничахъ, гдѣ они обратили его въ бѣгство и почти всю силу его истребили; хвалилъ и за упорное сопротивленіе подъ Кромами, гдѣ они явили новый знакъ преданности Борису, не хотѣли измѣнить съ прочимъ войскомъ, и возвратились въ Москву; въ заключеніе сказалъ, что онъ будетъ доволенъ, если увидитъ отъ нихъ такую же услугу, и что

имъ вѣрить болѣе, нежели своимъ Русскимъ. 1605
 Потомъ спросилъ: »Кто былъ знаменосцемъ въ
 Добрынской битвѣ?» Сей немедленно явился. Ди-
 митрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди,
 примолвилъ: »Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ онъ вступилъ въ Москву ⁶⁵⁾; ко-
 гда кончилось шествіе и все было приведено
 въ порядокъ, Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ
 Дворца съ нѣсколькими Князьями и Боярами,
 сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу
 рѣчь, славилъ Бога за спасеніе Государя и убѣж-
 далъ Москвитянъ быть вѣрными новому Царю,
 истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ
 снялъ съ груди своей крестъ, съ ликомъ Чудо-
 творца Николая, поцѣловалъ оный и восклик-
 нулъ: »Брегите и чтите своего Государя!» Народъ
 отвѣчалъ въ одинъ голосъ: »Богъ да сохранитъ
 »Царя Государя и погубитъ всѣхъ враговъ его!»

29 Іюня, въ субботу, Димитрій короновалъ-
 ся въ церкви Пречистой Богоматери по Русско-
 му обычаю, съ тѣми же обрядами, о коихъ бы-
 ло сказано выше, по случаю вѣнчанія Годуно-
 ва.

18 Іюля Димитрій послалъ нѣсколько ты-
 сячъ всадниковъ въ Троицкій ⁶⁶⁾ монастырь за
 своею матерью, постриженною въ Инокини по
 волѣ Борисовой; да и самъ выѣхалъ ей на
 встрѣчу. Увидѣвъ другъ друга, они обнялись,
 изъясняя радость неописанную. Старая Царица

1605. весьма искусно представила нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое: по крайней мѣрѣ она опять стала Царицею. Димитрій пѣшкомъ провождалъ ея карету; многіе при семь зрѣлицъ плакали отъ умиленія и дивились неисповѣдимымъ путямъ Божиимъ. Потомъ Царь снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ съ своими Вельможами, для приготовленій къ принятію Царицы. Въ послѣдствіи онъ отдѣлалъ для нея въ самомъ Кремлѣ, у воротъ Іерусалимскихъ противъ монастыря Св. Кирилла, богатые покои, которые назвалъ монастыремъ своей матери; назначилъ ей Царское содержаніе, посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ самую нѣжную почтительность. Многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея.

Не проходило дня, когда бы Царь не присутствовалъ въ Совѣтъ, гдѣ Сенаторы докладывали ему дѣла Государственныя и подавали объ оныхъ свои мнѣнія ⁶⁷). Иногда, слушая долговременныя, бесплодныя прѣнія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: »Столько часовъ вы разсуждаете, и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу, дѣло вотъ въ чемъ!» — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые Бояре долго ломали свои головы. Онъ владелъ убѣдительнымъ даромъ краснорѣчія, любилъ приводить примѣры изъ Бытописаній разныхъ народовъ, или рассказывалъ случаи соб-

ственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ла- 1605
сково, упрекаль господь Сенаторовъ въ невѣже-
ствѣ, говоря, что они ничего не видали, ниче-
му не учились; общалъ дозволить имъ посѣ-
щать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣ-
сколько образовать себя; велѣль объявить на-
роду, что два раза въ недѣлю, по средамъ и
субботамъ, будетъ самъ принимать на крыльцѣ
челобитныя; а въ облегченіе бѣдняковъ, изну-
ряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ
всѣмъ Приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ по-
суловъ. Сверхъ того, какъ Россіянамъ, такъ и
чужеземцамъ, даровалъ свободу въ торговлѣ и
промышленности. Отъ сихъ мѣръ, дороговизна
мало по малу исчезла и обиліе водворилось въ
Государствѣ. За столомъ онъ охотно слушалъ
музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды,
напримѣръ, не молился иконамъ предъ нача-
ломъ обѣда, и не умывалъ рукъ по окончаніи
онаго; чему удивляясь закоренѣлые въ предраз-
судкахъ Москвитяне ⁶⁸⁾, уже стали подозрѣвать,
точно ли новый Царь — природный Россіянинъ?
Эта мысль сокрушала ихъ. Послѣ обѣда, онъ
не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ
Царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматри-
валъ сокровища своей казны, посѣщалъ аптеки
и лавки серебрянниковъ; для сего нерѣдко вы-
ходилъ изъ Дворца самъ - другъ и такъ тихо,
что стрѣльцы, не замѣтивъ, какъ онъ вышелъ,

1605. должны были искать его. Это казалось не менѣ страннымъ : ибо въ старину, Русскіе Цари, желая быть величественнѣе , не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою Князей, которые вели ихъ подъ руки, или лучше сказать, переносили; отправляясь въ церковь, онѣ ѣздили не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе Цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя Боярами, и влезали на лошадь : Димитрій , взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ , и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравняться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости; нерѣдко онѣ забавлялся конскимъ ристаніемъ, также охотою соколиною и псовойю; однажды самъ убилъ огромнаго медвѣдя, котораго спустили съ цѣпи въ селѣ Тайнинскомъ, вопреки желанію Князей и Бояръ. Для сего завелъ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ. Между тѣмъ, приказавъ слить множество пушекъ и мортиръ, отправилъ ихъ въ Елецъ ⁶⁹⁾, городъ стоящій на Татарской границѣ, — намѣреваясь въ слѣдующее лѣто посѣтить враговъ Христіанства, Татаръ и Турковъ. Узнавъ о семъ предпріятіи, Татарскій Ханъ спѣшилъ удалиться въ степь изъ столицы своей, Азова. Въ Кремль Димитрій построилъ для себя и будущей супруги

своей великолѣпныя палаты. Однимъ словомъ, 1605 его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки — все доказывало, что онъ былъ совсѣмъ другой Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій.

Не забывая услугъ Воеводы Сендомирскаго и помня свое обѣщаніе жениться на дочери его, Маринѣ, Димитрій отправилъ къ нему для сватовства, въ Сентябрѣ 1605 года, Государственнаго Канцлера Аѳанасія Ивановича Власьева, съ богатыми для невѣсты подарками, золотыми цѣпями, кольцами, деньгами ⁷⁰). Въ слѣдствіе сего, съ дозволенія Его Величества Короля и Государственныхъ чиновъ Польскихъ, совершилось торжественное обрученіе. Россіяне были весьма недовольны симъ поступкомъ: давно уже они замѣтили, что попались въ сѣти обманщика; теперь же, узнавъ о сватовствѣ Димитрія на дѣвицѣ племени поганнаго (т. е. некрещенаго, невѣрнаго: такъ величаютъ они всѣхъ иноземцевъ), еще болѣе удостовѣрились, что Царь ихъ былъ не Россіянинъ. Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ Попами и Монахами во всемъ Государствѣ, затѣяли свергнуть его съ престола; но замыселъ ихъ заблаговременно открылся. Съ тѣхъ поръ Димитрій, не довѣряя Князьямъ и Боярамъ, учредилъ охранительную стражу изъ однихъ Нѣмцевъ; а въ Январѣ 1606 года, назначилъ ей трехъ Капитановъ: старшимъ изъ

1605. нихъ былъ Яковъ Маржеретъ, родомъ Французъ, человекъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій; дружина его состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки оныхъ, обтянутые краснымъ бархатомъ, прикрѣпленными вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большою частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ Капитаномъ второй сотни Алебардчиковъ:—они имѣли алебарды съ Царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными суурками; рукава же оныхъ были изъ красной камки. Третьимъ Капитаномъ былъ Шотландецъ Албертъ Вандеманъ, прежде называвшійся Панъ-Шотницкимъ, потому, что онъ долго жилъ между Поляками. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни Алебардчиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, не мало гордились и поднимали носъ. Эта гвардія раздѣлялась на

двѣ половины, которыя смѣнялись чрезъ сутки, 1605 охраняя Димитрія денно и ношно. Господа Москвитяне смотрѣли на нее весьма неблагоклонно. «Очевидно, говорили они, что Царь насъ не любитъ и намъ не вѣрять. Чего же намъ ждать, когда пріѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собою Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!»

Димитрій вскорѣ далъ новыи поводъ къ негодованію народному: онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья и оставивъ изъ оныхъ только необходимое для содержанія праздныхъ Монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, готовившемуся въ походъ противъ враговъ Христіанства; сверхъ того, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ уступить Нѣмцамъ свои дома, находившіеся вблизи Дворца, для того, чтобы въ случаѣ надобности имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей. *«Пора за дѣло, бѣда за плечами,»* думалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ, Князь Василій Ивановичъ, и спѣшилъ воспользоваться временемъ: имѣя въ Москвѣ многихъ сообщниковъ, онъ составилъ заговоръ, коего цѣлю было—до прибытія новыхъ чужеземцевъ, умертвить Царя, со всѣми людьми, ему преданными.

Но умыселъ обнаружился: многіе Священники и стрѣльцы, въ мученіяхъ пытки, при-

1605. знали, что Князь Василій Шуйскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Попы отдѣлялись одною пыткой; а стрѣльцевъ Димитрій отдавъ на произволь ихъ товарищей, объявивъ, что только тотъ будетъ признанъ не участвующимъ въ заговорѣ, кто наложитъ руку на виновныхъ. Всѣ вѣрные стрѣльцы бросились на измѣнниковъ и, подобно псамъ, растерзали ихъ зубами, въ доказательство своей невинности 71). Начальникъ же заговора, Князь Василій Ивановичъ, по приказанію Царя, взятъ былъ подъ стражу, наказанъ плетьюми и осужденъ на смерть. Его вывели на мѣсто казни, между Дворцомъ и каменными лавками; тамъ прочли смертный приговоръ; палачъ раздѣлъ осужденнаго, подвелъ его къ плахѣ, и уже готовъ былъ отсѣчь ему голову — какъ вдругъ увидѣли бѣгущаго изъ Дворца Нѣмца, который держалъ въ рукахъ Царскую грамоту и еще издали кричалъ палачу: *стой!* Онъ объявилъ, что Царь, простивъ многихъ измѣнниковъ, милуетъ и сего преступника для знатнаго рода его, требуя одного обѣщанія не замышлять новой измѣны 72).

Это неумѣстное милосердіе принесло гибельные плоды, какъ ниже увидимъ. Гораздо было бы лучше, если бы Димитрій казнилъ крамольника, уличеннаго въ явной измѣнѣ; онъ не думалъ, что тотъ, кому даровалъ жизнь, будетъ въ послѣдствіи виновно его злосчастія: ему каза-

лось, что строгое наказаніе Шуйскаго, отниметь 1605 охоту у другихъ къ подобнымъ покушеніямъ. И такъ безстрашный Царь былъ совершенно спокоенъ. Коварные Князья и Бояре старались еще болѣе усыпить его, вели себя скромно, ничего не затѣвали, ѣздили съ Димитріемъ на охоту и участвовали во всѣхъ его забавахъ.

Въ 50 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: Царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ Нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами Польской конницы, также со всѣми Боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Для сего конницу расположилъ въ недалномъ разстояніи отъ монастыря; Князьямъ и Боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ Воеводою, а самъ, предводительствуя Нѣмцами, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комья. Въ первый день потѣха была чудесная. Только Нѣмцы переранили многихъ Бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, камнями. Знали, чѣмъ взять! Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ Коменданту ледяной крѣпости, »Дай Боже! взять со-временемъ такимъ же образомъ и Азовъ.« Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ, подали пива, меду, вина—и всѣ пили за общее здоровье. Въ сіе время подходитъ къ Царю одинъ Бо-

1606. Яринъ и просить его оставить такія забавы: ибо, говорилъ онъ, Болре весьма сердиты на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ камнями; не забудь, что между Князьями и Боярами много тебѣ зложелателей; каждый изъ нихъ имѣеть по длинному острому ножу; а у тебя съ Нѣмцами одни снѣжные комки. Не вышло бы худой шутки!« Царь одумался, прекратилъ потѣхи и возвратился въ Москву; вскорѣ узналъ онъ, что Болре въ самомъ дѣлѣ хотѣли погубить его съ Нѣмцами, распустивъ молву, будто бы Царь далъ приказаніе Польскимъ всадникамъ и Нѣмецкимъ тѣлохранителямъ умертвить Вельможъ. Честнымъ Нѣмцамъ и въ умъ не приходило такое злодѣйство.

Около сего же времени, Димитрій, получивъ пріятную вѣсть о приближеніи своей невѣсты къ предѣламъ Россіи, немедленно отправилъ для ея путешествія 15,000 рублей, а Смоленскимъ дворянамъ предписалъ встрѣтить ее со всеми спутниками почтительно, угостить какъ Царицу, и проводить до самаго Дорогобужа. Такое же приказаніе послалъ въ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище, Можайскъ, повелѣвая принимать невѣту, какъ его самого. Отъ Смоленской границы вплоть до Кремля исправили дороги; на рѣкахъ построили мосты, а улицы такъ чисто вымели, что ни въ какомъ домѣ не могло быть опятнѣе.

Между тѣмъ , какъ Царская невѣста съ от- 1606
цѣмъ и братомъ праздновала въ Можайскѣ Свѣт-
лое Воскресеніе, Димитрій , выѣхавъ изъ столи-
цы тайно , съ немногими людьми, изумилъ лю-
безныхъ гостей нечаяннымъ прибытіемъ. Онъ
провелъ съ ними двое сутокъ ; потомъ возвра-
тился въ Москву, и отдалъ приказаніе пригото-
вить все нужное для ихъ встрѣчи.

На другой день Пасхи, 24 Апрѣля, прѣѣ-
халъ въ Москву Воевода Сендомирскаго , отецъ
Марины : его пышно встрѣтили Князья , Бояре
и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1 Мая, и Цар-
ская невѣста пожаловала. Димитрій , выславъ къ
ней на встрѣчу весь дворъ и до 100,000 Каза-
ковъ, Татаръ, стрѣльцевъ, въ богатѣйшихъ одеж-
дахъ , самъ нарядился въ простое платье , вы-
ѣхалъ за городъ верхомъ и устроилъ войско по
обѣимъ сторонамъ дороги ; потомъ возвратился
въ Кремль , приказавъ вывести 12 верховыхъ
коней въ богатыхъ чепракахъ и сѣдлахъ , подъ
дорогими покрывалами изъ мѣховъ рысскихъ и
барсовыхъ, съ золотыми удилами, съ серебряны-
ми стременами; 12 конюховъ, въ великолѣпной
одеждѣ , вели сихъ коней въ подарокъ невѣстѣ.
За ними слѣдовала карета, запряженная 12 бѣ-
лыми лошадьми , обитая внутри краснымъ бар-
хатомъ съ парчевыми подушками , унизанными
жемчугомъ. Князь Мстиславскій сказалъ невѣстѣ,
отъ имени Царя, привѣтственную рѣчь, встрѣ-

1606. тиль весьма почтительно какъ ее, такъ брата и зятя ея, со всѣми спутниками, исполняя въ точности волю своего Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ просиль ее пересѣсть въ Царскую карету и принять оную въ подарокъ. Какъ скоро Марина поднялась съ мѣста, знатнѣйшія особы взяли ее на руки съ почтениемъ и посадили. Тогда началось шествіе: впереди было 300 гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны; за ними ѣхали Димитріевы Польскіе всадники, по 10 человекъ въ рядъ, съ трубами и литаврами; потомъ вели 12 вышеупомянутыхъ коней; тутъ ѣхала невеста съ братомъ и зятемъ въ Царской каретѣ, окруженной Польскими гайдуками и знатнѣйшими Русскими сановниками. По обѣимъ сторонамъ шли 200 Нѣмецкихъ Алебардчиковъ; за каретою и Вельможами слѣдовала сотня Казаковъ; за ними четыре конюха вели двѣ богато-убранныя верховыя лошади, принадлежащія невестѣ Его Величества; потомъ вели карету ея, запряженную 8 конями сѣрыми, въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами. Далѣе въ каретѣ шестеркою, ѣхала Гофмейстерина, Г-жа Казановская; за нею слѣдовали одна за другою еще 13 каретъ, въ коихъ сидѣли Польки изъ невестинной свиты; позади ихъ находились всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская кон-

ница съ своими набатами заключала шествіе; 1606 тамъ уже тянулся весь Польскій обозъ, съ поклажею и припасами.

Въ продолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку Московскіе музыканты. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, также, какъ и въ день пріѣзда Димитріева, о чемъ выше сказано: многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности прігунъли Москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что Польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ Нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали Поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей; опасенія Москвитянъ еще болѣе увеличились; они ждали большой бѣды. Уже и прежде, народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ Полякамъ и Нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими Боярами, разглашалъ, что сей Царь есть Самозванецъ; прібытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: Москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что Поляки и Нѣмцы непременно ихъ перебьютъ. Шуйскій, котораго

1606. Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ Бояръ, купцевъ, сотниковъ, пятидесятниковъ,* и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно сіе предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но Москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Да и самъ Димитрій Полякъ: его признали Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ героѣ защитника Вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ Святыхъ, оскверняетъ храмы Чудотворца Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ оныя некрещенымъ Ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ Пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдастъ Латышамъ; а самъ женится на поганой Полькѣ. »Если мы, продолжалъ Шуйскій, не примемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной Вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію неизмѣнною: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что Царь есть Самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посоветуются съ граж-

данами Московскими, какимъ образомъ отклонить 1606. бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ Поляковъ, да и то разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ!» Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ, и обѣщаль принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне должны были броситься во Дворецъ съ воплемъ: »Поляки губятъ Царя,«—и, окруживъ Государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя накануне будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однако Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи.

Такъ составленъ былъ сей тайный заговоръ! Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ; но нимало не беспокоился; онъ думалъ имѣть довольно силы для усмиренія Россіянъ; а того не размыслилъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ Дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

1606. 8 Мая совершилось Царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ Царица была коронована. Наканунъ свадьбы, Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими Боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Россіане же требовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались, по старинѣ, въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: »Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе «Бояръ и обычай народный, чтобы никто не жаловался, будто я замышляю великія перемѣны. Одинъ день ничего не значитъ!» Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви Пресвятой Богородицы ⁷³). Но въ слѣдующій день (9 Мая), прислалъ къ супругѣ Польскую одежду, объявивъ притомъ: »Вчера я сдѣлалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ.« Съ того времени Царица всегда наряжалась по-Польски. Праздновали эту свадьбу весьма весело, вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ; всѣ пѣсенники привезены были изъ Польши. Поляки, при семь случаѣ, напились до-пьяна и возвращаясь домой, дозволяли себѣ весьма наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянь и извлекали изъ каретъ знатныхъ

Боярынь, для удовлетворенія гнусному сладострастію. Народъ же все это бралъ на замѣчаніе.

Въ субботу, 10 Мая, Царь приказалъ изготавить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: ибо такую пищу Россіяне признають заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о семъ въ народъ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что Царь ихъ Полякъ, но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 Мая Мартинъ Беръ, уроженецъ Нейштатскій, говорилъ во Дворцѣ, съ дозволенія Государя, первую Лютеранскую проповѣдь, для господъ Капитановъ, Докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу.

12 Мая разнеслась въ городъ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіе храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ Чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что сей Царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ Отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ

1606. рынкахъ. Двое Алебардчиковъ, схвативъ одного изъ сихъ говоруновъ, привели его во Дворецъ и донесли Государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во Дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные Бояре смотрѣли на сего бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили Царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что Государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмирения мятежа, если бы кто либо оный затѣялъ. Сии увѣренія успокоили безстрашнаго героя; онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ Капитановъ, которые 13, 14 и 15 Мая, увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ; спрятали ихъ письменные извѣты, и сказавъ: «все это ничего не значить!»—оставилъ изъ всей гвардіи во Дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говорить пословица: «Чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается.» Димитрій оправдалъ изрѣченіе Св. Апостола Павла. «Егда бо рекуть—миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство.» Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ,

быль сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться. 1606

Ночью на 16 Мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 Мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часу по полуночи, когда Царь и Польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспать отъ вчерашняго похмѣлья; измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, — бышенство ихъ вооружало — устремились ко Дворцу съ крикомъ: »Кто умерщвляетъ Царя?« *Поляки!* отвѣчали Бояре.

Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные Бояре отвѣчали сему Вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ Царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а

1606. самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ, чего они хотятъ? что значить колокольный звонъ? Народъ завопилъ:.....выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ 74)!

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного челоуѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ Царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: »Бѣда, Государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: за чѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!« Между тѣмъ, одинъ изъ Бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ Царскій покой и закричалъ Димитрію: »Ну, безвременный Царь! проспался ли ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?« Вѣрный Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, срубилъ голову сему наглецу. Самъ Димитрійъ вышелъ въ переднюю, гдѣ были его Алебарщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго Дворянина Вильгельма Шварцгофа и грозя онымъ народу, кричалъ: *я вамъ не Борисъ* 75)! Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ Бояръ и просилъ ихъ не выдавать Государя. Татищевъ, знатный Вельможа, обругалъ его, какъ не лзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножомъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре сбро-

силы его съ крыльца, вышиною въ 12 сажень. 1606
Такъ погибъ за Царя сей герой, другъ и по-
кровитель Нѣмцевъ 76)!

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множество! Чернь вырубилъ нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои 77). Нѣмцы заперли оныя изнутри и стали за дверями.

Устрашенный Царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Россіяне, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. »О для чего, говорили между собою Алебардщики, мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы Царя: это оружіе годится только для красоты, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и Царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губить и насъ!« Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но

1606. видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ Царицины покои, достигнулъ каменнаго Дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 сажень;—но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Россіяне, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ Царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ распрашивая, куда дѣвался Царь, обыскивали Дворецъ и похитили множество сокровищъ.

Бояре же и Князья вломались къ Царицѣ; женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юпку своей Гофмейстерины. »Гдѣ Царь и Царица« воскликнули Бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе)? »Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали Царя; мы не обязаны его караулить«—было отвѣтомъ. »Непотребныя! закричали Бояре, гдѣ. . . . Царица ваша?« »На что же вамъ Царица? спрашиваетъ Гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами 7⁸). Послѣ того, Бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ—благородныхъ Полекъ—и отослали ихъ въ свои дома, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась

Марина, Бояре оставили въ покоѣ, только бра- 1606
нили ее безъ пощады и требовали непремѣнно,
чтобы она призналась, куда скрылась ея Цари-
ца. »Сего дня рано поутру, сказала Гофмейсте-
рина, мы отправили ее въ домъ Пана Воеводы
Сендомирскаго: тамъ она и теперь.«

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ
у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго Го-
сударя и услышавъ стоны его, спѣшили по-
мочь ему и хотѣли отнести его во Дворецъ. На-
родъ, замѣтивъ сіе, увѣдомилъ Боярѣ, кото-
рые тотчасъ оставили Гофмейстерину, и бро-
сились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить
Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжден-
ные, старались спасти его; подоживъ на мѣстѣ
одного или двухъ Боярѣ ружейными выстрѣла-
ми, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи
Царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы
сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ не
справедливо тащить и колотить въ одно время.
Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно
убранныя, но тогда уже разграбленныя и изга-
женныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохра-
нителей подъ стражею, обезоруженныхъ и пе-
чальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы
потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одно-
му изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни

1606. слова; что думалъ—извѣстно только Богу сердце-
вѣдцу; можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократ-
ныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!
Одинъ изъ копыеносцевъ, Ливонскій дворя-
нинъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ
комнату, желая знать, что будетъ съ Царемъ;
но былъ заколотъ однимъ изъ Бояръ, подле са-
мого Государя. »Смотри, говорили нѣкоторые
Вельможи, какъ усердны псы Нѣмецкіе! И те-
перь не покидаютъ своего Царя; побьемъ ихъ до
последняго!« Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату, поступа-
ли съ нимъ не лучше Жидовъ. . . . тотъ щип-
неть, другой кольнеть. . . вмѣсто Царской одеж-
ды, нарядили его въ платье пирожника и осы-
пали насмѣшками. »Поглядите на Царя Всерос-
сійскаго—сказалъ одинъ, у меня такой Царь на
конюшнѣ!« »А я бы этому Царю далъ знать,« го-
ворилъ другой. . . Третій, ударивъ его по лицу,
закричалъ: »Говори, к. . . с. . . кто ты, кто твой
отецъ и откуда ты родомъ?« »Вы всѣ знаете,
отвѣчалъ Димитрій, что я Царь вашъ, сынъ
Іоанна Васильевича. Спросите мать мою—она
въ монастырѣ,—или выведите меня на Лобное
мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться.« Тутъ вы-
скочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени
Валуевъ, и сказавъ: »Чего толковать съ ерети-
комъ? Вотъ я благословлю этого Польскаго сви-
стуна!«—прострѣлили его насквозь 79).

Между тѣмъ, старый измѣнникъ Шуйскій 1606.

разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко Дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ Польскій шутъ; имъ отвѣчали: Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: »Бей его, руби его.« Князья и Бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзили въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убитеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: »Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!«—Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ, и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою,—теперь лежалъ въ пыли и прахъ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же / свадьбы: она была не лучше Парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

Г Л А В А VI.

Междуцарствіе.

1606.

Убійство Поляковъ. Изсшувленіе народа. Переговоры Болръ съ Мариною и ошцемъ ея. Группъ Самозванца на Красной площади. Минное чудо надъ пѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательство, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ.

Во время бунта, нѣсколько сотъ Россіянъ окружили домъ, гдѣ жилъ Воевода Сендомирскій съ своими гайдуками и служителями (домъ сей находился въ Кремль, не далеко отъ Царскихъ и Патріаршихъ палатъ, и принадлежалъ некогда Борису Годунову); поставивъ противъ воротъ пушки, Россіяне такъ крѣпко стерегли оный, что не только человѣку, но и собакъ не лязя было выскочить. И такъ господинъ Воевода не могъ подать помощи своему зятю; впрочемъ рѣшился дорого продать свою жизнь, если бы на него напали.

По убіеніи Царя и Басманова, первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они—человѣкъ до 100—были побиты въ Кремль, въ монастырскихъ

домахъ , пожалованныхъ имъ покойнымъ Госу- 1606
даремъ. Потомъ дошла очередь до Поляковъ ,
жившихъ въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ
Москвы. Многіе изъ нихъ вскакивали съ посте-
лей въ однихъ рубахахъ и прятались въ погре-
ба, въ солому, даже въ навозъ; но тщетно: Мос-
квитяне находили ихъ и убивали, иныхъ коль-
ями, другихъ камнями или саблями; а женъ
и дочерей отвели къ себѣ.

Но братъ Царицинь , Панъ Староста , при
помощи слугъ и благородныхъ Поляковъ , оборо-
нялся весьма храбро въ своемъ домѣ , находив-
шемся противъ пушечнаго двора : здѣсь пало
много Россіянъ. Такую же твердость явили и
Царицины зятя , которые вмѣстѣ съ Польски-
ми послами , вооруживъ до 700 человекъ , въ
томъ домѣ , гдѣ умеръ Датскій Герцогъ Юаннъ ,
объявили народу , что они стануть палить по
городу , зажгутъ свой домъ , сядутъ на коней и
до послѣдняго человекъ будутъ защищать себя ,
если Россіяне не покланутся оставить ихъ въ
покоѣ. То же сдѣлали и Димитріевы Польскіе
всадники : никто изъ Русскихъ не смѣлъ войти
къ нимъ на дворъ. Напослѣдокъ Москвитяне
привезли пушки , навели ихъ на домъ Царици-
на брата и начали палить: послѣ двухъ выстрѣ-
ловъ , Поляки согласились сдаться , только съ
тѣмъ , чтобы жизнь и имущество ихъ были не-
прикосновенны. Русскіе дали слово и цѣловали

1606. крестъ. Но осажденные не вѣрили имъ и хотѣли говорить съ знатнѣйшими особами: тогда явился старшій измѣнникъ Шуйскій съ товарищами и далъ клятву не трогать Поляковъ; только просилъ ихъ дня два не выходить изъ дома, потому, что Москвитяне злыя на нихъ за оскорбленіе своихъ женъ и дочерей.

Народъ столь же милостиво поступилъ и съ тѣми Поляками, которые по многочисленности могли обороняться; если же находили въ домѣ чело-вѣкъ 6, 8, 10, 12 и 14, всѣхъ побивали безъ пощады, какъ собакъ.

Нѣсколько Поляковъ, сѣвъ на коней, спѣшили ускакать въ Нѣмецкую слободу; но къ несчастію, попались къ такимъ людямъ, которыхъ въ Ливоніи, или Германіи казнили бы позорною смертію: то были переkreщенные Мамелюки, враги Христіанъ, преданные болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ; Димитрій не удостоилъ ихъ чести принять въ свою гвардію, ибо справедливо думалъ, что они, измѣнивъ Богу, не будутъ вѣрны и Царю. Сии бездѣльники, ожесточенные противъ Димитрія и Поляковъ болѣе самыхъ Россіянъ, схватили несчастныхъ бѣглецовъ, думавшихъ найти у нихъ спасеніе, раздѣли ихъ до-нага и всѣхъ умертвили.

Дьявольская рѣзня продолжалась съ 3 часовъ до 11. Поляковъ погибло 2155 ⁸⁰⁾; въ числѣ убитыхъ были Студенты, Нѣмецкіе ювелиры

и купцы Аугебургскіе, имѣвшіе много денегъ и 1606 всякаго добра. Злодѣи бросали тѣла убіенныхъ на улицы, въ жертву собакамъ и Русскимъ площаднымъ лекарямъ, которые вырѣзывали жиръ изъ труповъ. Двое сутокъ лежали мертвые подъ открытымъ небомъ; въ третій день убійца Шуйскій приказалъ ихъ подобрать и похоронить въ Божіемъ домѣ. Никогда, доколѣ міръ стоитъ, потомство не забудетъ 17 Мая: какъ ужасенъ былъ этотъ день для иностранцевъ! Нельзя изобразить его словами; повѣритъ ли читатель? шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, громъ колесницъ и крикъ остервенившагося народа: «Сѣки, „руби к. . . д. . . Поляковъ!» Гласъ милосердія замолкъ въ душахъ Москвитянъ: жестокіе не слушали ни просьбъ, ни моленій.

Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ, гдѣ зарылся въ песокъ. Русскіе, думая, что тамъ закопаны сокровища, нашли его: бросивъ имъ свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собою никакой вины ни противъ Царя, ни противъ народа; предлагалъ все свое имѣніе, бывшее и въ Москвѣ, и въ Польшѣ; просилъ только отвести его во

1606. Дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба; на дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до-нага и изрубленныхъ: принужденный итти по трупамъ ихъ, сей добрый человекъ погрузился въ печаль неизъяснимую; съ какою горестію смотрѣлъ онъ, какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвитянинъ и закричалъ: »Бей этого к... с...« Несчастнѣйшій Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя смягчили бы самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именовъ Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердѣйшій Москвитянинъ ударилъ его саблею: тутъ вырвался несчастнѣйшій изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: »О Москвитяне! Вы называетесь Христіанами: гдѣ же Христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня, ради святой Вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ Отецтвѣ!« Все было напрасно: убійца разсѣкъ ему плечо; кровь полилась ручьями. Отчаянный Полякъ бросился бѣжать; злодѣи догнали и изрубилъ его—онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ,—потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку и портки убитого: я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Такъ сей бѣдный дворянинъ, потерявъ все свое имуще-

ство, всё одежды, золото, серебро, слугъ, коней, 1606
оружіе, лишился и самой жизни! Не радостную
вѣсть получили его дѣти и жена, братья и род-
ные, друзья и знакомые.

Въ сей несчастный для иностранцевъ день,
многіе негодяи, ровно ничего не имѣвшіе, наш-
ли пребогатую добычу: нахватали бархатныхъ
и шелковыхъ платевъ, собольихъ и лисихъ
шубъ, золотыхъ цѣпей и колець, ковровъ, зо-
лота, серебра, всякой всячины, чего ни сами,
ни предки ихъ никогда не имѣли. Довольно
было пищи и самохвалямъ: »Кому устоять про-
тивъ насъ, Москвитянъ? намъ числа нѣтъ. Цѣ-
лый свѣтъ не сладить: все должно покориться
намъ!« Такъ, любезные Москвитяне! Вы очень
храбры, когда сотнями нападаете на одного бе-
зоружнаго, особливо соннаго; иначе и въ нѣ-
сколькихъ тысячахъ не много найдется храбре-
цовъ.

Наконецъ въ 11 часу трагедія кончилась:
спасеннымъ отъ смерти Полякамъ дарована по-
щада; въ Москвѣ водворилась тишина; инозем-
цы могли теперь вздохнуть свободно. Какъ ве-
селятся мореплаватели послѣ ужасной бури и
свирѣпаго рѣва морскихъ волнъ, при наступле-
ніи ясной погоды; такъ радовались и мы, уз-
навъ, что убійства прекратились и что нашихъ
осталось въ живыхъ еще нѣсколько сотъ чело-
вѣкъ. Когда мятежь затихъ, измѣнники Бояре

1606. и Князя собрались предъ покоями Царицы и велѣли ей сказать, что имъ известно ея знатное происхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдавалъ себя за Димитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ Самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гардеробъ, всѣ драгоценныя каменья, жемчугъ, золотыя издѣлія; но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ капотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если Бояре, тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, Россіяне требовали только 55,000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: »Для чести Москвитянъ и въ удовольствіе моему Государю, всѣ сіи деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего.« Въмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей, обѣщая доставить все, что только имѣеть, а остальное приелать изъ Польши, если дозволено будетъ ей туда возвратиться. Бояре согласились.

Узнавъ о семъ условіи, Царицынъ отецъ пригласилъ къ себѣ Бояръ и сказалъ имъ: »Вы

не хотите, Господа, отпустить ко мнѣ дочь мою, 1606
 не получивъ прежде 55,000 рублей, которые
 прислалъ ей на дорогу Царь вашъ, Димитрій,
 желавшій поддержать какъ свою честь, такъ и
 достоинство народа? Но вы забываете, что от-
 правляя невѣсту, я истратилъ по крайнѣй мѣрѣ
 столько же: вы все у нея обобрали, и еще тре-
 буете отъ насъ денегъ! У меня есть теперь
 60,000 талеровъ и 20,000 Польскихъ злотыхъ:
 если вы отпустите меня въ Отечество съ до-
 черью и со всѣми Поляками, я согласенъ вру-
 чить вамъ сіи деньги, а остальную сумму при-
 шлю въ послѣдствіи.» Болре отвѣчали: »Освобо-
 дить тебя еще не время. Но мы согласны при-
 слать къ тебѣ дочь, какъ скоро получимъ твои
 80,000 талеровъ.» »Такъ и быть! воскликнулъ
 добрый Панъ Воевода. Я хочу жить и умереть
 съ нею. Деньги готовы, только приведите мою
 дочь съ ея Гофмейстериною и другими женщи-
 нами.» Князья и Болре удалились; чрезъ нѣ-
 сколько времени привели Царицу къ отцовско-
 му дому; но до тѣхъ поръ не отдавали ея, пока
 Воевода Сендомирскій не выслалъ обѣщанной
 суммы. Огорченный симъ жестокимъ поступ-
 комъ, онъ сказалъ имъ: »Вы поступаете съ нами
 безсознательно. Когда покойный зять мой пришелъ
 въ Россію съ малочисленнымъ отрядомъ, вы
 признали его истиннымъ Димитріемъ и тѣмъ
 удостовѣрили насъ, Поляковъ, что онъ имѣлъ

1606. неоспоримое право на Русскій престолъ; вы были виною смерти Борисовой, истребили весь родъ его, короновали Димитрія, велѣли посламъ своимъ благодарить насъ за наше объ немъ попеченіе; наконецъ торжественною грамотою, за своею печатью, увѣрили насъ, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича: это свидѣтельство и теперь хранится въ Польшѣ. Не я предлагалъ дочь свою вашему Государю; онъ самъ просилъ ея руки чрезъ васъ, Князей и Бояръ. Я же только тогда согласился отпустить ее, когда все Русское Царство изъявило на то желаніе и когда Русскій посолъ, предъ лицомъ Его Королевскаго Величества, засвидѣтельствовалъ право Димитрія на престолъ Московскій. Послѣ сего, можете ли говорить, что онъ былъ Самозванецъ и что мы, Поляки, васъ обманули? Такъ! мы были виновны; но только въ томъ, что слишкомъ вѣрили вашей клятвѣ: вы обманщики, а не мы! Мы пріѣхали сюда друзьями, жили среди васъ въ безопасномъ спокойствіи, разсѣялись по городу, иной тамъ, другой здѣсь, чего вѣрно бы не сдѣлали, если бы замышляли какое либо зло; а вы губили насъ, какъ злѣйшихъ враговъ, подобно тайнымъ смертоубійцамъ; словами насъ привѣтствовали, душою проклинали! Многія сотиви горестныхъ вдовъ и сиротъ, несчастныхъ родителей и друзей, оплакивають смерть своихъ милыхъ, погубленныхъ вашею злодѣйскою

рукою, и на васъ непрестанныя 'жалобы возсылаютъ къ престолу Всевышняго. Чѣмъ вознаградите ихъ за сію потерю? Положимъ, что покойный зять мой былъ не сынъ Царя Іоанна, хотя вы сами утверждали противное, чѣмъ провинились предъ вами 100 музыкантовъ? что сдѣлали вамъ ювелиры и купцы, которые никогда васъ не трогали, и всегда продавали хорошіе товары? чѣмъ виновны жены и дѣвы, столь жестоко вами оскорбленныя? Если бы мы таили дурной замысль, не три, или четыре тысячи явилось бы тамъ, гдѣ миллионъ жителей: мы привели бы цѣлое войско. Мы пріѣхали къ вамъ на свадьбу; а встрѣтили смерть! Уже ли вы думаете, что Богъ оставитъ безъ наказанія такое злодѣйство? Нѣтъ, нѣтъ! Безвинная кровь, вами пролитая, вмѣстѣ со слезами вдовъ и сирыхъ, вопіетъ къ престолу Всевышняго, и требуетъ возмездія! Вы можете, если хотите, погубить всѣхъ насъ: Богъ будетъ нашимъ судьбою! Совѣсть ни чѣмъ насъ не упрекаетъ.»

Бояре и Князья отвѣчали: »Не ты виновать, Господинъ Воевода! Мы также не виновны. Всему причиною твои надмѣнные Поляки: они срамили женъ и дочерей нашихъ, безчинствовали въ городѣ, оскорбляли Россіянъ, грозили намъ смертію; на нихъ возсталъ народъ. Не намъ было укротить толпу разъяренную! Не менѣе виновать и самъ зять твой: онъ прези-

1606. раль наши нравы, обычаи, нашу Вѣру; предпочиталъ намъ всякаго иностранца, вопреки своей присягѣ. Предавъ ему землю Русскую, мы ожидали отъ него благодарности, думали, что онъ не забудетъ, на какую степень возвели его, и не станетъ любить чужихъ, болѣе своихъ. Если бы онъ не обманулъ насъ, никто не отрекся бы служить ему, какъ Димитрію, хотя бы онъ былъ и Самозванецъ. Мы приняли его, что бы низложить Бориса и поправить свою участь; вмѣсто того, все пошло къ верху дномъ: онъ ѣлъ телятину, жилъ какъ бусурманинъ, и принудилъ насъ къ такому поступку, который намъ ни чуть не пріятенъ. И теперь, если бы онъ живъ былъ, мы сдѣлали бы тоже самое ⁸¹). А музыкантовъ и другихъ невинныхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, по истинѣ весьма намъ жалко: они были жертвою неукротимаго изступленія народнаго; мы не могли спасти ихъ. Но прислужницы твоей дочери — теперь находятся вмѣстѣ съ нашими женами и дочерьми: имъ гораздо лучше, нежели самой дочери твоей. Можешь взять ихъ немедленно, если желаешь. Но поклянись: во-первыхъ, не мститъ намъ, ни отъ своего лица, ни чрезъ своихъ родственниковъ; во-вторыхъ, примирить насъ съ Королемъ Польскимъ, коего подданные убиты во время смятенія; въ третьихъ, доплатить остальные изъ числа 55,000 рублей деньги, и возвратитъ пода-

ренныя Димитріемъ твоей дочери вещи; не то, 1606. готовься въ темницу со всѣми единосемцами! Выбирай!»

Воевода возразилъ: »Все, что было прислано зятемъ моей дочери, вмѣстѣ съ отцовскимъ приданымъ, она привезла въ Россію, и все у нея отобрано до послѣдней шубы. Вамъ лучше знать, куда дѣвалось сіе добро: у васъ, Князья и Бояре, всѣ ея дѣвицы. Что можемъ дать мы, до-года обобранные? Вы не могли требовать и 80,000 талеровъ, данныхъ мною за дочь: въ числѣ ихъ не было ни полушки вашей! Теперь мы болѣе ничего не имѣемъ. Впрочемъ охотно клянемся за себя и за всѣхъ родственниковъ не мстить вамъ; пустьъ разсудитъ сіе дѣло Тотъ, Кто говоритъ: *мищеніе мнѣ подобаетъ*. Но согласится ли простить Его Величество — мы не знаемъ, и слѣдовательно ручаться за него не можемъ; многіе изъ убиенныхъ были его подданные: участь ихъ будетъ ему горестна. Онъ властенъ въ моей жизни; я не могу вмѣшиваться въ дѣла его. И такъ не требуйте отъ меня невозможнаго!»

Москвитяне отвѣчали: »Какъ исполнить нашего требованія ты не хочешь, или не можешь, то изволь оставаться у насъ въ плѣну со всѣми Поляками, до тѣхъ поръ, когда мы узнаемъ мысли Короля Польскаго, и получимъ отъ тебя остальную сумму, да сверхъ того вознагражденіе

1606. за всѣ издержки на войну съ твоимъ зятемъ.»
 »Буди воля Божія! сказалъ Воевода Сендомир-
 ской; Онъ послалъ мнѣ сіе бѣдственное бремя:
 перенесу его терпѣливо. Есть предѣлъ, далѣе
 коего вредить мнѣ вы не можете: исполняйте
 волю Всевышняго; мы ничего не страшимся!»

Послѣ сего, Бояре заключили Воеводу съ
 дочерью, сыновьями и родственниками въ одинъ
 домъ, гдѣ содержали ихъ подъ строжайшимъ
 карауломъ, не позволяя никому входить и вы-
 ходить изъ сего дома, безъ дозволенія Бояръ⁸²).
 Прочіе же Поляки, исключая Королевскаго по-
 сланника, 31 Мая были разосланы по темницамъ
 въ разные города: въ Новгородъ, Переяславль,
 Ростовъ, Галичь, Кострому, Бѣлоозеро,⁸³ Во-
 логду; тамъ они сидѣли на хлѣбъ и водѣ
 и отдали за половинную цѣну все свое сере-
 бро, спасенное отъ грабителей, чтобы не уме-
 реть съ голода. Наконецъ Димитрій II осво-
 бодилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

Описавъ выше сего смерть Боярина Басма-
 нова, допросъ и убіеніе Царя Димитрія, бѣдствіе
 Поляковъ, всѣ ужасы мятежа, непрерывный
 звонъ, непрестанную тревогу, — расскажу те-
 перь, что сдѣлали Россіяне съ своими жертвами.
 Обнаженные тѣла побитыхъ Поляковъ двое су-
 токъ лежали на улицахъ; тамъ терзали ихъ псы
 и площадные лекари, которые вырѣзывали изъ
 труповъ жиръ. Наконецъ высоко-именитые Боя-

ре велѣли подобрать остатки тѣлъ, вывезти за 1606 городъ и бросить въ Божій домъ.

Бѣдные Поляки заключили праздникъ со-всѣмъ не такъ, какъ начали: начали пиръ слиш-комъ весело, а кончили чрезъ мѣру печально. Димитрій же и Басмановъ не удостоились чести пролежать во Дворцѣ до вечерни: какъ скоро затихъ мятежь, неистовая чернь, привязавъ къ ногамъ ихъ веревки, потащила обнаженные тру-пы кругомъ всего Дворца, чрезъ ворота Іеруса-лимскіе на площадь, гдѣ находятся суконныя лавки: тамъ положили Царя на столъ, а Басма-нова на скамью, такъ, что ноги Димитрія ле-жали на груди его любимца. Между тѣмъ при-шелъ изъ Дворца одинъ Бояринъ, бросилъ Царю на животъ маску, на грудь вольнку, а въ ротъ всунулъ дудку, и притомъ сказалъ: »Долго мы тѣшили тебя, к... с... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавь!» Другіе же Бояре и граж-дане, приходившіе смотрѣть убитыхъ, сѣкли трупъ Самозванца плетями, приговаривая: »Сгу-билъ ты наше Царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!» А бабы Московскія, без-стыдно ругаясь надъ тѣломъ Димитрія, поноси-ли Царицу такими словами, какихъ и сказать не возможно. Басманову было легче: съ дозволе-нія Бояръ, Князь Иванъ Голицынъ, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади трупъ его и 18 Мая похоронилъ оный подлѣ его сына, за

1606. Англійскимъ подворьемъ. Димитрій же трое сутокъ оставался на площади и былъ предметомъ ругательствъ.

Въ третью ночь, около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ исчезалъ — и снова являлся, какъ скоро удалялись. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о семъ высокимъ Господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти тѣло въ Божій домъ, за Серпуховскіе ворота. Когда везли его, поднялась ужасная буря, но не во весь городъ, а только по дорогъ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самыя внѣшнія, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домъ, куда бросили тѣло Димитрія вмѣстѣ съ другими мертвецами: утромъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, если кто либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ не долго оставался въ могилѣ: 17 Мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божіаго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы: одни считали Димитрія необыкновеннымъ человекомъ, другіе діаволомъ, морочившимъ людей; иные же чернокнижникомъ, научившимся адскому искус-

ству у Лапандцевъ, которые велятъ убивать 1606 себя и послѣ оживаютъ. Наконецъ 28 Мая рѣшились его ежечь, и пепель развѣяли по воздуху.

Уже въ первый день мятежа, Поляки распустили молву, что умерщвленъ былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій; но это — сказка, которою Поляки думали со временемъ воспользоваться. Сочинитель сей книги, звавъ Димитрія лично и видѣвъ его мертвымъ, можетъ увѣрить, что Россіяне умертвили и сожгли того самого челоуѣка, который правилъ Государствомъ, и который уже не воскреснетъ. Пусть явятся еще трое Самозванцевъ подъ именемъ Димитрія: всѣ они будутъ обманщики.

Димитрій отличался многими превосходными качествами и необычайною храбростію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ и важныя недостатки: былъ весьма безпеченъ и высокомеренъ; за что, безъ сомнѣнія, навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Гордость его была такъ безпредѣльна, что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣденія объ измѣнѣ Москвитянъ; затмѣвая пышностію всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ Царя Царей ⁸³). Тѣлохранители должны были становиться на колѣна, когда выходилъ къ нимъ Царь, или являлась Царица: и Богу такую честь не всегда изъявляютъ! Надъ нимъ-то сбылось изрѣченіе Пророка Исаи:

1606. *Высоцѣи укоризною сокрушатся, и высоцѣи смирятсѣя.*

Заключенная Царица не могла, безъ слезъ раскаянія, вспомнить о своемъ высокомеріи и неблагодарности къ Богу, который возвелъ ее — дочь простаго Пана — на столь высокую степень; посему приписывая и свое несчастіе, и бѣдствіе супруга сему грѣху, она дала обѣтъ никогда не быть высокомерною, какъ скоро получитъ свободу. Да исполнить Богъ, ради Христа Спасителя, ея желаніе! Аминь.

Не худо было бы всемъ Государямъ заглядывать въ сіе трагическое зеркало, и замѣтивъ въ себѣ подобный недостатокъ, заранѣе исправлять его, не дожидаясь гнѣва Божіа. Справедливо говорить пословица: *Что было разъ, слухится и въ другоредѣ.*

Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ Царя Іоанна Васильевича, а другіе — иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣеть ли Всемилостивѣйшій Государь нашъ законное право на престоль Россійскій? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: »Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуеть васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его

вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однакожь Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.» 1606

2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ Аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому Тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Дмитрію: онъ зналъ хорошо юнаго Царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Сей Аптекарь увѣрялъ меня, что Дмитрій — не сынъ Іоанновъ; что Царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марию Феодоровну, а Царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

3. То же самое говорила мнѣ одна благородная Ливонка, взятая въ плѣнь Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году. Она была повивальною бабкою старой Царицы и находилась при Дворѣ безотлучно, воспитывая Царевича.

4. Вскорѣ по убіеніи Дмитрія, я отправился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндртомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ, мы встрѣтили стопятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ Государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли сей Царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обещаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ

1606. съ своего мѣста и перекрестившись, сказали: »Убить Государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили весьма неблагоразумно: ибо сами возвели его на престоль; конечно онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человекъ разумный — однако не сынъ Іоанна Васильевича. Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ — тому уже 17 лѣтъ — и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ Князей и Бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ Царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливы!»

5. Многіе Поляки увѣряютъ, что онъ былъ побочный сынъ Короля Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій монастырь, Янъ Петръ Сапѣга, однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ея самыхъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: »За три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Русскій престоль бродягу; подъ именемъ сына Царя Іоанна Грознаго; теперь въ другой разъ даемъ Русскимъ новаго Царя и уже завоевали для него половину Государства; онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лоп-

нутъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, 1606 что хотимъ!» Я самъ это слышалъ.

6. Въ Угличѣ Князья и Бояре вообще не любили юнаго Царевича, потому, что въ немъ, еще отрокъ, обнаруживались признаки жестокосердїя; люди же незначительные не могли похитить его изъ Дворца.

7. Россїяне, особливо знатнаго рода, соглашались скорѣе умерить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ Царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россїя есть Государство Христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ. Но если бы Русскіе вѣрили въ иностранцамъ; многія высокія особы спасли бы и себя, и дѣтей, и имѣніе отъ бѣдствій войны долготѣней. Они сего не сдѣлали; полагаясь на защиту Св. Николы; такъ пусть ихъ терпятъ все, что онъ имъ ни посылаетъ! Изъ вышесказаннаго очевидно, что сей Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Россїяне же признали его Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе не лъзя было бы низложить съ престола ⁸⁴).

Г Л А В А VII.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1606.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Опѣвътъ Короля. Крамолы. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство Князя Шаховскаго. Волненіе въ Пупняль. Начало войны междоусобной. Пораженіе Царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе Царевны Ксєніи.

Въ осьмой день по смерти Димитрія, т. е. 24 Мая 1606 года, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, коего голова за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ лежала на плахѣ, возведенъ былъ на Царскій престолъ. Не всѣ чины земскіе избрали его Государемъ: многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы — вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе Бояре. Когда же Патріархъ со всѣмъ Духовенствомъ короновалъ его, и всѣ жители Москвы, Россіяне и Нѣмцы, дали присягу въ вѣрности; тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ коихъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы.

Первымъ дѣломъ новаго Царя было объясниться съ Королемъ Польскимъ. Желая узнать, что побудило Польшу къ нарушенію мира,

Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посла съ 1606. значительными дарами, просилъ Его Величество запретить подданнымъ беспокоить набѣгами Русскіе предѣлы, изъявлялъ готовность жить въ добромъ согласіи, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ симъ жаловался на Поляковъ, которые, пріѣхавъ въ Россію съ Воеводою Сендомирскимъ, позволяли себѣ столь наглые поступки и такъ озлобили народъ, что граждане возстали на своихъ оскорбителей. »Впрочемъ, присовокупилъ Шуйскій, хотя въ день мятежа погибло много Поляковъ, но Воевода Сендомирскій, подъ моею защитою, остался невредимъ.»

Король, съ своей стороны, ласково привѣтствуя Шуйскаго, просилъ отпустить въ Польшу его посланника, бывшаго при Димитріи. »Что же касается до убитыхъ Поляковъ, писалъ Сигизмундъ, не мое дѣло требовать возмездія. Поляки—народъ вольный, располагають собою, какъ хотятъ, и если нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ въ Москву съ Воеводою Сендомирскимъ, на свадьбу его дочери, пострадали отъ собственнаго неблагоразумія, то сіе дѣло до меня не относится. Впрочемъ не могу также отнять права места у родственниковъ и друзей ихъ, если они захотятъ онымъ воспользоваться.» Въ заключеніе присовокупилъ, что Царскіе дары ему не нужны; отослалъ ихъ назадъ; просилъ только поскорѣе отпустить посланника.

1606. Шуйскій, исполняя желаніе Сигизмунда, дозволилъ послу выѣхать изъ Россіи; но прочіе Поляки были задержаны; ихъ бросали изъ одной темницы въ другую. Между тѣмъ, Царь, стараясь очистить городъ православный отъ нехристовъ (такъ называютъ Москвитяне всѣхъ вообще иноземцевъ), 23 Іюня выгналъ изъ столицы четырехъ медиковъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе короткимъ знакомствомъ съ Поляками, оставивъ при себѣ одного Давида Васмера, не имѣвшаго съ ними врагами никакой дружбы; онъ принять ко Двору и сдѣлаиъ Лейбъ-медикомъ.

Въ то же время, распространилась молва, будто бы Царь Димитрій спасся отъ смерти и своихъ гонителей: Россіяне были въ недоумѣніи. Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ разныхъ толковъ; для сего 30 Іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ Царевича; а между тѣмъ, велѣлъ умертвить тамъ девяти-лѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привезти въ Москву; самъ встрѣтилъ тѣло мнимаго Димитрія съ Боярами, Священниками, Монахами, съ крестами и хоругвями, проводилъ оное въ церковь, и велѣлъ объявить народу, что покойный Царевичъ, въ молодости безвинно пострадавшій, есть Свягый Мученикъ: ибо тѣло его, преданное землѣ еще за 17 лѣтъ, нынѣ такъ свѣжо, какъ будто онъ только вчера

скончался; самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ его 1606 предъ смертію, до сихъ поръ цѣлы; платье не истлѣло и гробъ не согнилъ. Всякъ, кто хотѣлъ видѣть сего Угодника, могъ приходить въ Дворцовую церковь. Между тѣмъ, нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хворыми, хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Дмитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе — и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли! Тѣ и другіе утверждали, что Царевичъ подалъ имъ помощь; а глупая чернь слушала ихъ съ благоговѣніемъ, и до такой степени вдалась въ суевѣріе, что Богъ, разгнѣванный обманомъ, наказалъ виновныхъ: одинъ мнимый слѣпецъ, умолявшій Дмитрія о зрѣніи, дѣйствительно ослѣпъ; а другой обманщикъ, принесенный къ Святому, какъ разслабленный, умеръ. Наконецъ даже дѣти примѣтили, что всѣ сіи чудеса были только безстыднымъ обманомъ. Тогда Шуйскій приказалъ церковь запереть и никого въ нее не впускать, объявивъ, что народъ, не давая Царевичу покоя, прогнѣвалъ его 85).

Князь Григорій Шаховскій, въ день мятежа, похитивъ золотую Государственную печать, удался въ Путивль съ двумя Поляками, одѣтыми въ Русское платье. Переправясь чрезъ Оку, близъ Серпухова, онъ далъ перевозчику 6 Польскихъ злотыхъ и спросилъ его: »Знаешь ли, пріятель,

1606. «кто мы?» «Почему мнѣ знать!» отвѣчалъ переводчикъ. «Такъ, слушай! сказалъ Шаховскій, только никому не говори: ты перевезъ Димитрія, «Царя Всероссійскаго. Вотъ онъ (указавъ на одного Поляка), вотъ, нашъ юный, храбрый Царь, «котораго Москвитяне хотѣли убить! Онъ спасся — и съ Божіею помощію, приведетъ войско изъ Польши, а тебя сдѣлаетъ большимъ человекомъ.»

Сію же сказку слышала въ Серпуховѣ одна Нѣмка — вдова, у которой Шаховскій обѣдалъ; давъ ей горсть денегъ, Князь примолвилъ: «Вотъ тебѣ, хозяйка, на медъ и пиво! Скоро мы сюда «возвратимся съ сильною ратию — и вы, Нѣмцы, «тогда будете счастливы.» Когда же Нѣмка сказала: «Что за странныя рѣчи? Кто вы?» Шаховскій отвѣчалъ: «Я — Князь; ѣду изъ Москвы, «и скажу тебѣ: ты угощала Царя Димитрія! «Москвитяне хотѣли его убить; но обманулись: «убить другой человекъ, а Димитрій спасся.» Съ симъ словомъ, бѣглецы пустились въ дорогу къ Путивлю; на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, они рассказывали ту же басню, и притомъ такъ искусно, что всѣ Россіане, отъ Москвы до Польской границы, начали вѣрить молвѣ о спасеніи Димитрія.

Достигнувъ Путивля, оба Ляха разлучились съ Княземъ Шаховскимъ, перешли за границу и давъ знать супругъ Воеводы Сендомирскаго

о происшествіяхъ Московскихъ, увѣдомили ее, 1606 что одинъ Князь, коему они обязаны спасеніемъ, взялся отмстить за смерть своего Государя. Между тѣмъ Шаховскій, открывъ за тайну жителямъ Путивля, что Москвитяне хотѣли умертвить Димитрія и перебили всѣхъ его Поляковъ; но что самъ онъ удалился къ тещѣ своей въ Польшу, откуда возвратится съ новыми силами и отмститъ измѣнникамъ, — убѣждаетъ народъ не оставлять Государя и помочь ему въ благомъ предпріятіи. Путивльцы съ радостію услышали вѣсть сію: немедленно призвали нѣсколько тысячъ Казаковъ, назначили Воеводою Истому Пашкова и поручили ему привести къ присягѣ окрестные города: вездѣ, куда ни приходилъ Пашковъ, жители изъявляли готовность служить Димитрію — и на пространствѣ 400 верстъ, до самаго Ельца, всѣ присягнули ему съ радостію ⁸⁶).

Свѣдавъ о семъ, Шуйскій ужаснулся и спѣшилъ собрать войско; а для лучшаго успѣха, распустилъ молву, что Крымскіе Татары, въ числѣ 50,000 человекъ, напали на Россію, полонили многія тысячи Христіанъ, и уже идутъ къ Ельцу. Въ слѣдствіе сего, войско Царевъ и Царевъ приближилось къ сему городу въ Августъ мѣсяцъ 1606 года; но къ удивленію, встрѣтило тамъ, вмѣсто Татаръ, земляковъ своихъ — Князей, Бояръ и Казаковъ Путивльскихъ. Обѣ стороны сразились: Москвитяне разбиты были на голову

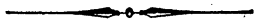
1606. и отступили къ столицѣ. Путивльцы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, поносили ихъ сими словами: »Вы думаете, к... д... съ своимъ шубникомъ (такъ называли Шуйскаго) умертвить Государя, перебить его людей и упиться его кровію: пейте же воду, бездѣльники, и тряскайте свои блины! Царь проучить васъ за кровопійство; пусть только придетъ войско его изъ Польши!» Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, избитые плетью до полусмерти, получили свободу; но едва пришли въ Москву съ непріятною для Царя и причета его вѣстію, были заключены въ темницы и тамъ погибли.

Шуйскій, узнавъ о пораженіи своего войска, велѣлъ объявить народу, что Поляки, поддерживая Самозванца, низринули Россію въ бездну злополучія, истощили казну, обагрили землю кровію Христіанскою, погубили Царя Бориса Ѳеодоровича съ сыномъ и супругою; нынѣ измѣнники снова разглашаютъ, что Димитрій не убитъ, а спасся бѣгствомъ: но это ложь очевидная; если бы даже молва сія была справедлива, во всякомъ случаѣ Димитрій есть обманщикъ, затѣявшій ввести въ Государство поганую вѣру.

Кромѣ сего, думая тронуть народъ жалостнымъ зрѣлищемъ, Царь Василій Ивановичъ приказалъ вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, сына и жены его, лежавшія въ одной

бѣдной обители 15 мѣсяцевъ, и похоронилъ 1606
 онѣя въ Троицкомъ монастырѣ съ Царскимъ
 великолѣпьемъ; тѣло Борисово несли 20 Мона-
 ховъ; супругу же и сына его по 20 Боярѣ. Вель-
 можи, Иноки, Священники, провождали усоп-
 шихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ: тамъ
 сѣвъ на коней, а гробы поставивъ на сани, от-
 везли ихъ въ монастырь съ торжественною ти-
 шиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ
 единородная дочь Годунова Ксенія, испуская жа-
 лобные вопли: »Горе мнѣ, злостной сиротѣ!
 »Злодѣй погубилъ весь родъ мой; погубилъ от-
 ца, мать и брата; самъ онъ въ могилѣ, но и
 »мертвый онъ терзаетъ Царство Русское. Суди
 него, Боже!»

Всѣ вообще Россіяне жалѣли о Борисѣ и
 охотно согласились бы видѣть его на престолѣ;
 но уже поздно: вольно же имъ было покидать
 его въ жертву Самозванцу; пусть пеняютъ сами
 на себя. Правду говоритъ пословица: *Старый
 другъ лучше новыхъ двухъ.*

Г Л А В А VIII.

1607—1608.

Пашковъ подъ Москвою. Боллошпиковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Аженспръ всплываетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Ввроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Спародубъ. Взятіе Тулы. Твердость Боллошникова. Неудачи Васильевы. Ажедимширій подъ Брянскомъ и Болховымъ. Бишвы. Предатель Ламдорфъ. Димширій подъ Москвою. Марша въ его рукахъ. Неудачныя сношенія. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ.

Путивльскій Воевода, Истома Пашковъ, въ Августъ мѣсяцъ двинулся на Москву, покоря на пути до самой Коломны всѣ города и села Димитрію безъ всякаго сопротивленія. Ставъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ столицы, при деревнѣ Котлахъ, онъ требовалъ, чтобы жители Московскіе признали Димитрія своимъ Государемъ, и выдали бы измѣнниковъ Шуйскихъ. Многіе изъ обитателей Москвы, Русскіе и иностранцы, не имѣя надежды на спасеніе, удалились изъ города.

Вскорѣ послѣ Мартинова дня, Истома Пашковъ соединился съ опытнымъ витяземъ, Иваномъ Исаевичемъ Болотниковымъ, который пришелъ къ нему на помощь чрезъ Калугу изъ Камарницкой волости, лежащей между Орломъ и

Путивлемъ. Всѣ города, бывшіе на пути его, 1606 также присягнули Димитрію. Болотниковъ родомъ былъ Русскій ⁸⁷⁾; увезенный въ молодости Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ, какъ невольникъ; въ послѣдствіи, при помощи Нѣмцевъ, получивъ свободу, отправился въ Венецію, гдѣ услышалъ о странныхъ явленіяхъ въ своемъ Отецествѣ и спѣшилъ пробраться въ Польшу; тутъ узналъ онъ, что Царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, скрывается у супруги Воеводы Сендомирскаго. Черезъ нѣсколько времени, Болотникова схватили и представили мнимому Димитрію, который, спрашивая его о родѣ и племени, замѣтилъ въ немъ опытность и предложилъ ему идти противъ измѣнниковъ. Болотниковъ съ радостію согласился пожертвовать жизнію за Царя своего. »Теперь я не могу еще наградить тебя, сказалъ Самозванецъ; на первый разъ возьми эту шубу, саблю и 30 червонныхъ. А это письмо вручи въ Путивль Князю Григорію Шаховскому; онъ дастъ тебѣ денегъ изъ казны моей и войско. Скажи ему, что ты видѣлъ меня здѣсь и говорилъ со мною.«

Жители Путивля приняли Болотникова съ радостію и охотно вѣрили его рассказамъ, будто бы онъ проливалъ кровь свою за Димитрія и потерялъ все, что имѣлъ. Могли сомнѣваться

1606. въ этой сказкѣ тѣ люди, которые недавно повѣрили Князю Шаховскому?

Болотниковъ, въ слѣдствіе письменнаго и словеснаго повелѣнія Лжедмитріева, получивъ званіе большаго Воеводы, съ 12,000 отрядомъ 88) отцарился чрезъ Камарницкую волость къ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пашковымъ осадилъ сію столицу. Они однако поссорились: Болотниковъ, избранный Воеводою самимъ Царемъ, не хотѣлъ бытъ подъ начальствомъ Пашкова, избраннаго Шаховскимъ; прогналъ его и остался главнымъ Полководцемъ. Пашковъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, завелъ переговоры съ Царемъ Василіемъ, получилъ отъ него знатныя подарки и явившись въ Москвѣ съ Болтрами Касимовскими и Рязанскими, среди бѣлаго дня объявилъ всенародно, что въ Путивлѣ никто не видалъ Димитрія, что о спасеніи и бѣгствѣ его въ Польшу распустилъ слухъ Князь Шаховскій; но справедлива ли молва сія ему, Пашкову, не извѣстно. Москвитяне отъправились въ лагерь Болотникова съ требованіемъ показать имъ Царя Димитрія. «Мы готовы присягнуть ему, говорили они, если только Царь твой истинный Димитрій.» «Царь въ Польшѣ, отвѣчалъ Болотниковъ; я видѣлъ его своими глазами; онъ скоро сюда будетъ и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить о семъ.» «Нѣтъ! возразили Москвитяне, это не Царь, а обманщикъ: мы сами убили Ди-

митрія. Не проливай крови напрасно, покорись 1606
Государю; онъ сдѣлаетъ тебя знатнымъ Госпо-
диномъ!» Болотниковъ отвергъ сіе предложеніе.
»Давъ клятву Царю, говорилъ онъ, жертвовать
за него самою жизнью, я сдержу свое слово и
не буду бездѣльникомъ, подобно Пашкову. Вы
заботитесь о своей пользѣ, я не менѣе думаю о
собственной, еще болѣе о Государѣ. Идите; мы
скоро увидимся!»

Послѣ сего онъ отправилъ гонца къ Князю
Шаховскому, съ просьбою, какъ можно скорѣе
доставить Царя изъ Польши: »Я довелъ Москви-
танъ до того, писалъ Болотниковъ, что они го-
тovy передаться Димитрію, лишь только уви-
дятъ его. Царь долженъ пріѣхать одинъ, безъ
войска: народъ и безъ того выдастъ ему измѣн-
ника Шуйскаго.« Но тотъ, кого Шаховскій име-
новалъ Димитріемъ и отъ кого получалъ онъ
въ Путивлѣ письма, не хотѣлъ вѣрить сему из-
вѣстію, жилъ въ Польшѣ богатымъ Паномъ, и
не искалъ престола, предоставивъ право спорить
объ ономъ кому было угодно 89).

И такъ не видя мнимаго Димитрія, разу-
вѣренные Москвитяне ежедневно дѣлали вылаз-
ки; наконецъ самъ Шуйскій повелъ 100,000 че-
ловѣкъ на враговъ: множество побилъ, 10,000
взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣг-
ство. Отступивъ къ Серпухову, Болотниковъ
сказалъ жителямъ сей крѣпости, что если они

1607. согласятся довольствоваться его войско въ продолженіе года, онъ останется съ ними; въ противномъ случаѣ долженъ будетъ удалиться. Ему отвѣчали, что въ Серпуховѣ и самимъ нечего ѣсть; тогда онъ отступилъ далѣе, въ Калугу, на 36 миль отъ Москвы, городъ обильный съѣстными припасами. Калужане, въ угожденіе Царю Димитрію, приняли его защитника дружелюбно.

Болотниковъ обвелъ Калугу тыномъ съ двойнымъ ровомъ и выдержалъ осаду съ 30 Декабря 1606 года по 3 Мая 1607; но какъ Димитрій все еще не являлся, ибо въ Польгѣ не было охотниковъ итти на вѣрную смерть, то Князь Григорій Шаховскій выдумалъ новое средство и безъ Польскаго Димитрія поработить Москвитянъ. Степные Казаки увѣдомили его, что сынъ слабоумнаго Царя Феодора, Петръ, едва спасенный отъ Годунова, еще въ младенчествѣ, и нашедшій убѣжище въ ихъ степяхъ, желаетъ повидаться съ дядею своимъ Димитріемъ, въ намѣреніи испросить себѣ удѣлъ для приличнаго мѣстопробыванія. Шаховскій, имѣя въ рукахъ Димитріеву печать, написалъ отъ имени сего Государя къ Царевичу Петру грамоту, въ коей просилъ набрать Казаковъ какъ можно болѣе, и привести ихъ въ Путивль, для покоренія Россіи, съ тѣмъ, что Царевичъ будетъ управлять престоломъ до прибытія Димитрія изъ

Польши. Такъ онъ предавалъ въ руки Петра 1607 прекраснѣйшее Царство 90)!

Петръ привелъ въ Путивль, на помощь дя-
дѣ своему Димитрію, 10,000 человекъ; отсюда
онъ отправился къ Туль, вмѣстѣ съ Шахов-
скимъ, который рѣшился возвести его на Рус-
скій престолъ, если Богъ поможетъ имъ одо-
лѣть Москвитянъ, и никто не вздумаетъ пріѣхать
изъ Польши, чтобы выдать себя за Димитрія;
впрочемъ все дѣлалъ и говорилъ именемъ сего
Царя, который давно былъ въ могилѣ.

Въ томъ же году Карлъ, Герцогъ Шведскій,
желая предостеречь Василия Шуйскаго, увѣдом-
лялъ его чрезъ нарочнаго посланника 91), что
Король Польскій и Папа Римскій умышляютъ
злое на Россію, что опасность, грозящая Русско-
му Царству, обратится и на Швецію; почему,
предостерегая своего любезнаго сосѣда, Герцогъ
изъявлялъ готовность выслать къ Новгороду
въ пособіе 10,000 воиновъ Шведскихъ или Нѣ-
мецкихъ, если Царь согласится еодержать ихъ
на счетъ своей казны. Шуйскій не принялъ сего
предложенія и отвѣчалъ Герцогу, что Россія
всегда умѣла собственными силами управляться
со врагами, безъ помощи сосѣдовъ, и никогда
искать оной не будетъ. Однако онъ ошибся въ
своемъ расчетѣ; послѣ и самъ искалъ защитни-
ковъ въ Швеціи, да уже поздно: пришелъ на-
онецъ Делагарди; но призвать его стоило Царю

1607. больших трудовъ и издержекъ. Не даромъ говоритъ пословица: *Куй желъзо, пока оно горячо.*

Между тѣмъ, легкомысленный Нѣмецъ, именемъ Фридрихъ Фидлеръ, родомъ изъ Кенигсберга, явился къ Василю Шуйскому съ предложениемъ избавить его и Россію отъ Болотникова ядомъ, если только будетъ награжденъ помѣстьями и деньгами. Шуйскій, давъ Фидлеру на первый разъ 100 талеровъ и коня, объявилъ, что онъ получитъ въ награду 100 душъ крестьянъ и 500 талеровъ ежегоднаго оклада, если сдержитъ свое слово и присягнетъ въ непремѣнномъ исполненіи своего обѣщанія: ибо Царь не совсѣмъ вѣрилъ ему, какъ извѣстному хвастуну и обманщику. Легкомысленный Фидлеръ произнесъ такую клятву, что у всякаго, кто слышалъ оную, дыбомъ становились волосы. Потомъ взялъ деньги, отправился въ Калугу, и вручилъ Болотникову ядъ, въ присутствіи многихъ людей, объявивъ, что это—подарокъ Василя Шуйскаго, и что Воевода можетъ употребить оный какъ захочетъ. Болотниковъ осыпалъ его наградами; но клятвopреступникъ, продавъ душу свою дьяволу и обезславивъ имя Нѣмцевъ, мало выигралъ: потерялъ все имущество, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія; самый видъ его сдѣлался страшнымъ и дикимъ; въ послѣдствіи

онъ попался въ руки Шуйскаго и былъ сосланъ 1607 въ Сибирь. Вотъ его клятва :

«Во имя пресвятой и преславной Троицы, во имя предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, я Фридрихъ Фидлеръ даю сію клятву въ томъ, что хочу погубить ядомъ врага Царю Василію Ивановичу и всему Царству Русскому, Ивана Болотникова; если же сего не исполню и обману моего Государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія едиnorodный сынъ Божій Иисусъ Христосъ, кровь свою за насъ проліявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила Св. Духа; да покинутъ меня всѣ Ангелы, Христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стихіи міра сего, созданныя на пользу человѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душою моею діаволь. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Евангеліе.»

1 Мая 1607 года, Царевичъ Петръ выслалъ изъ Тулы войско на помощь Калугѣ, уже давно

1607. осаждаемой Москвитянами. Царскіе Воеводы отправили противъ сего отряда нѣсколько тысячъ человекъ; враги встрѣтились на Пчелнѣ и сразились. Москвитяне, разбитые на голову, съ ужасомъ прибѣжали въ окопы свои подъ Калугу. На другой день Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и такъ перепугалъ Царское войско, что кинувъ все орудія, все военные снаряды, все жизненные припасы, оно бросилось къ Москвѣ; а побѣдитель, избавившись отъ осады, перешелъ къ Петру въ Тулу.

Шуйскій однако ободрился, хотѣлъ овладѣть симъ городомъ, гдѣ собрались главные мятежники, и отправилъ всю рать свою къ Серпухову. Узнавъ о такомъ намѣреніи, Царевичъ Петръ, Князь Шаховскій и Болотниковъ спѣшили врагамъ на встрѣчу, и сразились съ ними подъ Серпуховымъ; битва была упорная; Москвитяне разбѣжались бы навѣрное, еслибъ одинъ изъ Тульскихъ Воеводъ не передался на ихъ сторону съ 4,000 человекъ. Эта измѣна ужаснула сподвижниковъ Петра: они оставили поле сраженія и возвратились въ Тулу. Послѣ кратковременнаго отдыха, мятежники опять выступили на встрѣчу Василію Ивановичу, который уже приближался къ сему городу; но какъ Царское войско несравненно было многочисленнѣе, простираясь до 100,000 человекъ: то они возвратились въ крѣпость. Царь, въ Іюнь мѣсяцѣ

окруживъ Тулу со всѣхъ сторонъ , приказаль 1607
запрудить въ полумили отъ города , рѣку Упу ;
среди ея протекающую . Вода остановилась и
наполнила всѣ улицы , по коимъ можно было
ѣздить только на паромехъ ⁹²⁾ ; между тѣмъ
пресѣкся подвозъ съѣстныхъ припасовъ и на-
сталъ голодъ : жители начали ѣсть собакъ , ко-
шекъ , стерву , лошадей и воловьей кожи ; дорого-
вина была страшная : за бочку ржаной муки
платили 100 гульденовъ ; пива не было и въ
поминѣ ; голодъ погубилъ многихъ ; напрасно
Болотниковъ нѣсколько разъ писалъ въ Польшу,
къ тому , кто отправилъ его въ Россію , съ
просьбою поспѣшить на помощь : Димитрій не
являлся .

Наконецъ Казаки и всѣ граждане Тульскіе ,
разувѣренные въ молвъ о спасеніи Димитрія ,
рѣшились выдать Царю Василию главныхъ ви-
новниковъ обмана , Князя Шаховскаго и Болот-
никова ; сей послѣдній не терялъ мужества и
сказалъ недовольнымъ : »Когда пріѣхалъ я изъ
Венеціи въ Польшу , молодой человекъ , лѣтъ 24
или 25 , призвалъ меня и объявилъ , что онъ
Димитрій , бѣжавшій изъ Москвы во время бун-
та . Я далъ ему клятву въ вѣрности и сдержу
мое слово . Не знаю , точно ли онъ Димитрій ,
коего видѣть въ Москвѣ мнѣ не случилось ; но
люди , знавшіе Царя , увѣряютъ , что сей чело-
вѣкъ на него похожъ.«

1607. Болѣе всего негодовали на Князя Шаховскаго, который разгласилъ, будто бы Димитрій бѣжалъ съ нимъ изъ Москвы; посадили его подъ стражу, съ угрозою выдать, какъ виновника войны, Василю Шуйскому, если не явится Димитрій. Наконецъ Болотниковъ далъ Поляку Ивану Мартиновичу Заруцкому порученіе развѣдать, что случилось съ тѣмъ, кто называлъ себя Димитріемъ, и будетъ ли онъ въ Россію, или нѣтъ. Заруцкій довѣхалъ только до Стародуба, гдѣ остался и ничего не отвѣчалъ.

Не имѣя свѣденій отъ Заруцкаго, Болотниковъ и Шаховскій отправили въ Польшу другаго гонца: то былъ Казакъ; онъ переплылъ Упу, достигъ Польши и увѣдомилъ друзей Воеводы Сендомирскаго, что если никто изъ нихъ не согласится выручить осажденныхъ изъ бѣды неминуемой; то всѣ города, покоренные во имя Димитрія, будутъ преданы Его Величеству Королю Польскому, лишь только бы не доставались они Шуйскому. Друзья Воеводы Сендомирскаго тотчасъ приступили къ дѣлу; сыскали въ Бѣлорусскомъ городѣ Соколѣ. ⁹³⁾, проворнаго молодца, именемъ Ивана, родомъ изъ Россіи: онъ былъ учителемъ у какого-то Священника, и хорошо разумѣлъ языкъ Русскій и Польскій. Далъ сему плуту роль Димитрія съ нужными наставленіями, Поляки отправили его въ Путивль съ Паномъ Мѣховецкимъ ⁹⁴⁾. Жители Путивля

съ радостію признали его Димитріемъ. Отсюда 1607 обманщикъ въ концѣ Іюля пошелъ въ страну Сѣверскую и прибылъ въ Стародубъ съ двумя спутниками, Григоріемъ Кашнецомъ и писаремъ Алексѣемъ; но здѣсь выдавалъ себя не за Царя, а за Царскаго родственника, Нагаго; говорилъ, что Царь не далеко съ Паномъ Мѣховецкимъ и многими тысячами всадниковъ; что Стародубцы должны радоваться прибытію Государя, который за вѣрную службу осыплетъ ихъ милостями.

Мѣховецкій однакожь не явился къ назначенному времени; жители Стародубскіе, раздраженные обманомъ, схватили писаря Алексѣя, Григорія Кашнеца, даже мнимаго родственника Царскаго—Ажедимитрія II, и повели ихъ къ пыткамъ; начали съ писаря: раздѣли его и стали исписывать ему спину плетьюми, допрашивая, живъ ли Царь и гдѣ онъ? Къ такому письму писарь не привыкъ. «Пусть будетъ со мной, что Николь угодно, размышляя онъ, скажу правду; открою, что сей Нагой не родственникъ Царя, а самъ Димитрій.» Наконецъ рѣшился и закричалъ: «Пощадите, дайте сказать, гдѣ Царь вашъ!» Пытку прекратили. «Дураки! говорилъ Алексѣй народу, ну какъ вамъ не грѣшно тиранить меня за Государя? Да развѣ не знаете его? Онъ здѣсь; онъ видитъ мою мѣку: вотъ онъ! Это не Нагой, а Царь вашъ. Коли хотите и его по-

1607. губить съ нами, губите! Для того-то и не открывался онъ, чтобы узнать, будете ли вы рады ему.« Тутъ бѣдные, простодушные Стародубцы пали предъ Самозванцемъ на колѣна и завопили: »Виноваты, Государь; клянемся жить и умереть за тебя!« Его проводили съ почтеніемъ въ Царскія палаты. Такимъ образомъ Димитрій, убитый въ Москвѣ, опять явился въ Стародубѣ.

Обрадованный симъ событіемъ, Иванъ Мартиновичъ Заруцкій (котораго послали, какъ выше сказано, къ Царю изъ Тулы), немедленно явился къ Самозванцу, представилъ письмо, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что сей Димитрій есть обманщикъ; но въ присутствіи народа, призналъ его своимъ прежнимъ Государемъ, котораго впрочемъ никогда не видывалъ. Стародубцы еще болѣе убѣдились въ истинѣ словъ писаря Алексѣя.

Въ тотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими эскадронами Польской конницы. Димитрій тотчасъ отправилъ его освободить Козельскъ отъ осады; а самъ обѣщалъ итти въ слѣдъ, для освобожденія Тулы и Калуги; остался же въ Стародубѣ только для того, чтобы увѣриться въ усердіи народномъ; для сего употребилъ слѣдующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выѣхать съ копьемъ въ рукѣ за городъ и ожидать тамъ Димитрія, который хотѣлъ состязаться съ нимъ въ искусствѣ

владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Какъ скоро 1607. соберется народъ на сіе зрѣлище, Заруцкій долженъ былъ ударить въ Царя копьемъ по платью, такъ, чтобы онъ свалился съ лошади, будто бы отъ удара, а самъ немедленно ускакать въ городъ и скрыться: все это дѣлалось для того, чтобы видѣть, равнодушно ли перенесетъ народъ паденіе своего Государя. Въ слѣдствіе сего условія, Царь упалъ съ коня и притворился полумертвымъ; граждане бросились на Заруцкаго съ крикомъ: »лови, держи измѣнника!« схватили его въ воротахъ, изрядно отпочивали дубинами, привели къ Царю связаннаго и спрашивали, что прикажетъ дѣлать съ виновнымъ. Димитрій, видя, что бѣдному Заруцкому довольно досталось, отвѣчалъ со смѣхомъ: »Спасибо вамъ, православные! вижу преданность вашу; я цѣль и невредимъ. Это была шутка; мы хотѣли только испытать васъ.« Стародубцы дивились такой хитрости и смѣялись отъ чистаго сердца; а Заруцкій остался при своихъ побояхъ.

Между тѣмъ, Панъ Мѣховецкій прогналъ Москвитянь отъ Козельска и ожидалъ тамъ своего Государя. Димитрій выступилъ 1 Августа съ намѣреніемъ освободить Тулу и Калугу; но скоро возвратился къ Самову: ибо узналъ, что Шуйскій старается склонить на свою сторону города Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, и разставляетъ ему сѣти. Сии города въ самомъ дѣлѣ

1607. поддались Шуйскому и вѣрно поймали бы Самозванца, если бы онъ не успѣлъ удалиться и не ушелъ въ Самовъ, гдѣ жилъ цѣлую зиму, пока не получилъ подкрѣпленія.

Послѣ отпаденія Болхова, Бѣлева и Лихвина, Тула не могла долѣ держаться: голодъ усиливался, вода прибывала; однакожь осажденные не хотѣли покориться; ждали только пониженія воды, чтобы сдѣлать вымазку и пробиться сквозь непріятелей. Какой-то чародѣй, старый Монахъ, изъявилъ Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду; требовалъ только 100 рублей за услугу. Когда обѣщали ему сію награду, онъ раздѣлся до-нага и бросился въ воду: вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; Монаха не видно было долѣ часу; всѣ думали, что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь изцарапанный,—и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: »Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12,000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать сію плотину и запрудить Упу. Съ ними-то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6,000 демоновъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6,000, самыя злобныя, не даютъ разрушить плотину: съ ними я не могъ сладить!»

Димитрія все не было; въ Тульѣ утратили по- 1607
слѣдную надежду на спасеніе; изнуренные голо-
домъ жители едва могли держаться на ногахъ;
наконецъ Петръ и Болотниковъ извѣстили Шуйскаго, что они готовы сдать ему крѣпость, если
имъ даровано будетъ помилованіе; въ против-
номъ случаѣ умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и
скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели
сдадутся.

Шуйскій, изумленный сими словами, от-
вѣтствовалъ: »Я далъ клятву не щадить никого
изъ Тульскихъ жителей; но ваша доблесть и
неизмѣнное соблюденіе присяги, хотя и *вору* дан-
ной, побуждаетъ меня даровать вамъ жизнь,
если только вы согласитесь служить и мнѣ съ
тою же вѣрностію.« Сіи слова Царь подтвердилъ
крестнымъ цѣлованіемъ; Тула покорилась 1607
года, въ день Іуды и Симеона.

Выѣхавъ въ задніе ворота, гдѣ разлитіе
воды было не такъ сильно, Болотниковъ явился
предъ ставкою Шуйскаго, сошелъ съ коня, обна-
жилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, уда-
рилъ челомъ въ землю и сказалъ Василию:
»Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому,
кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ
(справедливо, или нѣтъ, не знаю: никогда пре-
жде Царя я не видывалъ). Я не измѣнялъ своей
клятвѣ; но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей
власти! Если хочешь головы моей—вели отсѣчь

1607. ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь,— послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто оставилъ меня.» Шуйскій послалъ его съ Княземъ Петромъ и 52 Нѣмцами въ Москву, подъ надзоромъ приставовъ. Нѣмцы могли видѣться съ друзьями своими; но Болотниковъ и Петръ ни съ кѣмъ не имѣли сношенія и находились нѣсколько времени подъ стражею. Василій сдержалъ Царское слово такъ свято, какъ только можно ожидать отъ подобныхъ ему людей: Князя Петра, который могъ быть истиннымъ Царевичемъ ⁹⁵⁾, приказалъ повѣсить; Болотникова отправилъ въ Каргополь и заключилъ въ темницу, а потомъ велѣлъ утопить; Нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи, на 800 миль отъ Москвы, гдѣ они болѣе 4 лѣтъ до сего 1612 года, живутъ среди народовъ дикихъ, варварскихъ, не видятъ ни куска хлѣба, питаются только рыбою и мясомъ. Да поможетъ имъ милосердый Богъ, ради Иисуса Христа, освободиться изъ этой неволи! Князь Григорій Шаховскій, главный виновникъ войны, счастливо спасся отъ петли, благодаря своей тюрьмѣ: искусному плуту все сходитъ съ рукъ! Казаки и Тульскіе граждане посадили его въ темницу за ложное увѣреніе въ помощи Димитрія; Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховскаго, который увѣрилъ Царя, что народъ

озлобился на него за намѣреніе покориться Го- 1607
сударю. И такъ сей грубый обманщикъ полу-
чилъ полную свободу; но въ послѣдствіи, при
первомъ удобномъ случаѣ, передался Димитрію
II, и сдѣлался его главнымъ Воеводою и вѣр-
нѣйшимъ Совѣтникомъ.

Въ знакъ благодарности за покореніе Тулы,
Василій отправился на богомолье въ Троицкій
монастырь, въ ненастное осеннее время; усерд-
но молился тамъ Св. Сергію, просилъ его за-
ступленія противъ прочихъ враговъ Калужскихъ,
Козельскихъ, особливо противъ сопостата Самов-
скаго, именовавшаго себя Димитріемъ, и далъ
обѣтъ въ честь Св. Сергія установить въ Троиц-
кой обители празднество, когда смирить из-
мѣнниковъ.

Всѣ люди военные, осаждавшіе Тулу, полу-
чили дозволеніе отлучиться въ дома для отды-
ха, до перваго зимняго пути; но тѣ Воеводы и
ратники, которые стояли подъ Калугою, обяза-
ны были оставаться на службѣ. Царь отправилъ
въ сей городъ Боярина Егора Беззубцева, (быв-
шаго прежде на сторонѣ измѣнниковъ сперва
въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ), съ обѣщаніемъ да-
ровать милость мятежникамъ, если они поко-
рятся добровольно. Калужане отвѣчали, что они
и не думаютъ о сдачѣ; что не знаютъ другаго
Царя, кромѣ Димитрія, который не замедлитъ

1607. подать имъ помощь; потомъ сдѣлали вылазку и побили множество Москвитянъ.

Раздраженный такимъ упорствомъ, Василій рѣшился овладѣть городомъ непременно; не хотѣлъ ожидать войска, распущеннаго до зимняго пути, и приказалъ объявить плѣннымъ Казакамъ, отбитымъ у Болотникова подъ Москвою 2 Декабря 1606 года, что если они желаютъ получить свободу, оружіе и деньги, пусть присягнуть ему въ вѣрности и пойдутъ на враговъ. 4000 Казаковъ поклялись немедленно; получили нѣсколько бочекъ пороху и отправились подъ Калугу, чтобы взять ее приступомъ. Но тамъ вскорѣ поссорились съ Боярами и замыслили измѣну; Воеводы Шуйскаго, бросивъ станъ, бѣжали въ Москву.

На другой день, Казаки подошли къ стѣнамъ крѣпости, рассказали осажденнымъ о бѣгствѣ Москвитянъ, совѣтовали скорѣе воспользоваться порохомъ и съѣстными припасами, въ лагерь оставленными, и просили дозволенія войти въ городъ. Но какъ Воевода Шотуцкій не вѣрилъ симъ словамъ, то они переправились черезъ Оку, ниже крѣпости, и объявили, что пойдутъ искать Царя своего Димитрія. Калужане рѣшились осмотрѣть лагерь Московскій, и увидѣвъ, что онъ оставленъ непріателемъ, послали вслѣдъ за Казаками съ просьбою возвратиться; но уже поздно: огорченные отказомъ,

Казаци продолжали путь; воротились только 1608 100 человекъ и нѣсколько Атамановъ для покупки разныхъ припасовъ; Казаци остались въ Калугѣ, Атаманы же уѣхали обратно.

Между тѣмъ Калужане захватили все, что нашли въ станѣ Московскомъ, и потомъ храбро оборонялись до прїѣзда Димитрія II, признали его истиннымъ Димитріемъ, присягнули ему въ вѣрности, и не измѣняли клятвы до самой смерти Самозванца, какъ ниже будетъ сказано въ концѣ сей книги.

Желая выгнать Димитрія II изъ Самова, Шуйскій вывелъ въ поле всѣхъ Бояръ и отправилъ ихъ съ войскомъ подъ Болховъ; но глубокой снѣгъ, выпавшій въ Январѣ 1608 года, остановилъ военныя дѣйствія; можно было вредить только однимъ кормовщикамъ. Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ о многочисленности Василіевой рати, отправилъ въ Польшу гонца съ требованіемъ прислать какъ можно болѣе конницы. Въ слѣдствіе сего, Самуилъ Тишкевичъ привелъ къ нему 700 всадниковъ; потомъ явился съ такимъ же отрядомъ Александръ Лисовскій.

Димитрій выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Самова и осадилъ Брянскъ. Здѣсь начальствовалъ сотнею Нѣмцевъ пѣхотный Ливонецъ Гансъ Бергъ, мошеникъ преискусный: за годъ предъ тѣмъ, онъ оставилъ Шуйскаго и передался Димитрію; потомъ измѣнилъ своимъ товари-

1608. щамъ , осажденнымъ въ Калугѣ , явился къ Василію и былъ щедро награжденъ ; спустя нѣсколько времени, снова перебѣжалъ къ Димитрію, покинувъ въ Москвѣ дѣтей , и взявъ съ собою только жену; Самозванецъ хотѣлъ его повѣсить; но Паны Польскіе испросили ему прощеніе. Не прослуживъ и года Димитрію, Гансъ Бергъ выдалъ Тулу, опять очутился въ Москвѣ и снова заслужилъ милость Царскую. Сообщникомъ сему измѣннику былъ другой старый плутъ , также Ливонецъ, Тенниргъ фонъ Виссенъ : они выдали Димитрію Боярина Ивана Ивановича Годунова , мужа добраго и благочестиваго , котораго Самозванецъ велѣлъ утопить въ Калугѣ 96).

Не взявъ Брянска , Димитрій двинулся къ Орлу , куда уже прибылъ Князь Адамъ Вишневецкій съ 2000 конныхъ копѣйщиковъ и Князь Романъ Рожинскій съ 4000. До сихъ поръ главнымъ Полководцемъ Димитріевымъ былъ Мѣховецкій ; Рожинскій , отнявъ у него начальство надъ войскомъ , въ Апрѣль 1608 года приступилъ къ Болхову; Москвитяне ужаснулись; многіе Князья, Бояре и Нѣмцы, видя многочисленность Поляковъ , увѣрились , что ихъ приведетъ истинный Димитрій, перешли къ нему и въ награду получили столько помѣстьевъ , сколько никогда прежде не имѣли ; почему хотя въ послѣдствіи и увидѣли въ мнимомъ Царѣ обманщика; однакожь не хотѣли его оставить. Димит-

рїи еще болѣе увеличилъ число приверженцевъ, 1608. объявивъ въ разныхъ городахъ, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могутъ присвоить земли господъ своихъ, служившихъ Василию, и жениться на дочеряхъ Боярскихъ, коихъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Такимъ образомъ многіе холопи сдѣлались Боярами, а господа ихъ, преданные Шуйскому, умирали съ голоду.

17 Апрѣля начальники Нѣмецкой дружины послали къ Димитрію II Ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытнаго, никогда въ чужихъ краяхъ не бывавшаго, Поручика Іоахима Берга и Прапорщика Георга фонъ Аалена, людей столь же малоопытныхъ, но въ плутовствѣ довольно искусныхъ: они предлагали Димитрію свои услуги и просили не останавливаться походомъ, обѣщая при первомъ сраженіи перейти на его сторону съ распущенными знаменами. Надобно знать, что сіи люди присягнули Шуйскому, около двухъ лѣтъ служили съ честію, брали деньги, и притомъ слышали, что Димитрій—Самозванецъ. Вѣроломные уговаривали и прочихъ Нѣмцевъ передаться Димитрію, хотя многіе изъ нихъ имѣли въ Москвѣ женъ и дѣтей. Если бы сіе случилось, Шуйскій не пощадилъ бы ни одного Нѣмецкаго младенца; но Всевышній, по вѣчной Своей премудрости, удержалъ простыхъ воиновъ отъ измѣны, а начальниковъ такъ ослѣпилъ, что они ежедневно на-

1608. пивались до-пьяна и забыли о своемъ предложеніи непріятелю. 23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, Димитрій встрѣтился съ Русскимъ войскомъ при Каминшгъ: битва завязалась. Начальники Нѣмецкой дружины были такъ трезвы, что вовсе позабыли свою измѣну; простые же всадники, ничего объ оной не зная, по первому приказанію, ударили на Поляковъ и побили ихъ до 400 человекъ. Раздраженные потерей, Димитрій и Полководецъ его Рожинскій вѣрно перевѣшали бы Нѣмецкихъ переметчиковъ, если бы сіи послѣдніе не скрылись. Рожинскій отдалъ приказъ не щадить ни одного Нѣмца въ слѣдующемъ сраженіи.

24 Апрѣля Димитрій двинулся всѣми силами подъ Болховъ на Москвитянь. Конные копѣйщики его, ударивъ на самый многочисленный отрядъ, обратили его въ бѣгство. Предатель же Ламсдорфъ отвелъ въ сторону своихъ всадниковъ и хотѣлъ итти къ Димитрію съ распущенными знаменами. Многіе честные люди говорили ему: »Все кончено! Русскіе бѣгутъ; Поляки насъ окружаютъ: одни мы не въ силахъ устоять. Куда же идешь ты Капитанъ?« »Тотъ будетъ бездѣльникъ, воскликнулъ Ламсдорфъ, кто оставитъ свое знамя!« »Называй насъ какъ хочешь, отвѣтствовали воины; мы не останемся: сраженіе проиграно, а ты замышляешь передаться; жены и дѣти еще слишкомъ для насъ

милы, чтобы губить ихъ измѣною. Плутводства 1608 же не любимы!» Сказавъ сіе, они поскакали за Русскими въ Москву. Вскорѣ Запорожскіе Казаки, окруживъ покрытаго латами измѣнника Ламсдорфа и всѣхъ единомышленниковъ его, исполнили въ точности приказаніе Рожинскаго: всѣ Нѣмцы, числомъ до 200 человекъ, были изрублены, оставивъ женъ своихъ горестными вдовицами, а дѣтей несчастными сиротами. Никогда не загладитъ своей вины легкомысленный Ротмистръ, рано затѣявшій быть слишкомъ умнымъ: въ преисподнія ада низринуть его слезы вдовъ и сиротъ, коихъ мужья и отцы сдѣлались жертвою столь постыднаго поступка! Измѣна его была бы еще пагубнѣе, если бы онъ живой передался неприятелю: тогда всѣхъ Нѣмцевъ, оставшихся въ Москвѣ, Шуйскій велѣлъ бы навѣрное перебить. Теперь же, когда многіе изъ ихъ единомышленниковъ пали на полѣ битвы, Россіяне жалѣли о сихъ страдальцахъ и не отняли помѣстьевъ у вдовъ беззащитныхъ. Ламсдорфъ и единомышленники его затѣяли измѣну единственно для того, чтобы заслужить почтеніе Поляковъ; пускай другіе лишились бы головы, съ женами и дѣтьми—для нихъ было все равно. Правосудіе Божіе наказало предателей; не найдутъ они себѣ покоя и въ могилѣ — и тамъ будутъ преслѣдовать ихъ невинныя жертвы!

Разбитый Шуйскій возвратился въ Москву,

1608. въ день Вознесенія Христова; ему казалось, что всѣ Москвитяне хотятъ наострить лыки изъ Москвы и бѣжать къ Самозванцу: и точно народъ оставилъ бы Василія навѣрное, еслибъ Димитрій поспѣшилъ пришествіемъ. »За чѣмъ не возвращаются Бояре, которые передались ему?« толковала чернь. Многіе граждане уже помышляли о средствахъ оправдать себя предъ Димитріемъ, когда онъ овладѣетъ столицю, и всю вину слагали на Бояръ, называя ихъ предателями, себя же оправдывая невѣденіемъ. »Говорятъ, что Димитрій весьма проникателенъ, сказалъ одинъ Москвитянинъ, и что онъ можетъ по глазамъ узнать виновнаго.« »Пропалъ же я, вскричалъ уstraшенный мясникъ, если онъ меня увидитъ: этимъ ножемъ я закололъ пятерыхъ его Поляковъ!« Однимъ словомъ, Москва была въ ужасъ.

9 Іюня Димитрій со всѣми силами подступилъ къ Москвѣ и остановился въ селѣ Тайнинскомъ, осматривалъ окрестныя мѣста, гдѣ бы расположиться лагеремъ; въ семъ же мѣсяцѣ прибылъ къ нему изъ Литвы Янъ Петръ Павель Сапѣга съ 7000 конныхъ копѣйщиковъ. — Василій съ своей стороны выслалъ изъ столицы сильное войско, подъ начальствомъ Князя Михаила Скопина; но сіе войско, оградивъ станъ свой острогами, оставалось въ бездѣйствіи; Димитрій, напавъ на оное 24 Іюня, въ ночь на Ивановъ

день, так потревожилъ сонъ Московскихъ 1608 ратниковъ, что многіе изъ нихъ никогда уже не проснутся. Ожидая приступа къ самой Москвѣ, Василій велѣлъ поставить пушки на городскихъ валахъ. Поляки навѣрное овладѣли бы столицею, если бы напали на нее немедленно; но Димитрій, надѣясь на покорность жителей, не хотѣлъ разорять столь обширнаго города, и неоднократно удерживалъ нетерпѣливыхъ Поляковъ, шедшихъ самовольно на приступъ, сими словами: »Если разорите мою столицу и сожжете мою казну, чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?« Не другъ, а злѣйшій врагъ внушилъ Димитрію эту мысль! Гораздо было бы лучше истребить одинъ городъ, чѣмъ разорять половину Царства: въ Россіи скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, онъ предавалъ множество селъ и городовъ разрушенію.

29 Іюня 1608 года, въ день Петра и Павла, Димитрій расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Тушинѣ; тамъ стоялъ онъ до 29 Декабря 1609 года. Въ продолженіе сего времени была не одна схватка между непріятелями; не одинъ гордый витязь палъ на полѣ сраженія. Москвитяне, опасаясь, чтобы Поляки не освободили Воеводы Сендомирскаго, Марины, вдовы Димитрія I, Пана Стадницкаго и другихъ Польскихъ господъ, заключенныхъ въ Ярославль и Ростовъ, перевезли

1608. ихъ въ Москву, въ надежныя темницы; въ послѣдствіи согласились отпустить плѣнниковъ въ Отечество; требовали только клятвеннаго обѣщанія не переходить къ непріятелю и не воевать съ Россією. Поляки съ радостію присягнули и благодарили Бога за спасеніе себя отъ смертоубійць. И такъ Москвитяне повезли ихъ въ Польшу, окольными путями, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Свѣдавъ о семъ, Димитрій II выслалъ на дорогу нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые, побивъ провожатыхъ Марины, взяли Царицу, и со всеми находившимися при ней Поляками, отвезли въ Тушинскій лагерь. Не помня себя отъ радости, Димитрій вельмъ палить изъ всехъ пушекъ; Царица также хотѣла радоваться, но по нѣкоторымъ причинамъ не могла; впрочемъ для лучшаго обмана притворилась веселою; только не поѣхала прямо въ Тушинскій лагерь, а остановилась въ шатрахъ за версту отъ онаго. Тутъ начались переговоры; наконецъ условились: Воеводѣ Сендомирскому надлежало отправиться въ Польшу, а Марина согласилась остаться съ мнимымъ Димитріемъ, который однако долженъ былъ отказаться отъ правъ супруга, пока не завоюетъ Москвы и не достигнетъ престола. Самозванецъ обѣщаль свято хранить договоръ и поклялся Богомъ. Послѣ сего было торжественное свиданіе; Царь и Царица искусно играли свои роли и привѣтствова-

ли другъ друга съ радостными слезами, съ такою непритворною нѣжностію, съ такимъ восхищеніемъ, что эта комедія ослѣпила многихъ зрителей. По всему Государству разнеслась молва о семъ происшествіи; вездѣ признавали Самозванца Димитріемъ; Бояре со всѣхъ сторонъ стремились въ Тушинскій лагерь.

Не получая помощи отъ Бога, Шуйскій обратился къ дьяволу; пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти (чего не успѣвалъ сдѣлать одинъ, за то принимался другой), приказалъ вырѣзывать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобы достать сердце: все это зарывали въ землю, около того мѣста, гдѣ стояло Царское войско. «Оно было невредимо, увѣряли чародѣи, доколѣ не выходило за черту; но лишь только переступало ее, всегда было »поражаемо. Съ Поляками случалось тоже: едва »подходили къ чертѣ, люди и кони падали или »обращались въ бѣгство.» Но все было тщетно: знатные Вельможи оставляли Шуйскаго и толпами стремились къ Димитрію, доколѣ не увѣрилъ Москвитянь въ обманѣ Князь Василій Масальскій, который, въ числѣ другихъ передавшихся Самозванцу, чрезъ нѣсколько дней со многими Боярами возвратился въ Москву, и объявлялъ торжественно, что мнимый Димитрій есть новыи воръ и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ

1608. Москвитяне стали усердно защищаться. Шуйскій, по совѣту Боярь, рѣшился призвать на помощь чужеземцевъ и отправилъ въ Швецію храбраго героя, Михаила Скопина '97). Новые свидѣтели еще болѣе удостовѣрили Москвитянь въ истинѣ словъ Масальскаго: то были два плута и измѣнника Ливонецъ Гансъ Шнейдеръ и Австріецъ Генрихъ Канельсень; оба сіи бездѣльника убѣжали отъ Димитрія въ Москву, взошли на Лобное мѣсто и хорошо разумѣя по-Русски, поклялись народу всѣмъ священнымъ, что Тушинскій воръ есть обманщикъ, а не первый Димитрій. Канельсень, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ тамъ за деньги Мусульманскую вѣру; потомъ ушелъ отъ Турковъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Германіи; наконецъ, въ правленіе Бориса Годунова, пріѣхалъ въ Москву, разбогатѣлъ, зазнался, перекрестился, отрекся отъ своего Бога, котораго изъ дѣтства исповѣдывалъ, плевалъ для сего троекратно чрезъ плечо, и поклонился Русскому Богу Николаю ⁹⁸⁾: одною смертію можно изгладить такое преступленіе! До трехъ разъ онъ перебѣгалъ отъ Шуйскаго къ Димитрію, отъ Димитрія къ Шуйскому; но Москвитяне вѣрили сему богоотступнику.

Утративъ надежду на добровольную покорность Москвитянь, Димитрій далъ Пану Сапѣгъ 15,000 воиновъ, съ повелѣніемъ осадить Троиц-

кїй монастырь и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ 1608
 припасовъ къ столицѣ. Сапѣга осаждалъ Троиц-
 кїй монастырь въ продолженіе всего времени,
 когда Димитрій находился подъ Москвою; но не
 могъ овладѣть онымъ. Этотъ Монастырь ле-
 житъ въ 12 миляхъ отъ Москвы. Шуйскїй по-
 слалъ ему на помощь всѣхъ всадниковъ, сколько
 могъ собрать (числомъ до 30,000), подъ началь-
 ствомъ меньшаго брата своего Ивана Ивановича,
 съ повелѣніемъ отразить войско Самозванца. Не-
 прїатели встрѣтились при Воздвиженскомъ и
 сразились. Сапѣга ударилъ стремительно; но
 дважды былъ отбитъ, и Поляки уже начали
 трусить. «Друзья! воскликнулъ Польскїй Воена-
 чальникъ, бѣгство насъ погубить; Польша да-
 леко; лучше пасть на полѣ битвы, чѣмъ тер-
 пѣть побои, подобно женщинамъ непотреб-
 нымъ. Каждый изъ васъ дѣлай съ Богомъ свое
 дѣло. Я вездѣ буду впереди. За мною храбрые
 товарищи! Ударимъ еще разъ: Богъ даруетъ
 намъ побѣду.» Смѣло бросились Поляки на вра-
 говъ, побили нѣсколько тысячъ и одержали по-
 бѣду; съ тѣхъ поръ Шуйскїй не показывался въ
 полѣ и не беспокоилъ Поляковъ подъ Троиц-
 кимъ монастыремъ, до прибытія Понтуса Дела-
 гарди. Сапѣга же отрядилъ небольшую дружи-
 ну, состоящую изъ Нѣмцевъ, Казаковъ и Поля-
 ковъ, подъ начальствомъ Испанца Дона Жуана
 Крузатти, для покоренія окрестныхъ сель и го-

1608. родовъ. Переяславль присягнуль Димитрію; но Ростовъ, отстоящій отъ онаго не далѣе 12 миль, не хотѣль покориться. 11 Октября онъ былъ преданъ огню и мечу. Всѣ сокровища, въ немъ найденныя, золото, серебро, жемчугъ, драгоценныя каменья, достались побѣдителямъ. Свирѣпыя воины не щадили и Св. Иконъ, даже разрубили серебряный гробъ Св. Леонтія, а изображеніе сего Угодника, вылитое изъ золота, въ 200 фунтовъ вѣсомъ, присвоили себѣ. Митрополитъ Ростовскій Князь Ѳедоръ Никитичъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Подмосковный лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство Патріарха; при семъ случаѣ, Митрополитъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота, и подарилъ его Димитрію 99).

Несчастіе Ростова было урокомъ многочисленному и богатому Ярославлю; онъ изъявилъ готовность признать Димитрія Царемъ и служить ему, чѣмъ могъ, если только права гражданъ останутся неприкосновенными, дома не будутъ разграблены, а женъ и дѣтей ихъ не тронуть Поляки. Заключивъ такое условіе, жители Ярославля, Русскіе и иностранцы, Англичане и Нѣмцы, присягнули назначенному къ нимъ Воеводою, перекрещенному Шведу, Греческой вѣры¹⁰⁰⁾, и отправили въ Тушинскій лагерь 30,000 рублей для раздачи войску; сверхъ того обяза-

лись снарядить тысячу всадниковъ и выставить 1608
 значительное количество съѣстныхъ припасовъ ;
 но Панибраты не сдержали слова : грабили купеческія лавки, били народъ, оскорбляли Бояръ,
 и безъ денегъ покупали все, чего хотѣли. То-то
 была славная торговля! Это вѣроломство имѣло
 пагубныя слѣдствія, какъ ниже увидимъ.

Кострома , Галичъ , Вологда также покори-
 лись Димитрію и безъ сомнѣнія не измѣнилибъ
 присягъ, если бы не взбунтовалъ ихъ проклятый
 перекрещенецъ Даніиль Эйловъ, прибывшій изъ
 Нидерландъ и промышлявшій въ Россіи въвар-
 кою соли. Себѣ на бѣду и народу на пагубу ,
 Эйловъ сперва разглашалъ въ окрестныхъ горо-
 дахъ , что мнимый Димитрій есть обманщикъ ,
 и что Россіяне не обязаны сохранять присяги ,
 данной Самозванцу; наконецъ рѣшился перебить
 Поляковъ и собралъ въ свою соловарню до 200
 человѣкъ, простаго народа, вооруженныхъ лука-
 ми, стрѣлами и копьями. Но едва Поляки свѣ-
 дали о заговорѣ и явились предъ соловарнею ,
 нашъ храбрецъ спрятался въ погребъ съ тремя
 старшими дочерьми, предавъ бѣдныхъ крестьянъ
 въ жертву непріятели. Вскорѣ, т. е. 11 Декабря,
 онъ и самъ попался въ руки Поляковъ , кото-
 рые заставили его внести выкупу 600 талеровъ,
 а дочерей задержали и вѣрно возвратили бы ихъ
 къ отцу совсѣмъ не въ такомъ состояніи , въ
 какомъ онъ были до плѣна, если бы не вступил-

1608. ся за нихъ Ярославскій Воевода Іоакимъ Шмитъ; се му благородному челоуьку Эйловъ и дѣти его должны бытъ обязаны вѣчною благодарностію. 12 Декабря, Поляки умертвили близъ выше-означенной солюарни 1000 Россіанъ и сожгли многія деревни. Въ тотъ же день прибыли въ Ярославль изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей Панъ Александръ Лисовскій съ 500 Казаковъ ¹⁰¹⁾ и Янъ Шучинскій съ 900 конныхъ копѣйщиковъ; изъ Ярославля они двинулись къ Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всѣхъ жителей; потомъ пошли къ Костромѣ, Галичу и другимъ непокорнымъ городамъ: все обратили въ пепель и овладѣли несмѣтною добычею. Такъ миновалъ 1608 годъ, бѣдственнѣйшій для Россіи; много пострадала она отъ стотысячнаго войска Димитріева!

Г Л А В А IX.

1609.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверо-восточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго Воеводы Шипта. Марина жена Тушинскаго вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.

Много страдала Россія въ 1608 году; но 1609 былъ для нея несравненно злополучнѣе: во всѣхъ концахъ Государства воспламенились войны; все доказывало, что Богъ прогнѣвался на Русскихъ, и рѣшился ихъ наказать; Дмитрій продолжалъ осаду Москвы и Троицкой обители; войны его, числомъ до 100,000 человекъ, вездѣ, гдѣ только могли, обращали въ пепель города и села, грабили, убивали Москвитянъ. Добыча была несмѣтная; и въ Тушинѣ, и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: не лзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ—всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались мороваго повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья

1609. ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ; а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать: пили только медъ.

Въ семь же году, Сигизмундъ, Король Польскій, вступилъ въ Россію съ 20,000 воиновъ, явился подъ Смоленскомъ и хотѣлъ, чтобы сей городъ, изстари принадлежавшій Польшѣ, добровольно ему покорился. Но какъ жители отвѣчали на сіе предложеніе пушечными выстрѣлами, то Король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2 лѣтъ, т. е. до 15 Іюня 1611 года. Во время столь продолжительной осады, пали на приступахъ многіе храбрые Нѣмцы, служившіе Сигизмунду; изъ цѣлаго полка ихъ осталось не болѣе 400 человекъ ¹⁰²⁾. Осажденные могли и долѣ обороняться, но между ними появилась тяжкая болѣзнь, произшедшая отъ недостатка въ соли и уксусѣ; при взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, которые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности; городской валъ былъ толщиною въ 23 фута и такъ высокъ, что штурмовыя лѣстницы, въ 35 ступеней, не доставали до верха ¹⁰³⁾; наваливъ вокругъ всей стѣны нѣсколько тысячъ возовъ съ камнями, Смоленяне даже безъ пушекъ, пороха, копей, саблей, легко могли бы отбить непріятеля, еслибъ при каждомъ отверстіи въ стѣнѣ было хотя по

одному человѣку. Осадныя орудія мало вредили 1609
 городскому валу, и только со стороны Двѣпра
 сдѣлали проломъ въ 40 сажень шириною. Но
 это несчастіе такъ испугало жителей Смоленска,
 что они, прекративъ защиту, гибли безъ всякаго
 сопротивленія; не многіе граждане думали
 найтти спасеніе съ женами и дѣтьми въ крѣпкомъ
 замкѣ, и всѣ тамъ погибли отъ взрыва
 пороховаго погреба. Комендантъ Смоленска взятъ
 былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу ¹⁰⁴).
 Сія двухлѣтняя осада погубила 80,000 человѣкъ,
 разоривъ въ конецъ область Смоленскую, гдѣ
 не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни
 теленка: враги все истребили.

За годъ до покоренія Смоленска, Василій
 Шуйскій предлагалъ Сигизмунду чрезъ нарочнаго
 посла престолъ Московскій, съ тѣмъ усло-
 віемъ, чтобы Король пособилъ одолѣть плута
 Лжедмитрія. Но чрезъ два дни послѣ сего пред-
 ложенія, Поляки схватили Русскаго переметчи-
 ка съ Царскою грамотою къ Смоленскому Вое-
 водѣ. «Обороняйся, писалъ Шуйскій, какъ мож-
 но долѣе всѣми средствами; я между тѣмъ по-
 стараюсь вооружить Сигизмунда сладкими рѣ-
 чами противъ Самозванца; когда не станетъ об-
 манщика, мы подумаемъ и о томъ, чтобы не
 многія изъ этихъ стриженныхъ головъ вышли
 изъ Россіи.» Прочитавъ сіе письмо, Его Коро-
 левское Величество не мало дивился лукавству

1609. Москвитянь. »Можно ли вѣрить теперь Русскимъ, воскликнулъ Сигизмундъ? Только дай, Боже, помощь: я проучу этого бездѣльника, Шуйскаго; забудеть онъ меня обманывать ¹⁰⁵!«

Между тѣмъ Князь Михаилъ Скопинъ, посланный Шуйскимъ для набора иноземныхъ войскъ, возвратился изъ Швеціи и привелъ съ собою 3000 Нѣмцевъ подъ начальствомъ Понтуса Делагарди ¹⁰⁶). Въ послѣдствіи скажемъ, какимъ образомъ Скопинъ хотѣлъ освободить Москву при помощи Бояръ Новгородскихъ.

Лѣтомъ сего же года, Татары напали на Россію съ другой стороны, и въ три или четыре недѣли увели множество плѣнниковъ. Бѣдные разоренные крестьяне скитались изъ края въ край; вездѣ были слышны вопли несчастныхъ: иной потерялъ жену и дѣтей, другой родителей; слезы вдовъ и сиротъ могли бы самый камень тронуть.

Тогда же явился новый врагъ: то былъ Московскій Бояринъ Ляпуновъ; овладѣвъ нѣсколькими городами и принявъ имя *Благо Царя*, онъ воевалъ и съ Димитріемъ II, и съ Сигизмундомъ III, и съ Василиемъ Шуйскимъ, для спасенія Русской вѣры. Гдѣ проходило его войско, тамъ трава не росла ¹⁰⁷).

Въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ, вспыхнулъ бунтъ въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Россіи: Вологда, Галичъ, Кострома, Рома-

новъ, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинскъ и 1609
Угличь измѣнили Димитрію; со всѣхъ сторонъ
являлись толпы необузданныхъ крестьянъ, ко-
торые истребляли Нѣмцевъ и Поляковъ съ не-
имовѣрною злобою. Бѣда, если остервенится гру-
бая чернь! Упаси, Боже, отъ рукъ ея каждаго че-
стнаго воина! Причиною мятежа была наглость
Панибратовъ: сіи пришельцы, недовольные
усердіемъ народа, охотно дававшего имъ все
нужное для продовольствія, грабили безъ милосердія
бѣдныхъ Россіянь, какъ будто непріятелей;
несчастныя стали прятать свои вещи, даже
зарывали ихъ въ землю; но и это не помогало.
Вѣсть о прибытіи Скопина и Понтуса Делагарди
наконецъ ободрила притѣсняемыхъ; народъ
вооружился и отмстилъ Полякамъ: вѣныхъ
повѣсилъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторыхъ по-
бросалъ въ проруби, съ такими словами: «Полно
вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ!
Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу.»
Для усмиренія мятежа посланы были Паны Са-
муиль Тишкѣвичъ и Лисовскій, первый въ Рома-
новъ, а второй въ Ярославль; сіи Полководцы,
не успѣвъ одолѣть мятежниковъ, которые укрѣ-
пились острогами и засѣками, отправили къ
жителямъ Ярославля для переговоровъ прежняго
Воеводу ихъ Іоакима Шмита, избѣжавшаго
смерти съ немногими Поляками. Шмитъ ста-
рался образумить Ярославцевъ, увѣряя, что Ди-

1609. митрій пришлетъ къ нимъ Воеводу знатнаго, котораго Поляки будутъ бояться. Бунтовщики, подозвавъ сего несчастнаго мужа къ стѣнамъ крѣпости, вдругъ окружили его и увели въ городъ; онъ погибъ злою смертію: его бросили нагаго въ огромный котель, наполненный кипящимъ медомъ. Виновникомъ же сего неслыханнаго злодѣяства, зачинщикомъ всего мятежа былъ тотъ самый богоотступникъ Эйловъ, который уже однажды измѣнилъ Димитрію, попался въ руки Поляковъ съ тремя дочерьми и только по ходатайству честнаго Шмита, избавилъ себя отъ пѣна, а дочерей отъ посрамленія. Не довольствуясь несчастіемъ своего благодѣтеля, онъ старался еще болѣе озлобить Россіянь. Злополучный Шмитъ до тѣхъ поръ варился въ котлѣ, когда тѣло его уже начало отставать отъ костей; наконецъ былъ выкинутъ за городскую стѣну на съденіе свиньямъ и собакамъ. Друзья не смѣли предать землѣ печальныхъ остатковъ мученика; вдова же его испытала горькія оскорбленія болѣе отъ измѣнника перекрещенца и его сообщниковъ, нежели отъ Русскихъ.

Смерть сего достойнаго мужа въ послѣдствіи отмстилъ Панъ Лисовскій: предавъ огню городскія предмѣстья, онъ разорилъ въ конецъ область Ярославскую, истребивъ все, что ни встрѣтилъ; не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни дворянъ, ни земледѣльцевъ; сжегъ Кинешму, Поволжскъ, Георг-

гіевскъ, и обремененный добычею, возвратился 1609 въ Троицкій лагерь. Перо не можетъ выразить всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1609 году; я не рѣдко удивлялся, какъ могла она столь долгое время переносить свое злополучіе!

Димитрій II, узнавъ о прибытіи Скопина въ Январь 1609 года съ войскомъ Делагарди въ Новгородъ, отправилъ противъ него 4000 конныхъ копѣйщиковъ, подъ начальствомъ Пана Керносицкаго. Сей Панъ въ одномъ сраженіи разбилъ Шведовъ, прогналъ ихъ въ Новгородъ и осадилъ оный. Осада продолжалась цѣлую зиму до Мая мѣсяца. Димитрій не помнилъ себя отъ радости и думая, что уже все выигралъ, тайно женился на вдовѣ Димитрія I, жившей въ Тушинскомъ лагерѣ, забывъ клятву, данную Воеводѣ Сендомирскому—не прежде сочтаться бракомъ съ его дочерью, какъ по восшествіи на престолъ ¹⁰⁸). Онъ былъ упоенъ мечтою о своемъ величій до такой степени, что называлъ только себя Христіанскимъ Царемъ во всей подсолнечной. Вотъ его титуль: »Мы, Димитрій Ивановичъ, Царь и Государь всея Русіи, Богомъ избранный, и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и возвышенный надъ всѣми прочими Царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый Царь Христіанскій въ подсол-

1609. нечшой, повелитель многихъ Княжествъ, и проч. и проч. и проч.»

Между тѣмъ, не задолго до праздника Св. Троицы, Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Новгорода, перешли болото, напали на Поляковъ врасплохъ и многихъ положили на мѣсть. Керносицкій долженъ былъ отступить въ Тушинскій лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрій проклиналъ Нѣмцевъ, даже злился и на тѣхъ, которые ему служили. Скопинъ же и Деллагарди, одержавъ побѣду, двинулись впередъ, перешли Волгу и заняли Тверь; тутъ встрѣтились они съ 5,000 конныхъ копѣйщиковъ, высланныхъ Димитріемъ подъ начальствомъ Пана Зборовскаго, сразились съ ними и, разбитые на голову, бѣжали за Волгу; но вскорѣ ободрились: на другой день опять начали битву и съ такимъ мужествомъ ударили на Поляковъ, что Зборовскій не могъ устоять; покрытый стыдомъ, потерявъ многихъ воиновъ, онъ удалился въ Тушинскій лагерь ¹⁰⁹). Эта неудача еще болѣе озлобила Димитрія противъ Нѣмцевъ.

Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, Скопинъ прибылъ къ Колязину монастырю и укрѣпился въ ономъ съ Русскими Боярами; Деллагарди же сталъ подлѣ монастыря; Димитрій снова выслалъ противъ нихъ Пана Зборовскаго, назначивъ ему въ помощь Полководца Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь. Оба сіи вое-

начальника, предводительствуя 12,000 конных 1609 копѣйщиковъ, до самаго Сентября мѣсяца испытывали свое счастье и старались вытѣснить непріятеля; но каждый разъ были отражаемы; наконецъ произошла рѣшительная битва. Понтусъ Делагарди вель Нѣмцевъ, Скопинъ Русскихъ Бояръ: оба они напали на враговъ такъ стремительно, что Поляки бѣжали стремглавъ, и только подъ Троицкимъ монастыремъ могли опомниться отъ ужаса.

Не зная о семъ происшествіи, Александръ Лисовскій смѣлою хитростию воинскою хотѣлъ покорить мятежный Ярославль; шелъ день и ночь, и уже достигалъ своей цѣли: раскинувъ лагерь въ 3 миляхъ отъ Ярославля, онъ хотѣлъ выдать себя за героя Скопина, чтобы овладѣть городомъ нечаянно; но Скопинъ и Делагарди успѣли занять оный. Лисовскій спѣшилъ отступить въ ночное время, но уже поздно: дорога къ Троицкому Монастырю была занята Нѣмцами, которые, какъ объявилъ плѣнный Бояринъ, поджидали только другаго отряда съ Давидомъ Шерупцовымъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ напасть на врага. Лисовскій не надѣялся на своихъ Казаковъ, отступилъ къ Суздалью, гдѣ укрѣпился острогомъ, и держался цѣлую зиму; иногда дѣлалъ вылазки, опустошалъ сосѣдственные города и монастыри и всегда возвращался съ богатою добычею; наконецъ, узнавъ, что вла-

1609. дѣчество Димитрія II кончилось и что войско Тушинское передано Сигизмунду, оставилъ Суздаль въ Маѣ мѣсяцѣ 1610 года, сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ на Псковъ; Псковитяне приняли его съ радостію, надѣясь имѣть защитника отъ Нѣмцевъ, которые нападали на нихъ изъ Шведскаго города Нарвы. Лисовскій въ самомъ дѣлѣ успѣлъ посредствомъ разныхъ происковъ переманить на свою сторону 300 Ирландцевъ и 500 Англичанъ; тогда Нѣмцы не смѣли болѣе тревожить Псковскихъ предѣловъ. Самъ же онъ, дѣйствуя въ пользу Сигизмунда, зимовалъ въ Мироньчахъ; наконецъ свѣдавъ, что Казаки и Россіане хотятъ измѣнить ему, выступилъ изъ крѣпости, овладѣлъ Краснымъ и распустивъ всѣхъ иноземцевъ, набралъ дружину изъ 300 Поляковъ. Тамъ онъ находится и теперь, не измѣняя въ вѣрности Сигизмунду. Такимъ образомъ, отрѣзанный Деллагардіемъ отъ своихъ сообщниковъ, Лисовскій долженъ былъ, подобно хитрой лисицѣ, искать другой норы для выхода изъ Россіи.

Принудивъ Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопинъ и Деллагарди укрѣпились со всѣмъ войскомъ своимъ въ Слободѣ Александровской; тутъ они оставались до перваго пути. Поляки иногда нападали на нихъ; но ничего не выигравъ, спѣшили убраться восвояси. Въ день Св. Мартина, Скопинъ и Деллагарди, рѣ-

шились посѣтить Троицкій монастырь, чтобы покушать тамъ съ Панибратами Мартинова гуся ¹¹⁰). Поляки вовсе не ожидали такихъ незваныхъ гостей, забыли о гусяхъ и отступили къ Дмитровску, гдѣ въ укрѣпленномъ станѣ держались противъ Нѣмцевъ нѣсколько времени.

Г Л А В А X.

1610.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Воиспіе Тушинскаго лагеря. Смерть Восводы Стадницкаго. Тайный пріездъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушвинская. Звѣрство Лжедимишріа. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.

Въ Декабрь 1609 года, Сигизмундъ прислалъ въ Тушинскій лагерь Пановъ Стадницкаго, Збаражскаго, Людвиг Мейера и Ротмистра Манчина съ письмомъ къ главному Полководцу Дмитрія II, Князю Роману Рожинскому и къ Польской Шляхтѣ. »Вспомните, писалъ Король,

1610. »какое преступленіе вы сдѣлали въ минувшемъ году, взбунтовавшись противъ своего Государя! Я готовъ забыть оное и возвратить все, чего вы лишились, если только согласитесь выдать обманщика, который называетъ себя Димитріемъ.« Королевскіе послы вели переговоры съ Княземъ Рожинскимъ весьма скрытно, и Димитрій, ничего не подозрѣвал, съ каждымъ днемъ ожидалъ ихъ торжественнаго представленія. Но видя, что послы къ нему не являются, онъ призвалъ Рожинскаго и спросилъ: »Съ какимъ намѣреніемъ пріѣхали посланники и почему они до сихъ поръ не идутъ ко мнѣ, хотя живутъ въ лагерѣ нѣсколько недѣль?« Князь, уже задумавшій со многими господами исполнить Королевское повелѣніе, притомъ же будучи пьянъ, грозилъ Димитрію побоями и отвѣтствовалъ: »Какое тебѣ дѣло к... с... за чѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы крови за тебя пролили, а награды еще не видимъ.« Много подобныхъ вѣжливостей наговорилъ Панъ Рожинскій. Димитрій выскочилъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ своей супругѣ и упавъ ей въ ноги, сказалъ со слезами: »Мнѣ, или Рожинскому должно погибнуть! Этотъ Панъ такъ оскорбилъ меня, что я буду все достоинъ видѣть твои очи, если не отпущу ему. Онъ за-одно съ своимъ Королемъ; тутъ скрывается злой умыселъ; я долженъ удалить-

»ся! Ты же, моя милая супруга, останься здѣсь. 1610
 »Богъ да сохранить насъ!» Сказавъ сіе, Димитрій
 нарядился въ крестьянское платье, и ночью, 29
 Декабря 1609 года, въ навозныхъ саняхъ отпра-
 вился въ Калугу, съ шутомъ своимъ, Петромъ
 Кошелевымъ. Въ лагерь никто не могъ приду-
 мать, куда дѣвался Царь; нѣкоторые полагали,
 что онъ тайно убитъ.

Димитрій остановился въ монастырѣ, близъ
 Калуги, и отправилъ къ жителямъ сего города
 нѣсколько Монаховъ съ такимъ извѣстіемъ:
 »Поганый Король неоднократно требовалъ отъ
 »меня страны Сѣверской, называя оную вмѣстѣ
 »съ Смоленскомъ своею собственностію; но какъ
 »я не хотѣлъ исполнить сего требованія, опа-
 »саясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра пога-
 »ная: то Сигизмундъ замыслилъ погубить меня,
 »и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на
 »свою сторону Полководца моего Рожинскаго и
 »всѣхъ Поляковъ, въ станѣ моемъ находящихся.
 »Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчай-
 »те, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы со-
 »гласны служить мнѣ, я приѣду къ вамъ и на-
 »дѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи
 »многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить
 »не только Шуйскому, но и коварнымъ Поля-
 »камъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть
 »съ вами за вѣру православную: не дадимъ толь-
 »ко торжествовать ереси; не уступимъ Королю

1610. »ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города, или
»Княжества!«

Такая рѣчь весьма полюбилась кровожаднымъ жителямъ Калуги: они явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, проводили Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ Воеводы Скотницкаго, снабдили его всѣмъ нужнымъ: одеждами, конями, винами, съѣстными припасами. Утвердясь въ Калугѣ, Димитрій послалъ немедленно за Княземъ Шаховскимъ, который, выступивъ съ нѣсколькими тысячами Казаковъ противу Короля Польскаго, находился въ то время при Царево-Займищѣ, недалеко отъ Вязьмы. Князь прибылъ въ Калугу въ пятый день послѣ Крещенія. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ для себя новый Дворъ и во всѣ мѣста, гдѣ только были его приверженцы, разослалъ повелѣнія—истреблять Поляковъ при всякомъ случаѣ. Отъ сего неожиданнаго поступка погибло много несчастныхъ жертвъ. Нѣмцы также пострадали: нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ купцовъ, которые везли въ Тушинскій лагерь, по дорогамъ Смоленской и Путивльской, бархатъ, шелкъ, ружья, вино Мальвазійское и пряныя коренья, бывъ перехвачены Казаками и приведены въ Калугу, лишились всего, что имѣли, нѣкоторые и самой жизни; а спасшіеся отъ смерти пошли по-міру. Богу одному извѣстно, чего не претерпѣли они въ Калугѣ, Перемыш-

ль и Козельскѣ! Сколько прежде Димитрій лю- 1610
билъ Нѣмцевъ, столько возненавидѣлъ ихъ въ
послѣдствіи, когда потерпѣлъ важный уронъ въ
битвахъ съ Делагардіемъ, и тѣмъ болѣе, ког-
да бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря. Думая, что
Нѣмцы благопріятствуютъ Королю Польскому,
онъ приказалъ отнять у нихъ помѣстья, самые
домы, и отдать Россіянамъ. Съ часу на часъ
они ожидали насильственной смерти и не смѣ-
ли исполнять обрядовъ своего богослуженія. А
болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Ко-
зельскѣ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ,
котораго старались всѣми силами погубить 25
Русскихъ Поповъ, желавшихъ завладѣть его
имуществомъ: Богъ спасъ его чудеснымъ обра-
зомъ.

На другой день послѣ бѣгства Димитріева,
Поляки, Русскіе Бояре и Патріархъ Филаретъ
Никитичъ, въ общемъ совѣтѣ положили едино-
гласно: жить въ мирѣ другъ съ другомъ, не пе-
редаваться ни Королю, ни Шуйскому, не вѣрять
никому, кто вздумаетъ явиться подъ именемъ
Димитрія, а тѣмъ менѣе служить прежнему об-
манщику. Во время сего совѣщанія, Русскіе безъ
пощады поносили Царицу Марину, такъ, что
она боялась остаться въ лагерьъ и тайно удали-
лась въ городѣ Дмитровскѣ, къ Пану Сапѣгѣ.

7 Января 1610 года Димитрій отправилъ
изъ Калуги въ Тушинскій лагерь Боярина Ивана

1610. Плещеева, съ приказаніемъ развѣдать мысли Польскихъ воиновъ; когда же замѣтитъ, что они желаютъ его возвращенія, объявить имъ, что Царь пріѣдетъ съ казною и дастъ имъ жалованье за многія трети впередъ, если только они представятъ въ Калугу измѣнника Рожинскаго— живымъ или мертвымъ. Сіе покушеніе было неудачно: Поляки не хотѣли измѣнить клятвъ, данной ими другъ другу послѣ Димитріева бѣгства. Плещеевъ думалъ склонить по крайней мѣрѣ Казацкаго Атамана, Ивана Мартиновича Заруцкаго, и убѣждалъ его итти съ Казаками въ Калугу; но и тутъ не имѣлъ успѣха: Заруцкій съ большею частию своего отряда отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; прочіе же Казаки, наскучивъ столь странною войною, удалились въ свои степи, а служить Димитрію согласились не болѣе 500 человекъ, которые пошли въ Калугу; но были настигнуты Поляками и большею частию побиты.

Вскорѣ послѣ того, Димитрій подослалъ въ Тушино Калужскаго Воеводу Пана Казимира, настоящаго Вертумна: съ Поляками онъ былъ добрый Полякъ, съ Русскими Рускій; видя, что у самихъ Поляковъ ничего нельзя выиграть, Казимиръ успѣлъ поддѣлаться къ Рожинскому, который дозволилъ ему даже возвратиться въ Калугу, куда хитрый Панъ хотѣлъ съѣздить, по словамъ его, только для того, чтобы взять

свое имѣніе и навсегда бросить Димитрія. Ро- 1610
 жинскій далъ ему письмо къ прежнему Воеводѣ
 Скотницкому, который потерялъ милость Ди-
 митрія отказомъ идти подъ Смоленскъ противъ
 Короля Польскаго. Въ слѣдствіе сего письма,
 Скотницкій долженъ былъ склонить на сторону
 Рожинскаго находившихся въ Калугѣ Поляковъ
 и схвативъ при помощи ихъ Димитрія, привезти
 его въ Тушинскій лагерь. Но лукавый царедво-
 рецъ вручилъ письмо самому Димитрію, кото-
 рый, узнавъ содержаніе онаго, закипѣлъ гнѣвомъ
 и тотчасъ велѣлъ палачамъ бросить Скотниц-
 каго ночью въ Оку; сей добрый человекъ, видя
 смерть неизбѣжную, хотѣлъ знать по крайней
 мѣрѣ, за какую вину онъ погибаетъ; палачи
 отвѣчали: «Царь велѣлъ намъ не разсуждать
 съ тобою, а бросить тебя въ воду.» Потомъ,
 накинувъ на шею петлю, потащили его, какъ
 дохлую собаку. Вотъ послѣднія слова несчастнаго:
 «Такой ли награды ожидалъ я за вѣрную службу
 и двухлѣтнюю оборону Калуги! Господи по-
 милуй меня!» Жена и дѣти его лишились всего
 имущества. При семъ случаѣ, раздраженный Ди-
 митрій сказалъ: «Только бы взойти мнѣ на пре-
 столъ: не оставляю въ живыхъ ни одного ино-
 странца; не пощажу и младенцевъ въ матерней
 утробѣ!»

13 Января того же года, пріѣхалъ въ Ка-
 лугу Царицынъ Коморникъ ¹¹¹⁾, юноша краси-

1610. вѣй и ловкѣй, съ словеснымъ донесеніемъ о прибытіи Маринѣ въ городъ Дмитровскъ; Царь скорѣ отправилъ его обратно и просилъ Царицу какъ можно скорѣ пріѣхать въ Калугу, чтобы не попасть въ руки Поляковъ, которые, какъ онъ извѣстился, хотѣли отвезти ее къ Королю Польскому въ Смоленскій лагерь. Между тѣмъ Скопинъ и Делагарди приступили къ Дмитровску: утраченный Сапѣга убѣждалъ Царицу удалиться въ Калугу, если не желаетъ отправиться къ отцу своему. »Мнѣ ли, Царицѣ Всероссійской, «сказала ему Марина, въ такомъ презрѣнномъ видѣ явиться къ роднымъ моимъ! Я готова раздѣлится съ Царемъ все, что Богъ ни пошлетъ ему.» Она рѣшилась ѣхать въ Калугу; велѣла сшить для себя мужской Польскій кафтанъ изъ краснаго бархату, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сѣвъ на коня, отправилась въ путь. Сапѣга далъ ей въ провозачые 50 Казаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ Дмитровскѣ; проскакавъ 48 Нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени, и назвала себя Димитріевымъ Коморникомъ, привезшимъ важное извѣстіе, коего никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Димитрій тотчасъ догадался; велѣлъ Казакамъ отпереть ворота и впустить мнимаго Коморника. Марина, подѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня, и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ

радость неизъяснимую. Не имѣя при себѣ ни 1610. одной Польки, она учредила новый штатъ изъ Цѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію.

Между тѣмъ, Скопинъ овладѣлъ наканунѣ масляницы Дмитровскимъ острогомъ и принудилъ Пана Сапѣгу отступить къ монастырю Св. Іосифа. Оставивъ здѣсь нѣсколько сотъ Казаковъ, Сапѣга уѣхалъ къ Королю, подъ Смоленскъ; войско же его расположилось зимовать на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной, обильной съѣстными припасами, и еще не испытанной опустошительной войны: теперь дошла очередь и до нея! По удаленіи Сапѣги, вскорѣ опустѣлъ и Тушинскій лагерь.

Въ то же время Иванъ Тарасовичъ Граматинъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, люди проницательные и лукавые, со многими Боярами явились къ Сигизмунду и совѣтовали ему овладѣть Русскимъ Государствомъ, сиротѣющимъ безъ достойнаго и законнаго Правителя: »Дорога къ престолу, говорили они, уже проложена »Димитріемъ; вся страна, до самой Москвы, ему »покорилась; никогда не будетъ тебѣ столь удобнаго случая къ покоренію Россіи; мы же съ »своей стороны убѣдимъ соотечественниковъ »пожнуть Шуйскаго и покориться Вашему Величеству.» Тогда же Поляки, оставленные Димитріемъ, прислали къ Сигизмунду просьбу, въ

1610. коей изъявляли готовность служить ему против Русскихъ, если Король заплатитъ имъ жалованье, невыданное Димитріемъ за прошедшее время. Сигизмундъ отвергнулъ сіе условіе, объявивъ, что согласенъ производить жалованье токмо съ того времени, когда Поляки поступятъ къ нему на службу. Огорченные отказомъ, они проклинали Рожинскаго, измѣнившаго Царю, не щадили и самихъ себя за безчестное нарушеніе клятвы, данной Димитрію. Весьма немногіе изъ Тушинскихъ Поляковъ пришли въ станъ Королевскій; товарищи ихъ соединились большею частию съ войскомъ Сапѣги, стоявшимъ на Угрѣ, и ожидали тамъ отвѣта на свою просьбу о выдачѣ жалованья, рѣшившись дѣйствовать сообразно съ онымъ; между тѣмъ, грабили и опустошали окрестную страну, которую въ конецъ разорили.

Скопинъ и Делагарди вошли въ столицу безъ всякаго препятствія. Въ теченіе одного года, сіи Полководцы очистили все пространство отъ Ливоніи до самой Москвы, такъ, что изъ стотысячной непріятельской рати, около двухъ лѣтъ осаждавшей Москву и Троицкій монастырь, не видно было ни одного Поляка, ни одного Казака: все бѣжало отъ горсти Нѣмцевъ! Шуйскій весьма ласково принималъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за Царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ Офицеровъ золотою и серебряною

посудою; выплатить всему войску жалованье 1610 золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала Нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и Москвитяне съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить сихъ гостей противъ непріятеля. Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швеціи, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду — ядъ. Царь приказалъ его отравить, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа ¹¹²).

Около Пасхи, въ концѣ зимы, Сапѣга возвратился къ войску, стоявшему на Угрѣ, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ отъ Сигизмунда: Король велѣлъ сказать, что Дмитрія онъ и знать не хочетъ, а согласенъ давать жалованье чрезъ каждую четверть года только тѣмъ Полякамъ, которые согласятся служить въ Королевскомъ войскѣ. Недовольное симъ отвѣтомъ Польское Рыцарство, служившее прежде подъ начальствомъ Сапѣги и Рожинскаго, спѣшило оправдаться предъ Дмитріемъ и отпривило къ нему посла, который объявилъ, что Поляки никогда и не думали измѣнять Его Величеству, что предателемъ былъ одинъ Рожинскій съ немногими сообщниками, что Богъ уже наказалъ смертію сего вѣроломнаго измѣнника, что Сигизмунду

1610. передались только его клеветы; Рыцарство же Польское не хотѣло нарушить присягу, не выходило изъ лагеря и теперь готово послужить Царю, если токмо получить жалованье за прежніе 9 мѣсяцевъ, соглашаясь ожидать терпѣливо уплаты остальнаго въ послѣдствіи. Димитрій, весьма обрадованный такою вѣстію, отвѣчалъ Полякамъ, что онъ вскорѣ пріѣдетъ къ нимъ съ деньгами, и собравъ не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившагося, немедленно отправился съ Россіянами и Казаками на берега Угры. Тамъ примирился съ своими старыми сподвижниками, выдалъ имъ жалованье за три четверти года, взялъ новую присягу въ вѣрности и отдалъ приказъ: послѣ Троицина дня снова двинуться на Москву.

Между тѣмъ Шуйскій выслалъ войско подъ начальствомъ своихъ Бояръ, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигизмунда отъ Смоленска; при семъ случаѣ Делагарди получилъ отъ Царя много денегъ на жалованье своимъ воинамъ. Нѣмцы и большая часть Россіянъ остановились въ городѣ Можайскѣ, а Григорій Волуевъ съ незначительнымъ отрядомъ отправился впередъ, чтобы развѣдать о числѣ непріятелей, стоявшихъ подъ Смоленскомъ; но узнавъ въ Царево-Займицѣ о приближеніи Станислава Жолкѣвскаго съ великими силами, Волуевъ расположился лагеремъ близъ лѣса и укрѣпивъ

онный окопомъ, тотчасъ увѣдомилъ о семъ про- 1610
чихъ Воеводъ. Жолкѣвскій не замедлилъ осадить
его; а Русскіе Воеводы вмѣстѣ съ Делагардіемъ
спѣшили отъ Можайска выручить передовой
отрядъ. Это случилось 23 Іюля. Свѣдавъ о дви-
женіи Царскихъ Воеводъ, Жолкѣвскій раскинулъ
станъ подлѣ самыхъ укрѣпленій Волуева, обнесъ
онный тыномъ и оставивъ тамъ небольшой от-
рядъ легкой конницы, съ приказаніемъ непре-
станно быть въ виду осажденныхъ и уговари-
вать Волуева покориться Королю Польскому,
самъ между тѣмъ пошелъ на встрѣчу Москви-
тянамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Делагарди;
оба войска сразились въ Ивановъ день, близъ
села Клушина, въ 6 миляхъ отъ Можайска: во
время битвы, двѣ роты Французовъ передались
Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ Поляками начали
стрѣлять по Россіянамъ, которые, бывъ устра-
шены измѣною, бросились бѣжать къ Москвѣ и
оставили союзниковъ своихъ, Нѣмцевъ. Сіи по-
слѣдніе долго сражались съ упорствомъ и уже
побили лучшихъ Польскихъ всадниковъ; но за-
мѣтивъ, что Русскіе оставили поле битвы и что
имъ однимъ не устоять противъ Поляковъ,
вступили съ непріятелемъ въ переговоры. «Мы
готовы сдаться, говорили Нѣмцы, если только
жизнь наша будетъ въ безопасности; въ про-
тивномъ случаѣ станемъ биться до послѣдняго
человѣка.» Поляки прекратили съчу и прислали

1610. къ нимъ Пана Зборовскаго съ клятвеннымъ увѣрениемъ, что Нѣмцы будутъ невредимы. Многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить сему обѣщанію, не забывъ вѣроломнаго поступка Поляковъ съ Динаминдскимъ гарнизономъ, который, сдавшись на честное слово, былъ весь истребленъ. Они напомнили о семъ Пану Зборовскому: тогда поклялись знатнѣйшіе изъ Польскихъ Вельможъ, что плѣнные не лишатся ни жизни, ни оружія. Нѣмцы рѣшились сдаться. Въ самомъ дѣлѣ договоръ былъ свято соблюдаемъ: кто хотѣлъ служить Его Величеству, давалъ присягу; а кто не хотѣлъ, удалялся безпрепятственно ¹¹³).

Торжествуя побѣду, Станиславъ Жолкѣвскій возвратился къ Царево - Займищу и приказалъ плѣннымъ Боярамъ извѣстить Волуева, что все Русское войско разсѣяно, а Нѣмцы покорились Сигизмунду. Волуевъ, переговоривъ съ плѣнными Боярами, сдался со всемъ отрядомъ Пану Жолкѣвскому. Послѣ сего Поляки, Нѣмцы и Россіане подступили къ Москвѣ и осадили ее съ одной стороны. Въ то же время прибѣли изъ Потгорълаго ¹¹⁴) Капитаны Нѣмецкихъ ротъ Лавилла и Эбертъ: соединясь съ войсками Его Королевскаго Величества, они овладѣли Юсифовымъ монастыремъ и весь отрядъ, тамъ находившійся, изрубили до послѣдняго человѣка; сему отряду, бывшему на сторонѣ Димитрія, поручена была защита Юсифова монастыря Па-

номъ Сапѣгою , когда онъ вывелъ войско свое 1610 на Угру , а самъ отправился къ Королю подъ Смоленскъ.

Димитрій, раздраженный такимъ событіемъ, немедленно приказалъ побросать въ воду всѣхъ Нѣмцевъ, при немъ находившихся. »Теперь-то я вижу, говорилъ онъ, что Нѣмцы мнѣ нисколько не преданы: они служатъ невѣрному Королю и бьютъ моихъ людей, забывъ, что во всемъ мірѣ одинъ я — Государь Христіанскій. Всѣ они дадутъ отвѣтъ, лишь только бы взойти мнѣ на престолъ!»

Бояре, услышавъ сіе дьявольское слово, спѣшили одинъ за другимъ безстыдно оклеветать Нѣмцевъ, особенно жившихъ въ Козельскѣ; послѣднихъ ненавидѣли они за то, что опасались потерять прекрасныя деревни, прежде пожалованныя Нѣмцамъ за вѣрную службу, потомъ отобранныя безъ всякой вины ихъ, по одному подозрѣнію, и розданныя Царскимъ Совѣтникамъ: Князю Григорію Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайлѣ Константиновичу Юшкову, Третьякову и другимъ. Сіи Бояре, день и ночь искавшіе средствъ къ погубленію Нѣмцевъ, опасались не безъ причины: ибо знали невинность сихъ честныхъ людей, которые не щадили своей жизни за Димитрія, теряли здоровье, лишались друзей и пріятелей. И такъ, едва разгнѣванный Димитрій поклялся истребить всѣхъ Нѣмцевъ,

1610. въ Россіи находившихся, Господа Сенаторы донесли ему, что сіи мнимые измѣнники переписывались съ Поляками и предлагали Его Королевскому Величеству сдать городъ Козельскъ, что свѣдавъ о какой либо неудачѣ войска Дмитріева, они были внѣ себя отъ радости, плясали, пѣли, веселились, между тѣмъ, какъ вѣрныя Москвитяне предавались горести. Сія клевета еще болѣе озлобила Дмитрія: онъ въ ту же минуту отправилъ въ Козельскъ гонца, а въ Калугѣ далъ повелѣніе: какъ скоро приведутъ Нѣмцевъ (числомъ 52), безъ всякаго допроса побросать ихъ въ Оку. Этотъ приговоръ вѣрно былъ бы исполненъ, если бы не спасъ несчастныхъ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, которому готовилась та же участь. Распрашивая дорогою обреченныхъ на смерть, точно ли писали они къ Польскому Королю, не получали ли отъ него писемъ, или вообще не знаютъ ли за собою какой либо измѣны противъ Дмитрія? Беръ требовалъ искренняго признанія, чтобы легче дать отвѣтъ и отвратить бѣду, общая никому не сказывать словъ ихъ: всѣ Нѣмцы клялись небомъ въ невинности и преданности Царю - Государю. Пастырь съ своей стороны также поклялся, ободрялъ спутниковъ надеждою на Божіе милосердіе, говорилъ, что Всевышній не допуститъ погубить невинныхъ, что въ Его руцѣ сердце Царево, что Онъ внушитъ Государю

справедливость и разсѣять прахомъ замыслы 1610 враговъ высококомѣрныхъ.

Но какъ ни старался пастырь одушевить мужествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, — они, большею частію, были неутѣшны, и многіе выдумывали странныя средства къ своему спасенію: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнувъ Калуги, гдѣ находился Димитрій съ Дворомъ своимъ, Беръ оставилъ спутниковъ на луку близъ Оки, а самъ хотѣлъ узнать отъ духовныхъ дочерей своихъ, Фрейлинъ Царициныхъ, что было причиною столь ужаснаго Царскаго гнѣва? Для сего взялъ съ собою Капитана Давида Гильбертса, Прапорщика Мойтцена и двухъ Ливонскихъ дворянъ, переправился чрезъ рѣку и вмѣстѣ съ провожатыми пробрался къ Царицинымъ Фрейлинамъ. Гофмейстерина изумилась, увидѣвъ духовнаго отца; спрашивала, за чѣмъ онъ оставилъ несчастныхъ, и со слезами говорила, что никакія просьбы не могутъ смягчить Царскаго гнѣва, что всѣхъ Нѣмцевъ ожидаетъ неизбѣжная смерть. »Да поможетъ намъ Богъ! отвѣчалъ Мартинъ Беръ. Онъ знаетъ нашу невинность. Если же смерть неизбѣжна, умремъ по крайней мѣрѣ съ утѣшительною мыслию, что погибнемъ не какъ преступники, а какъ истинные Христіане, которые всегда подвергаются гоненію, клеветѣ и всякимъ опасностямъ. Господь, Отецъ нашъ, воздастъ въ свое время

1610. каждому по дѣламъ. Я также терплю гоненіе отъ Русскихъ, хотя служу не Царю, а Богу, никогда не замышлялъ вреднаго противъ Его Величества и всегда молился за него съ духовными дѣтьми своими. Не жалуясь на его неблагодарность: такъ всегда награждаетъ міръ истинныхъ Христіанъ! Но всѣ прихожане клялись мнѣ Царствомъ Небеснымъ, что никто изъ нихъ не знаетъ никакой вины за собою; мы смѣло пустились въ дорогу, поручивъ себя благодати Всевышняго: если бы совѣсть насъ упрекала, мы безъ сомнѣнія избрали бы иной путь.»

Послѣ сего пастырь убѣждалъ Гофмейстерину и Госпожъ Фрейлинъ рассказать обо всемъ Царицѣ и умолить ее слезами, чтобы она испросила у Его Величества не помилованія измѣнникамъ, а пощады людямъ вовсе невиннымъ.

»Доложите Государынѣ, говорилъ Беръ, что въ числѣ обреченныхъ на смерть есть дѣти, что вмѣстѣ съ ними погибають духовный отецъ и многіе родственники павшихъ на полѣ битвы за Его Величество; что если и сіи витязи трехлѣтней войны умрутъ позорною смертію, во всей Россіи не будетъ никого ихъ злосчастіе; мы просимъ одного, заключилъ Беръ: чтобы милосердая Царица убѣдила Его Величество отдѣлить безвинныхъ отъ виновныхъ; первые да будутъ помилованы, а послѣдніе да испытають всю тяжесть Царскаго гнѣва!» Тронутыя сими

словами, всѣ Фрейлины пошли къ Царицѣ, упа- 1610
ли къ ногамъ ея и такъ горько плакали, что
ни одна не могла выговорить ни слова. Царица,
глядя на нихъ, также заплакала, велѣла имъ
встать и догадываясь, о чемъ идетъ дѣло,
спросила: «Прѣехали ли Нѣмцы изъ Козель-
ска?» «Русскіе выгнали ихъ, не исключая и ду-
ховнаго отца нашего!» отвѣчали, рыдая, Госпожи
Фрейлины; потомъ весьма трогательно убѣждали
Царицу помиловать несчастныхъ. «Не плачъ-
те, дѣти мои! сказала Ея Величество. Царь страш-
но гнѣвается на всѣхъ Нѣмцевъ: уже отданъ
приказъ утопить ихъ въ Окѣ, какъ скоро они
сюда придутъ; никто не смѣетъ просить о по-
щади; но я попытаюсь, не тронется ли онъ мо-
ими слезами и не успѣю ли на этотъ разъ спа-
сти ихъ.» Сказавъ сіе, Царица немедленно по-
слала камердинера къ лютому Шаховскому, ко-
ему поручено было исполнить Царскую волю,
съ приказаніемъ остановить казнь до другаго
повелѣнія, угрожая смертію въ случаѣ ослуша-
нія; другаго же камердинера послала къ Царю
съ просьбою удостоить ее на минуту своимъ
посѣщеніемъ. Царь не хотѣлъ видѣть своей су-
пруги. «Знаю, чего она хочетъ! сказала Дими-
трій. Она будетъ просить за поганыхъ Нѣм-
цевъ; напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сего же
»дня — или я не Димитрій! А если она вздумаетъ
»меня беспокоить, утопить и ее вмѣстѣ съ Нѣм-

1610. «цами!» Такой отвѣтъ весьма опечалилъ Царицу. «Богъ знаетъ, сказала она, чѣмъ такъ провинились бѣдные Нѣмцы!»

Одна Фрейлина тотчасъ побѣжала къ Пастору и объявила ему со слезами, что просьба Царицы безуспѣшна. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Пасторъ, и въ ту же минуту послалъ дворянина Рейнгольда Энгеланда за Нѣмцами, бывшими на другой сторонѣ Оки, велѣвъ имъ взять церковную утварь, для того, чтобы вкусивъ Св. Тайнъ, послѣдовать примѣру Христа Спасителя. Ожидая прибытія духовныхъ дѣтей, онъ молился и пѣлъ псалмы, которые сочинилъ въ сіи злополучныя минуты. Эти псалмы будутъ приложены въ концѣ Лѣтописи 115).

Между тѣмъ, Царица рѣшилась притти къ Димитрію со всѣми своими женщинами, упала ему въ ноги и просила со слезами разсмотрѣть хладнокровно, всѣ ли Нѣмцы виноваты, чтобы не жалѣть послѣ о невинныхъ, какъ о Воеводѣ Скотницкомъ; убѣждала размыслить, что на смерть осуждено 52 человекъ, что въ этомъ числѣ одинъ Пасторъ, много безвинныхъ отроковъ; что вдовы и сироты, потерявъ мужей и отцовъ, не престанутъ умолять Небо о страшной мести дерзкому виновнику слезъ ихъ, — и что правосудіе предписываетъ наказать только преступниковъ. Сначала Димитрій ничего и слышать не хотѣлъ; наконецъ смягчился тро-

гательного просьбою Царицы, поднѣять ее и 1610. вѣсьмъ женщинамъ также велѣлъ встать. Потомъ спросилъ камердинера: »Далеко ли отсюда до Козельска?« 12 миль, было отвѣтомъ.« И они уже здѣсь! воскликнулъ изумленный Царь; я только вчера послалъ за ними! Чуть ли Бояре не »наболтали много лишняго. Не понимаю, какъ »могли Нѣмцы такъ скоро прѣѣхать!—Они твои, »примолвилъ Димитрій, обращаясь къ Царицѣ, »дѣлай съ ними, что хочешь!«

Печальные Нѣмцы собрались въ одинъ домъ, и уже готовились принять Св. Тайны, какъ вдругъ явился главный Коморникъ Царицынъ Георгъ Гребсбергъ, съ радостною вѣстью, что бѣда миновала и что Государыня исходатайствовала у Царя милость. »Радуйтесь, Нѣмцы, »говорилъ Коморникъ, молитесь о здравіи »Царя и Царицы, своей матери; будьте по- »жорными дѣтьми ея!« »Богъ да сохранить мило- »сердную нашу Государыню, вмѣстѣ съ супругомъ »ея! Вѣчно будемъ молиться за нихъ!« отвѣчали Нѣмцы.

По удаленіи Коморника, Пасторъ обратился къ духовнымъ дѣтямъ и сказалъ: »Любезные друзья! въ третій разъ мы дѣлаемся жертвою клеветы; Богъ доселѣ хранилъ невинныхъ отъ гибели; но если бы не открылся случай умилостивить Царицу, мы пропали бы навѣрное; жены же и дѣти наши мало бы выиграли

1610. отъ того, что мы погибли бы невинно. Подадимъ Царицѣ просьбу, въ коей изъявивъ благодарность, скажемъ, что какъ никто изъ насъ не знаетъ за собою преступленія противъ Его Величества, то всѣ мы просимъ не милости Царской, а строгаго правосудія, и что если хотя одинъ изъ насъ окажется виновнымъ, мы всѣ умереть согласны; посему станемъ просить Царицу, чтобы она убѣдила Государя дать намъ очную ставку съ неизвѣстными донощиками. Они говорятъ, будто мы писали къ Сигизмунду: пусть представляютъ сіи письма — каждый знаетъ руку товарища; никто не отречется отъ собственнаго почерка. Мы увѣрены въ своей невинности и преданности Государю.» Такой совѣтъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Царица, принявъ просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмѣялся. «Правда, говорилъ онъ, я никогда не думалъ, чтобы Нѣмцы мнѣ измѣнили: вотъ уже третій годъ они несутъ трудную службу. Завтре же подь чистымъ небомъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, всего народа, доставлю имъ случай оправдаться.» Такъ и случилось.

На другой день, Димитрій предъ выходомъ къ обѣднѣ, увидѣвъ Нѣмцевъ подлѣ крыльца и узнавъ Капитана Давида Гильбертса и Прапорщика Томаса Мойтцена, сказалъ громко: «Нѣмцы! за трехлѣтнюю усердную службу, я даль

вамъ награду Царскую, далъ помѣстья Бояръ и 1610.
 »Князей; вы разбогатѣли и жили въ довольствѣ;
 »всѣ сосѣды ваши знаютъ это. Но когда вы мнѣ
 »измѣнили, перестали оказывать должное почте-
 »нiе, хотѣли предать Козельскъ поганому Королю
 »Польскому и перейти на его сторону, я взялъ
 »обратно пожалованныя вамъ помѣстья и роз-
 »далъ оныя моимъ Боярамъ; а васъ велѣлъ сюда
 »привести и бросить въ Оку.« »Даруй Богъ тебѣ,
 Царь-Государь! здравіе, отвѣчали Нѣмцы съ низ-
 кимъ поклономъ; мы ни въ чемъ не виновны;
 намъ и въ умъ не приходило того, что на насъ
 насажали. Мы просимъ не милосердія, а стро-
 гаго правосудія. Пусть каждый преступникъ
 воспріиметъ должную казнь. Благоволи, Царь-
 Государь, оказать намъ сію милость!« Димитрій
 сошелъ съ крыльца вмѣстѣ съ Боярами и ука-
 завъ на нихъ пальцемъ, примолвилъ, обращаясь
 опять къ Нѣмцамъ: »Вотъ ваши обвинители!
 »Сверхъ того, я получилъ доносъ изъ Козельска
 »отъ Воеводы, Бояръ, Священниковъ и гражданъ.«
 »Государь! воскликнули, обвиняемые, въ твоей
 власти Воеводы, Князья, Бояре, какъ и мы ино-
 земцы: вели имъ вознаградить насъ, или пусть
 займутъ наше мѣсто!«

Царь, сѣвъ на лошадь, обратился къ Го-
 сподамъ Боярамъ и сказалъ: »Я вижу невинность
 моихъ иноземцевъ, и думаю, что вы поступили
 съ ними, какъ бездѣльники. Если же вы правы,

1610. покажите письма и уличите виновных.» Бояре, не имѣя средствъ сего сдѣлать, смотрѣли на Нѣмцевъ съ видомъ презрѣнія и говорили: »Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ.« Тутъ Его Величество явилъ свое правосудіе: »Нѣмцы, сказалъ онъ ласково, вы правы! Бояре изъ одной ненависти васъ преслѣдуютъ. Все, чего вы лишились, получите обратно!» Потомъ продолжалъ: »Князья и Бояре! отдайте немедленно имъ деревни, бывшія причиною вашей зависти; а вы, Нѣмцы, будьте вѣрны и впредь, какъ были до сихъ поръ. Вы получите и другія помѣстья; удалитесь отъ враговъ своихъ изъ Козельска; живите со мною въ Калугѣ: тутъ, при моихъ глазахъ, Бояре не станутъ васъ безпокоить.« Такъ злодѣи умножили счастье добрыхъ, а сами покрылись вѣчнымъ стыдомъ!

На обратномъ пути, Пасторъ говорилъ духовнымъ дѣтямъ своимъ: »Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавиться отъ несчастія. Царь объявилъ, что мы окружены врагами, которые завидуютъ, вѣроятно, и тому, что у насъ осталось. Я рѣшился покинуть свой домъ; возму жену, дѣтей, а если можно, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пускай изготovitъ-ся въ дорогу: завтра мы отправимся. Не будемъ искушать Бога; довольно мы уже пострадали. Кто ищетъ опасности, тотъ и погибаетъ.« Одни согласились на сіе предложеніе Пастора; пере-

вели женъ, дѣтей, и поселились въ Калугѣ. 1610. Другіе же изъ скупости не хотѣли бросить имѣнія и остались въ Козельскѣ, среди гонителей Христіанъ. Но вскорѣ испытали Божій гнѣвъ вмѣстѣ съ варварами: 4 Сентября незапно пришли отъ Смоленска *вольные люди*; въ два часа овладѣли беззащитнымъ городомъ, побили 7000 челоуѣкъ и предавъ оный пламени, увели въ плѣнъ Князей, Бояръ, Воеводу и всѣхъ Нѣмцевъ, которые отвергли совѣтъ духовнаго заступника своего; жены и дѣти ихъ также достались въ руки Поляковъ; все добро ихъ было разграблено.

Г Л А В А XI.

Жолкѣвскій подѣ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Последнее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть Хана Касимовскаго. Петръ Еруслановъ. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо Султана къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій, одержавъ рѣшительную побѣду при Клужинѣ, разсѣялъ всю рать Московскую, склонилъ на свою сторону Нѣмцевъ Делагардіевыхъ, заставилъ отрядъ Валуева положить оружіе и наконецъ осадилъ Москву со стороны Можайска. Въ то же время Димитрій II, взыету-

1610. пивъ изъ Калуги съ своими Поляками, овладѣль Пафнутьевымъ монастыремъ и сжегъ его до основанія, перебивъ въ ономъ всѣхъ Монаховъ, Священниковъ, Бояръ и 500 стрѣльцовъ, присланныхъ изъ Москвы на помощь. Москвитяне были въ отчаяніи: не успѣвъ избавиться отъ одного непріятеля, они увидѣли предъ собою другаго.

Среди всеобщаго унынія, три отважные Боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкѣвскимъ, Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили заговоръ противъ Царя Василя Ивановича: 14 Юля они вышли на Лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская. »Ее, говорили сіи Бояре, какъ »беззащитную овчарню опустошаютъ волки. »Бѣдные жители гибнутъ, и никто не хочетъ, »или не можетъ спасти ихъ: Царь уже третій »годъ ни въ чемъ не имѣетъ счастья, ибо не »правдою присвоилъ себѣ правленіе; не одна »сотня тысячъ за него пострадала; кровопролитію не будетъ конца, доколѣ не оставитъ престола сей злосчастный Государь, который съ »своими братьями только умѣетъ терять сраженія. Если нашъ голось, заключили Бояре, за »служиваетъ нѣкоторую довѣренность гражданъ: »родъ Шуйскаго долженъ быть сведенъ съ престола; а Царемъ Государственные чины избе-

»ругъ того, кого укажетъ Богъ.« Этотъ совѣтъ 1610
 весьма понравился Москвитянамъ: они рѣши-
 лись немедленно приступить къ дѣлу. Тогда Бо-
 яре велѣли имъ итти въ Кремль и объявить
 свое намѣреніе Царскимъ Совѣтникамъ: гражда-
 не тотчасъ бросились съ начальниками мятежа
 въ палаты Шуйскаго, взяли корону и скипетръ,
 отнесли ихъ въ казну, а Царя отвели въ преж-
 ній домъ его; тамъ выстригли ему нѣсколько
 волосовъ и принудили его быть Монахомъ.

На другой день Москвитяне сообразили за
 городомъ, въ той сторонѣ, гдѣ не было непріа-
 телей, для рѣшенія, кому изъ Бояръ вручить
 Царскую корону. Но какъ скоро началось совѣ-
 щаніе и знатнѣйшія особы вмѣстѣ съ прочими
 стали подавать голоса, выступили впередъ нѣ-
 сколько человекъ съ сими словами: »Въ числѣ
 Князей нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что
 онъ знатнѣе другихъ родомъ и саномъ: слѣдо-
 вательно, если выберемъ Царемъ какого либо
 Князя, Бояре будутъ ему завидовать и крамоль-
 ничать: никто не любитъ кланяться равному!
 И такъ возьмемъ чужеземца, который самъ былъ
 бы Королевскаго рода и въ Россіи не имѣлъ бы
 себѣ подобнаго. Въ Римской Имперіи много Ко-
 ролей, достойныхъ носить нашу корону; но
 нѣтъ ни одного, кто и языкомъ и одеж-
 дою, и обычаями такъ былъ бы съ нами согла-
 сенъ, какъ Сигизмундъ Король Польскій, или

1610. сынъ его Владиславъ , уже герой знаменитый. Возведемъ его на престолъ ; только тогда успокоится Россія ; иначе , при всякомъ другомъ Царѣ , бѣдствіямъ не будетъ конца. О Димитріи не говоримъ ни слова : каждому извѣстно , что онъ плутъ и обманщикъ , бѣглый учитель Бѣлорусскій , достойный не престола , а висѣлицы. И такъ , господа , если вы согласны , мы подумаемъ объ условіяхъ , съ коими возведемъ Владислава на престолъ , такъ , что наша вѣра и обычаи останутся неприкосновенными , и народъ не будетъ обремененъ новыми налогами : извольте объявить ваше мнѣніе!»

Всѣ сословія , воскликнувъ , что ничего не можетъ быть лучше этого совѣта , опредѣлили привести оный въ исполненіе , только осмотрительно ; потомъ въ добромъ согласіи возвратились въ Москву. Съ Жолкѣвскимъ немедленно заключено было перемиріе , а подъ Смоленскъ отправлено посольство съ предложеніемъ Владиславу Русскаго престола , но на многихъ условіяхъ. Сигизмундъ , выслушавъ пословъ , отпустилъ ихъ съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ ¹¹⁶⁾ и уполномочилъ Полководца своего Жолкѣвскаго вступить , съ Русскими въ переговоры , давъ ему право дѣйствовать по его собственному благоусмотрѣнію и напередъ соглашаясь на все , что онъ ни сдѣлаетъ , кромѣ двухъ статей : 1) Королевичъ не перемѣнитъ вѣры и 2) будетъ

имѣть при себѣ Польскій дворъ: ибо Сигиз- 1610
мундъ не хотѣлъ предать его одного въ руки
Москвитянъ. Впрочемъ же на все былъ согла-
сенъ: общалъ Москвитянамъ свободу вѣроиспо-
вѣданія, неприкосновенность ихъ законовъ,
правовъ и обычаевъ, общалъ, что сынъ его не
только не дозволитъ нарушать Русскія права,
но и будетъ имѣть о нихъ особенное попече-
ніе.

Обрадованные Королевскимъ отвѣтомъ, Мо-
сквитяне поклялись признать Владислава Ца-
ремъ и служить ему вѣрно, доколѣ онъ не на-
рушитъ предложенныхъ условій; Жолкѣвскій съ
своей стороны далъ клятву именемъ Владисла-
ва, что всѣ статьи будутъ свято соблюдаемы и
что самъ Королевичъ вскорѣ пріѣдетъ въ Моск-
ву для принятія Царства въ свое владѣніе. По-
слѣ того Польскій Военачальникъ въ лицѣ Госу-
даря приглашенъ былъ въ Кремль, гдѣ ему под-
несли весьма богатые дары. Москвитяне подру-
жились съ Поляками: толпы однихъ стремились
въ лагерь, толпы другихъ въ Москву; ласкали,
честили другъ друга.

Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ отъ нѣко-
торыхъ Бояръ и Казаковъ, пріѣхавшихъ къ нему
изъ Москвы, что жители оной присягнули Вла-
диславу, но что въ ней есть люди ему предан-
ные и что нужно только подступить къ столи-
цѣ, дабы поселить въ жителяхъ раздоръ, немед-

1610. ленно оставилъ Пафнутьевъ монастырь, собрали всѣхъ преданныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Казаковъ, Татаръ, Русскихъ, и расположилъ лагеремъ между Москвою и Коломенскимъ монастыремъ, въ надеждѣ на счастливый успѣхъ своихъ клеветниковъ; но сія надежда была напрасна: ежедневныя вылазки Москвитянъ доказывали, что народъ вовсе не помышляетъ ему покориться. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ столицѣ появились Польскіе копѣйщики и что Поляки, ему служившіе, весьма неохотно дерутся съ своими единоземцами; тутъ Самозванецъ сыгралъ прежнюю ролю—бѣжалъ изъ лагеря, и покрытый срамомъ, возвратился въ Калугу съ нѣсколькими сотнями Казаковъ и Романовскихъ Татаръ, въ день Св. Варѣоломея ¹¹⁷).

По удаленіи Димитрія, Поляки одинъ за другимъ приходили въ Москву: вскорѣ собралось ихъ до пяти тысячъ человекъ. Нѣмцы также успѣли пробраться въ столицу, въ числѣ 800 воиновъ. Размѣщенные въ Кремль, лучшей крѣпости Московской, они имѣли въ рукахъ своихъ военные снаряды. 5000 Поляковъ, вопреки желанію Москвитянъ, заняли внѣшній замокъ и учредили стражу вокругъ третьей стѣны: имъ отпускались въ избыткѣ всякіе съѣстные припасы и сверхъ того производилось ежемѣсячное жалованье отъ казны, которая чрезъ

то оскудѣла еще болѣе, нежели въ правленіе 1610 Шуйскаго ¹¹⁸).

Димитрій весьма досадовалъ на Поляковъ, виновниковъ его срамнаго бѣгства, и еще болѣе на Русскихъ, которые такъ жестоко его обманули. «Мнѣ болѣе ничего не осталось, говорилъ онъ, какъ собрать Турковъ и Татаръ: они могутъ мнѣ завоевать наслѣдство моихъ предковъ! Если же не успѣю овладѣть Россіею, разорю ее такъ, что она ничего не будетъ стоить. Доколѣ я живъ—не будетъ ей покоя.»

Желая поправить неудачу, онъ послалъ въ Астраханское Царство любимаго Поляка своего, Пана Керносицкаго (который былъ впрочемъ болѣе Русскій) съ извѣстіемъ, что Царь и Царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить въ Москвѣ, оскверненной присутствіемъ нехристовъ. Если бы удался этотъ замыселъ, Россія испытала бы новыя ужаснѣйшія бѣдствія; но Богъ спасъ ее: Димитрій совершенно потерялъ рассудокъ, не щадилъ никого, самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ, многихъ Татаръ и Казаковъ. Сіи люди берегли его день и ночь, были съ нимъ безотлучно, участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, провожали его на охоту, между тѣмъ, какъ Нѣмцы и Поляки не смѣли къ нему подойти; но за всѣ услуги Татаръ, Димитрій приказалъ утопить въ Окѣ Хана Касимовскаго, обвиненнаго предъ Ца-

1610. ремь собственнымь сыномь въ намѣреніи бѣжать въ Москву.

Раздраженный таковымъ поступкомъ Дмитрія, Татарскій Князь Петръ Еруслановъ искалъ случая умертвить Ханскаго сына и уже думалъ исполнить свое намѣреніе, когда отцеубійца возвращался домой отъ Царя; но Князь ошибся: жертвою его мести былъ другой знатный Татаринъ, одѣтый такъ же точно, какъ и тотъ, кого онъ подстерегалъ. Еруслановъ, до тѣхъ поръ весьма уважаемый Царемъ за то, что онъ зналъ дорогу къ Астрахани, заключенъ въ темницу; а 50 другихъ Татаръ отданы подъ стражу; впрочемъ постращавъ ихъ нѣсколько дней, Дмитрій даровалъ имъ свободу, сталъ по прежнему ласковъ, ѣздилъ съ ними на охоту, посылалъ ихъ въ окрестности для набѣговъ и опустошенія деревень, принадлежавшихъ ненавистнымъ Полякамъ. Но Татары не могли забыть своего оскорбленія и цѣлые два мѣсяца весьма искусно таили намѣреніе отмстить Дмитрію. Каждую ночь привозили въ Калугу по 10 и по 12 Поляковъ, которыхъ не рѣдко хватали съ постелей; привозили иногда и купцовъ, пойманныхъ на дорогѣ. Царь обыкновенно приказывалъ еще до разсвѣта засѣкать сихъ несчастныхъ кнутомъ до смерти; тѣла ихъ бросали собакамъ на съѣденіе; остатки же зарывали въ землю, какъ падалище; благородныхъ Поляковъ топили въ рѣкѣ. Видя та-

кое усердіе Татаръ , Димитрій думаль , что они 1610 уже забыли прежнее оскорбленіе и такъ вѣриль имъ , что отправляясь на охоту, всегда бралъ ихъ съ собою человекъ по 20 и по 30, а изъ придворныхъ не болѣе 2 или 3, да шута Петра Кошелева, неразлучнаго своего товарища. Вѣроломные Татары изъясляли Царю безпредѣльную преданность , выжидая случая — отмстить ему. За нѣсколько дней до исполненія заговора, дали знать своимъ единоземцамъ, чтобы они, при первомъ выѣздѣ Царя на охоту, выбрались изъ Калуги въ Пельну и дождавшись тамъ Князя Ерусланова, немедленно отправились восвояси.

11 Декабря Димитрій, не предчувствуя своей участи , отправился на охоту съ Княземъ Еруслановымъ и 20 Татарами; товарищи ихъ, согласно взаимному условію , взявъ все , что только могли , выѣхали верхами въ разные ворота и соединились на Пельнской дорогѣ въ числѣ 1000 человекъ. Какъ скоро Димитрій отѣхалъ отъ города около четверти пути, Князь Петръ, поравнявшись съ нимъ, прострѣлилъ его насквозь; потомъ отрубилъ ему голову. »Я налучу тебя, примолвилъ Князь, топить Хановъ и «сакать въ темницу Князей», которые служили тебѣ вѣрно, негодный обманщикъ!» Шутъ Кошелевъ и два Боярина не хотѣли быть свидѣтелями сего печальнаго зрѣлища: ударили по лошадямъ и не оглядываясь прискакали въ Калугу

1610. съ извѣстіемъ, какимъ образомъ кончилась охота.

Татары между тѣмъ пустились по Пельнской дорогѣ восвояси, опустошая и истребляя все, что имъ ни попадалось. Въ Калугѣ ударили тревогу; пушечными выстрѣлами дали знать, чтобы войско собиралось для преслѣдованія вѣроломныхъ; но уже поздно: ихъ не лзя было настигнуть. Только немногіе изъ Татаръ остались въ Калугѣ, потому ли, что не имѣли добрыхъ коней, или недовѣрчивые товарищи не открылись имъ, не извѣстно. Сихъ несчастныхъ гоняли изъ улицы въ улицу, хуже, чѣмъ зайцевъ въ полѣ, дубинами и саблями, пока всѣхъ не перебили. Такъ невинные пострадали за виновныхъ! Все доказываетъ, что они вовсе не знали о злодѣйскомъ умыслѣ; въ противномъ случаѣ, успѣли бы спасти себя, или донесли бы о заговорѣ. Удовлетворивъ мести, Князья, Бояре и граждане Калужскіе отправились туда, гдѣ погибъ ихъ Царь; нашли трупъ и голову; отвезли сіи бранные остатки въ крѣпость, обмыли ихъ и приставивъ голову къ телу, положили Царя на столъ на показъ всему народу. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, похоронили его съ приличными обрядами въ Дворцовой Калужской церкви, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ. Не забудутъ и позднѣйшіе потомки сего человѣка,

который былъ виною неимовѣрныхъ бѣдствій 1610
Россіи!

Легко вообразить, съ какою горестію узнала о семъ несчастномъ произшествіи благочестивая Царица Марина. Давно ли она потеряла одного супруга, теперь лишилась и другаго! Она была уже беременна, и вскорѣ разрѣшилась сыномъ. Бояре выпросили у нея себѣ новорожденнаго Царевича, чтобъ укрыть его отъ убійць и воспитавъ тайно, со временемъ возвести на престолъ. Москвитяне до сихъ поръ оказываютъ Маринѣ Царскую почесть ¹¹⁹⁾; какую же перемѣну произведетъ въ Россіи сынъ ея, узнаютъ тѣ люди, которые проживутъ еще лѣтъ двадцать ¹²⁰⁾.

Такъ кончили дни свои Димитрій II; смерть его была ужасна! Долго спорилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ за безцѣнное сокровище; но не могъ имъ овладѣть. Да и Шуйскій не умѣлъ пользоваться онымъ: и ему пришлось изъ Монарха сдѣлаться Монахомъ; а яблоко раздора досталось Владиславу.

Низложивъ Шуйскаго съ престола, Москвитяне отправили его съ двумя братьями, Димитріемъ и Иваномъ, и знатнѣйшими изъ Князей, Голицыными, къ Польскому Королю, въ лагерь Смоленскій. Отсюда, по волѣ Сигизмунда, ихъ отвезли въ Польшу, какъ плѣнниковъ. Разсказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ Сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года,

1610. присутствовали посланникъ Турецкаго Султана. Пируя за пышнымъ Королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго Царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ Царской одеждѣ, и посадили за столъ противъ посланника. Сей послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; потомъ началъ превозносить счастье Короля Польскаго, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимилиана, а теперь держитъ въ плѣну великомощнаго Царя Русскаго. «Не дивись, отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, не дивись моею участи! Я былъ сильный Государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда Король Польскій овладеетъ Россією—и твоему Государю не миновать моею участи! Есть у насъ пословица: *Сего дня моя очередь, а завтра твоя.*»

Султанъ, узнавъ о семъ отвѣтѣ, въ 1612 году прислалъ, какъ говорятъ, слѣдующее письмо къ Королю Польскому: «Мы, Султанъ пресвѣтлѣйшій, сынъ великаго Императора, сынъ Высочайшаго Бога, владѣтель всей Турціи, Греціи, Вавилоніи, Македоніи, Сармаціи, Король верхняго и нижняго Египта, Александріи, Индіи, Государь всѣхъ народовъ, блистательный сынъ Магомета, покровитель и защитникъ города Псеразира и рая земнаго, стражъ Святаго гроба Бога небеснаго, Царь Царей, повелитель всѣхъ

владыкъ и боговъ земныхъ, обладатель древа 1610. жизни и Святаго Града, Государь и наслѣдникъ всѣхъ странъ Черноморскихъ — Королю Польскому поклонь! Дошло до насъ, что ты съ своими Корольками и Князьками затвлялъ противъ насъ, могущественнаго и непобѣдимаго Императора, злое дѣло, по внушенію людей легкомысленныхъ: расторгнувъ дружбу и миръ, о коемъ ты прежде умолялъ насъ, забывъ обѣщаніе не вести съ нами войны, ты напалъ на наши области, все грабилъ, губилъ, убивалъ, жегъ, истреблялъ. Теперь жди возмездія: изъ всѣхъ областей, намъ подвластныхъ, отъ одного края вселенной до другаго, мы соберемъ силы несмѣтныя, подавимъ ничтожныхъ владыкъ и въ Краковѣ явимъ предъ тобою наше величіе; тамъ мы воздвигнемъ такой памятникъ, что Государство твое вѣрки насъ не забудетъ. Въ знакъ же сей воли, посылаемъ тебѣ мечъ, стрѣлу и ядро, обогранныя кровію. Наши кони и вельблуды опустошатъ твои поля; да вѣдаетъ міръ, сколь ужасенъ гнѣвъ нашъ! Какъ Владыка небесный караетъ богоотступниковъ; такъ и мы, Владыка земной, хотимъ наказать твое вѣроломство: гнѣвъ нашъ поразить тебя прежде, чѣмъ получишь отъ насъ другое письмо. Вразуми себѣ все, что мы сказали; если же не поймешь, то почувствуешь.—Султанъ пресвѣтлѣйшій¹²¹).«

Г Л А В А XII.

1611—1612.

Владислава признають Царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонимскаго. Всеобщая непамять къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщешныя усилія Намѣстника. Вербное Воскресенье. Пашіархъ виновникъ возстанія. Кровопрлитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Спрусъ. Пашіархъ въ темницѣ. Ненствоство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаешъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.

По смерти Димитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ оной письмо слѣдующаго содержанія: «Полуталъ насъ лукавый! Стубилъ наше Царство проклятый Самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристовъ, поганыхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься ¹²²⁾»

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областныя жители опомнятся и исправятся; но что не лзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ, разослали тайно грамоты, въ коихъ советовали своимъ единоземцамъ признать Царемъ Королевскаго сына, чтобы внутренніе раз-

доры прекратились, и города воевать между собою перестали; но въ тоже время убѣждали исподоволь истрѣблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья, или просто въ ней жившихъ. »Такимъ образомъ , писали Москвитяне , Государство незамѣтно очистится отъ сихъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ Поляковъ , въ столицѣ живущихъ , хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ , ни шлемовъ ¹²³⁾«. Слѣдуя сему внушенію , города присягнули Владиславу въ Январѣ 1611 года , и думали оставить Поляковъ въ дуракахъ ; но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу : *Не рой яму другому , самъ въ нее попадѣшь.*

25 Января Московскіе обыватели жаловались Намѣстнику Владислава , Гонсѣвскому ¹²⁴⁾ , что Поляки притѣсняють народъ , не уважають Русскаго богослуженія , ругаются надъ Св. Иконами , даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей ; что Россіянамъ и въ домахъ нѣтъ безопасности ; что казна Государственная расхищена и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6000 воиновъ , а Царь Владиславъ не является ; и что Король , вопреки обѣщанію , до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына , обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ Намѣстнику и всѣмъ его Ротмистрамъ , чтобы они позаботились о

1611. скорѣйшемъ прибытіи Царевича, въ противномъ случаѣ убирались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. »Для такой невѣсты, говорили Москвитяне, какова Россія, мы скоро найдемъ и другаго жениха.«

Нань Гонсевскій ласково принялъ сію жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ Намѣстникъ, Его Величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ Государствѣ, что не имѣеть никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ Царскому сану достоинствомъ; притомъ же Король хочетъ непременно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ, чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ ономъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсевскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Россіянами Государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые стануть нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсевскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Стрѣлин-

скихъ воротъ , гдѣ находилась сія Икона , ему 1611
отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подь обра-
зомъ ; а самого виновника вывели за городъ и
сожгли ¹²⁵). При семъ случаѣ Панъ Гонсьвскій
обнародовалъ объявленіе , что скоро прибудетъ
Царь Владиславъ , что Москвитяне должны мо-
диться о здравіи Его Величества , что Государь
повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за
правосудіемъ , наказывать своевольство , охранять
гражданъ и Святыню ихъ , и что казнь виновна-
го дворянина служить яснымъ доказательствомъ
попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи
Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поля-
ки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дре-
мали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную
стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Руе-
скимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное,
объскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ,
опасаясь, нѣтъ ли въ оныхъ оружія. Если же
Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили
имъ: »Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть,
а васъ тѣсячи; мы не думаемъ ничего дурнаго,
вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ
съ вами ссориться—этого требуетъ Государь
нашъ; только вы будьте спокойны!« Не взирая
на сіи убѣжденія, Москвитяне весьма негодова-
ли на Поляковъ. »Уже и теперь, говорили они,
нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберет-

1611. «ся побольше сихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотять быть нашими господами. Но мы ихъ проучимъ! Мы выбрали Царемъ Поляка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали отказываться и отъ своего права. Старая собака Король не хотѣлъ отпустить своего щенка: теперь оба они могутъ навѣки остаться во своихъ: не хотимъ Владислава! А эти глаголи, пусть добромъ отсюда уберутся, не то, переколотимъ ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдъ семьсотъ тысячъ: если на что рѣшимся, постоимъ за себя!»

Злоба народа безпрестанно увеличивалась; Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго, и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. «Эй, пучки! кричали насмѣшники, долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ оставить нашего города!» За все, что ни купали, Поляки должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ, или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. «Смѣйтесь, какъ хотите, говорили они Русскимъ, для насъ все равно; не мы будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаляться!»—и уходили домой осмѣянные.

13 Февраля Польскіе дворяне велѣли сво- 1611
 имъ служителямъ ¹²⁶⁾ купить овса на рынкѣ,
 за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ,
 замѣтивъ, сколько за оный платили Русскіе,
 приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ
 заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же,
 какъ платили и другіе. Московскій торговецъ, не-
 довольный сею платою, требовалъ съ него за
 каждую бочку по 2 флорина. »Эй, ты к... с...
 »Москаль. закричалъ слуга, какъ смѣешь ты
 »грабить насъ? Развѣ мы не одному Царю слу-
 »жимъ?» »Если не хочешь дать за бочку по два
 »флорина, возразилъ Москвитянинъ, возьми свои
 »деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не поку-
 »пать его дешевле. Убирайся къ чорту!» Полякъ
 выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Мо-
 скаля, какъ вдругъ сбѣжалось человекъ 40 или
 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собра-
 лось такое множество народа, что Польская
 стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, долж-
 на была прибыть на мѣсто драки. Слуги же,
 покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и
 преслдуемые Москвитянами, просили помощи
 у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое
 изъ товарищей ихъ убиты народомъ единствен-
 но за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ.
 Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на мно-
 гія сотни Москвитянъ, убили человекъ 15, а
 прочихъ разогнали.

1611. Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе Намѣстника отвратило сіе бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: »Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими Христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ Царей, вы избрали наконецъ Государемъ нашего Королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности,—вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывая, что Богъ избралъ ихъ своими Намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая Царемъ своего законнаго Государя; а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуюсь Царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семи сотъ тысячъ; но побѣда за-

висить не отъ числа, а отъ Бога: и горстію 1611 людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунгу? Развѣ мы служимъ не тому же Государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы стоимъ за правое дѣло!»

»Полно врать! закричали изъ толпы; безъ ружей и дубинь, мы побьемъ васъ колпаками.«

»Нѣтъ, братцы! продолжалъ Намѣстникъ, колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте мирны и спокойны!»

»Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!« сказали Москвитяне.

»Этого не дозволяетъ намъ присяга, возразилъ Намѣстникъ; Государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда.«

»Такъ недолго вамъ оставаться въ живыхъ!» —воскликнулъ народъ.

»Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не сумѣете кончить ее—тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны; а не то вы пропали. Съ нами Богъ!« Сказавъ сіе, Намѣстникъ возвратился въ замокъ;

1611. а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а Королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что Король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій Военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. »Пусть требуютъ платы отъ своего Царя«, говорилъ народъ.

Больше всего Москвитяне злились на своихъ Вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Федора Андропова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи сихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ Царство Королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ оный; но едва начальникъ Нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу и Нѣмцы бросились къ ружью — Москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота, чтобы напасть на вѣроломныхъ; однакожь Капитанъ удержалъ ее, сказавъ: »Пусть ихъ ругаются! собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!« Въ четверть часа не было уже видно ни одного Русскаго. Но Поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ вол-

неніе народа, Полководцы ихъ отмѣнили торже- 1611
 ственный выходъ въ Вербное воскресенье, ко-
 торое послѣ Николина дня считается важнѣй-
 шимъ праздникомъ: они опасались при семь
 случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ
 этотъ день выходить къ народу Царь и отъ
 Дворца своего до церкви, называемой Іерусали-
 момъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ
 Патріархъ; шествіе открываетъ Кларъ, воспѣ-
 вая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ
 слѣдуютъ болѣе 20 Боярскихъ дѣтей въ кра-
 сномъ платьи, и разстилаютъ оное по дорогѣ,
 гдѣ Царь ведетъ Патріаршаго осла. Какъ скоро
 проѣдетъ Патріархъ, они подбираютъ свою
 одежду и забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ
 ее до самой церкви. За Первосвященникомъ ве-
 зутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами
 дерево, на коемъ сидятъ три или четыре от-
 рока, и поютъ священные гимны: шествіе за-
 ключаютъ Князья, Бояре и купцы. На этотъ
 праздникъ стекается безчисленное множество
 народа; при чемъ такая бываетъ тѣснота, что
 люди слабаго сложенія не смѣютъ присутство-
 вать на церемоніи, если хотятъ остаться жи-
 выми.

Чернь, узнавъ о запрещеніи Намѣстника
 праздновать столь великій день, изъявила силь-
 ный ропоть и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ
 стерпѣть такое насиліе; волю народную надле-

1611. жало исполнить; узду ослати держаль, вмѣсто Царя, знатвѣйшій изъ Московскихъ Вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать Намѣстнику, что Москвитяне, подстрѣкаемые Патріархомъ, отложили мятежь до Страстной недѣли, и что Бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о семъ, Намѣстникъ и Борковскій отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни одинъ Полякъ, подъ смертною казнію, не оставался въ городъ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника, всѣ Поляки спѣшили убраться въ крѣпость; Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что ихъ замыселъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во вторникъ, т. е. 19 Марта, заняли улицы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и побили многихъ Поляковъ, ѣхавшихъ въ замокъ. Намѣстникъ немедленно выслалъ на помощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копейщиковъ: Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Польскіе всад-

ники, числомъ 5000, остались бы на мѣсть: уже 1611. Москвитяне стали одолевать Поляковъ; смѣло напирали на нихъ, и удивляясь собственному успѣху, выпускали радостные крики, при громѣ набатовъ; въ сію минуту главный Капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, выслалъ изъ замка три роты мушкетеровъ къ Лавскому мосту, въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладевъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали незапно на поклонниковъ Николая ¹²⁷⁾ и побили ихъ какъ градомъ: съча была ужасная! Болѣе часу раздавался крикъ Москвитянь, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, громъ мушкетовъ, ревъ бури. Страшно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись разными улицами въ толпу враговъ, разогнали ее и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ, какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами: отчаяніе ими овладѣло; въ то самое время возвращаются мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи. Безъ ужаса не лзя было взглянуть на нихъ! Москвитянь пало множество; Нѣмцевъ только восемь человекъ. Между тѣмъ, снова закипѣла битва на Срѣтенкѣ, гдѣ Моск-

1611. витяне также укрѣпились; набаты гудѣли безъ умолку. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи Небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Срѣтенкѣ, мятежники собрались на Покровкѣ. Мушкетеры уже утомились отъ дальныхъ переходовъ съ тяжелыми мушкетами, отъ непрестанной пальбы и съчи; посему Борковскій подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копѣйщиковъ, и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ дома около того мѣста, гдѣ Москвитяне, перегородивъ улицу, упорно сопротивлялись: въ четверть часа пламя объяло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ этотъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ жилищъ и обратились въ бѣгство, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тогда то сбылась древняя пословица: *Naes mea sunt; veteres, migrate coloni.*

Весь Китай-городъ обратился въ пепель; многія сотни людей погибли отъ меча и пламени; улицы были завалены мертвыми тѣлами такъ, что невозможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣтную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ и въ пряныхъ кореньяхъ. Въ слѣдующую ночь Россіяне укрѣпились на Чертоли, подлѣ самаго замка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне,

жившіе на другой сторонѣ, за Московою рѣкою, 1611. также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавать взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя въ своей власти уголь Бѣлой стѣны, расположили на ней до ста стрѣльцовъ и заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ; Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ, и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы также станемъ перестрѣливаться. Но Капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленія; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяные ворота зѣмка и неожиданно очутился среди непріятельскихъ отрядовъ, такъ, что могъ бить ихъ справа и слева. Въ то же время двѣнадцать Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумаетъ ли непріятель, стоявшій на лѣвой сторонѣ, подать помощь Россіянамъ, укрѣпившимся въ Чертоля; но какъ они не трогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду, мимо Бѣлой стѣны, и достигнувъ пяти башенъ, онъ ворвался незапно въ ворота, нарочно отворенные, только не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой сто-

1611. ронѣ. Эта оплошность погубила мятежниковъ : наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а замокъ Чертольскій предали пламени. Сіе несчастіе разстроило Россіянь, стоявшихъ на противоположномъ берегу ; они потеряли все свое мужество, когда узнали , что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибыль изъ Можайска Полковникъ Панъ Струсь, коего отрядъ, состоявшій изъ тысячи отборныхъ всадниковъ, напалъ на третій городъ, жегъ, рубиль, опустошалъ все, что ни попадалось. Воины же Капитана Маржерета , разрушивъ замокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ дома, уцѣлѣвшіе отъ прежняго пожара: тутъ уже ничто не помогало Москвитянамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ; они нигдѣ не могли найти спасенія ; даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону, куда бѣжали Москвитяне, и истребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ этотъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ Содомскій ¹²⁸⁾! Немногія толпы укрылись въ монастыряхъ ; около полудня все кончилось ; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двухдневный пожаръ превратилъ въ пепель обширную столицу Русскаго Царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ Царскаго замка, занятаго Коро-

левскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивыя дома Болрскіе и купеческіе, остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700,000 челоувѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоявшей изъ 800 Нѣмцевъ и 6,000 Поляковъ; должны были видѣть столицу жертвою пламени, и несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ Царскихъ (на счетъ коихъ и теперь, въ 1612 году, содержится Королевское войско), находились 7 коронъ, 5 скипетра, и другія вещи безцѣнныя. Одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмивалъ все драгоцѣнное въ мірѣ.

Укротивъ мятежь, Поляки отрѣшили Патриарха, бывшаго виною и началомъ всему злу; заперли его въ Кириловскій монастырь, и приставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Тамъ будетъ онъ содержаться до прибытія Владислава и получить воздаяніе за всѣ свои крѣпости, за гибель несмѣтнаго множества душъ Христіанскихъ ¹²⁹).

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, терпи проклятіе. Сказано, сверхъ того, въ Книгѣ Премудрости:

1611. въ чемъ погрѣшишь, тѣмъ и наказанъ будешь. Москвитяне доказали собою истину сихъ изреченій: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насилывали женъ и дѣвиць; теперъ имъ отплатено сторицею. Изъ Ливоніи они вывезли 100,000 гульденовъ, а сами лишились всего имѣнія, цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и полонить нѣсколько женъ и дѣвиць; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того, пожары такъ опустошили всю Россію, что пять Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война истребила, по изчисленію самихъ Россіянъ, болѣе 600,000 человекъ, кромѣ тѣхъ, которые тайно умерщвлены или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль, Русскіе не являлись въ свою столицу; поему Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища; имъ не нужно было ни дорогихъ полотень, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатыя одежды бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоценныя каменья; снимали съ обрзовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперъ носилъ богатѣй-

шую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; 1611. пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали Русскіе погреба, Рейнское, Венгерское, Малвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ открылось такое распутство, что Ляпуновъ принужденъ былъ стращать беззаконниковъ своими Казаками. Своевольные солдаты стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами, величиною съ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у Боярь и купцовъ именитыхъ: съ трудомъ возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія родителей. Никто не заботился о сбереженіи съѣстныхъ припасовъ, масла, сыра, рыбы, солода, ржи, хмѣлю, меду, и прочихъ жизненныхъ потребностей, коими замокъ могъ бы цѣлые шесть лѣтъ довольствоваться: безумные Поляки все истребили, воображая, что имъ ничего не надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Правда сіи вещи имѣютъ высокое достоинство; однакожь голоднаго не накормятъ; глушцы вскорѣ испытали это: въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, часто не лзя было достать ни за какія деньги ни пива, ни хлѣба. За штофъ пива платили цѣлый флоринъ, за кусокъ свиного сала 8 флориновъ, за корову 40 флориновъ, хлѣба же почти вовсе не было; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружился на третьей недѣлѣ послѣ мятежа, когда приведенные Ляпуновымъ Казаки и Москвитяне

1612. овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее по малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребѣхъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши воины съ величайшею опасностію добывали съѣстные припасы.

Куй желъзо, пока оно горячо, говоритъ пословица. Въ день Воскресенья Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились Королевскія войска, и начали томить ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врачамъ тѣлеснымъ: нашихъ воиновъ осталось всего навсе 60 человекъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдаться: къ счастью покойный Воевода Янъ Петръ Павель Сапѣга нашелъ путь чрезъ Бѣлую стѣну и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однакожь Москвитяне, воспользовавшись его отлучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьимъ монастыремъ и заградили нашимъ всѣ пути за Бѣлую стѣну, такъ, что никому не возможно было ни выйти изъ крѣпости, ни войти въ нее. Осажденные снова предались унынію—и снова нашли избавителя: по смерти Сапѣги, около Варѣоломеева дня, прибылъ къ нимъ на помощь Шольскій Военачальникъ, Карлъ Ходкевичъ, присланный Королемъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами опытныхъ воиновъ.

Боже милосердый! положи предѣлъ сей вой-

нѣ кровопролитной; смягчи сердца упорныхъ 1612
Египтянъ; да покаются они во грѣхахъ своихъ
и да покорятся законному Государю! Внуши,
Господи! и Его Величеству Королю Польскому
благое намѣреніе спасти воиновъ, столь долго
томимыхъ осадюю, и даруй Русской землѣ миръ
и тишину, во славу Твоего имени, для блага са-
михъ Россіянъ и всѣхъ иноземцевъ! Да испол-
нится въ семь же году моленіе мое!

К О Н Е Ц Ъ

Беровой Лѣтописи Московской.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) *Tyrann*. Такъ называютъ Іоанна IV всѣ вообще иноземные современные писатели; попомство опровергло сіе неосновательное прозваніе и, согласно съ характеромъ Іоанна, именуютъ сего Государя *Грознымъ*.

2) *Петрей*: „По смерти безчеловѣчнаго Мучителя (Іоанна IV, см. пр. 1), въ Россіи случилось странное событіе: Царь назначилъ опекуномъ своихъ дѣшей Богдана Бѣльскаго (Bogda Bielszki), Вельможу знашнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ усмирить Царевичей опъ престола и присвоить себѣ достоинство Великаго Князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кремлемъ; Бояре и граждане вооружились противъ него: ибо, зная гордость и жестокосердіе сего Вельможи, они опасались вновь испытать всю штыгость ужаснаго деспотизма; посему какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно Государемъ и Великимъ Княземъ Феодора Іоанновича, осадили крѣпость, навели на нее пушки, палили безъ умолка и побивъ многихъ единомышленниковъ, въ крѣпости находив-

шихся, принудили прочихъ злоумышленниковъ выпши изъ оной. Бѣльскій оспался какъ ракъ на мели, сдалъ крѣпость своимъ врагамъ и долженъ былъ смиришься. Тогда Феодора Иоанновича провозгласили Великимъ Княземъ и 31 Юня (31 Мая) 1584 года короновали Царскимъ вѣнцемъ въ церкви Пресвятой Богоматери, на 22 году его рожденія.“ *Muszkowitische Chronica*, спран. 255.

Сіе извѣстіе подтверждаетъ *Лѣтопись о мятежахъ*, съ шѣмъ только различіемъ, что по словамъ оной, народъ былъ обманутъ молвою о замыслахъ Бѣльскаго совершенно невиннаго. Впрочемъ Феодоръ сослалъ его въ Нижній Новгородъ. *Руск. Лѣтоп. по Никонову списку, т. VIII. 6.*

3) *Петрей*: „Феодоръ былъ средняго роста и весьма бѣль лицомъ; нрава же благочестиваго и набожнаго; опъ супруги своей, Ирины Феодоровны (Irena Vdovia), онъ имѣлъ нѣсколько дѣшей (?) мужскаго и женскаго пола, кошорыя однако всѣ умерли, какъ скоро увидѣли свѣшь. Вспушивъ на престолъ, онъ освободилъ немедленно всѣхъ узниковъ и уничтожилъ многіе налоги, обременявшіе подданныхъ: шакъ завѣщаль ему опецъ на смернномъ одрѣ. Но время было смущное и безпокойное: внупри Государствѣ свирѣпшвовали мятежи и бунны; съ Королевствомъ Шведскимъ Россія вела войну; съ Польскимъ

надлежало возобновить перемирие; дѣла съ прочими Державами преобладали также особеннаго благоразумія. Новый Царь былъ во все неспособенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; припомъ же весьма неохотно занимался дѣлами Государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ болѣшимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ, или бесѣдовалъ о предмѣсахъ душевнораспительныхъ; часто ходилъ въ церкви, иногда самъ презвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ къ обѣднѣ. Опець нерѣдко упрекалъ его симъ, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго, нежели на Царскаго.“

„Бояре и Князья, созванные имъ для совѣща, какія мѣры надлежало принять къ лучшему управленію Государства, опредѣлили единогласно избрать въ Соправители Феодору шурина его, *Государственнаго* Конюшаго, Бориса Феодоровича Годунова. Сей Вельможа былъ весьма проворенъ, уменъ и проницателенъ; но душу имѣлъ коварную, обманчивую, лукавую, въ полномъ смыслѣ Русскую. Онъ-то погубилъ Россію. Его призывали въ Палату, гдѣ собранъ былъ Совѣщъ, и Феодоръ, вставъ съ своего мѣста, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, съ сими словами“. . . (*Слѣдуетъ рѣчь, выписанная изъ Бера*). *Muszkow. Chron.* 255—257.

Въ нашихъ Лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о семь происшествіи; въ Государственныхъ актахъ Борисъ назывался Великимъ Ближнимъ Бояриномъ, Великимъ Конюшимъ и Слугою; но Патриархъ Іовъ именуешь его изряднымъ *Правителемъ*.

4) И наши Лѣтописи и современные писатели иностранные свидѣтельствуютъ единогласно, что никогда въ правленіе Царей, Россія не была такъ счастлива, какъ при Θεодорѣ, подъ власнію умнаго Бориса.

5) *Петрей*: „По Русскимъ законамъ и обычаямъ, какъ Великій Князь, такъ и простой гражданинъ имѣеть право, съ дозволенія Патриарха и Епископовъ, развесшись съ своею женою, если она бесплодна, заключить ее въ монастырь и взять за себя другую. Посему Вельможи и граждане Московскіе рѣшили послать бездѣтную Царицу въ монахини, а для Царя выбрали супругою сестру Вельможи знатнѣйшаго по Государѣ, Князя Θεодора Ивановича Мспиславскаго (*Floro Iwanowitz Zizlphouschis*). Но Годуновъ искусно успранилъ опасность: онъ тайно убѣдилъ Патриарха, имѣвшаго въ семь дѣлъ верховный судъ, не давать Царю согласія на разводъ; ибо, говорилъ Борисъ, если у Царя будутъ дѣти, а

Димитрій, еще свѣжій и здоровый, между шѣмъ подростеть; по все Государство сдѣлается жерпвою возмущеній и кровопролитныхъ междоусобій. Папріархъ согласился съ Годуновымъ, и оба они, дѣйствуя за-одно, кончили дѣло шѣмъ, что невѣспу пайно вывели изъ дома, поспригли въ монахини и заключили въ монашескую, гдѣ она и умерла. Никшо не смѣль осуждать сего поступка: ибо такъ рѣшилъ Папріархъ, да Борисъ.“ *Miszkow. Chron.* 258—259.

6) О сей нелѣпой молвѣ упоминаеть и Авраамій Палицынъ: „Сему же Царевичю Димитрію, еспешивомъ возрастающу, и ошъ „ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ „брапомъ пребыванія, и о семъ печалунся, и „часпо въ дѣпскихъ глумленіихъ глаголетъ „и дѣйспивуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ „брапа си, паче же о семъ Борисъ. И врази „суще, и ласкашели великимъ бѣдамъ замы- „шленицы, въ десяперицу лжи соспавлива- „юще, съ сими подходящъ Вельможъ, пачежъ „сего Бориса, и ошъ многія смупы ко грѣ- „ху сего низводящъ.“ *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М. 1784, ст. 2.*

7) *Петрей*: „Борисъ подкупилъ чешскихъ дворянъ Димитріевыхъ, далъ имъ серебра и золота, съ обѣщаніемъ наградишь ихъ землями и помѣстьями, если они погубящъ

Царевича. Предатели исполнили сіе порученіе такимъ образомъ: однажды ночью зажгли городъ; когда сдѣлалась тревога, они бросились во Дворецъ и разбудили Димитрія, которій въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выходилъ изъ Дворца и смотрѣлъ на пожаръ. Онъ вспалъ съ постели; но едва сошелъ съ крыльца, злодѣи бросились къ нему и закололи его длинными ножами, намазанными ядомъ.“

„Жители Углича, попушивъ огонь и узнавъ, что Димитрій былъ умерщвленъ, бросились во Дворецъ и въ яростномъ гнѣвѣ побили всѣхъ почши его служителей, думая опмститься имъ за смерть Царевича. Но Годуновъ не былъ еще симъ доволенъ: казался печальнымъ, сокрушеннымъ и чпобы лучше упавшю свое злодѣйство, въ припворномъ гнѣвѣ казнилъ гражданъ Углицкихъ (копорые и безъ того потеряли все имущество во время пожара): иныхъ попошилъ, другимъ опсѣкъ головы, нѣкопорыхъ сослалъ въ Сибирь; самъ же плакалъ о Царевичѣ, рыдалъ и вопилъ предъ народомъ, а сердце у него прыгало опъ радости. Въ шо же время, желая извѣстить всю Россію о Димитріевой смерти, опправилъ въ Угличъ, вмѣстѣ съ своими клеветниками, знашнаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго въ послѣдшвіи Царемъ, поручивъ ему удостовѣриться, почно ли Димитрій умерщвленъ, и если сіе

окажешся справедливымъ, похоронишь его съ Царскою пышносною, а Дворецъ разрушишь до основанія, какъ вершеть злодѣевъ.“ *Muszkow. Chron.* 262.

8) Происшествія до 1600 года описаны Беромъ по словеснымъ преданіямъ; молва же народная была весьма несправедлива къ Борису Годунову: если вѣришь ей, Борисъ былъ пайною пружиною всего злаго. Но современники, обвиняя сего великаго мужа въ разныхъ пресупленіяхъ, нелѣпостію расказовъ обнаруживаютъ очевидное недоброжелательство: говорятъ, что онъ былъ колдунъ, оправилъ Θεодора и даже нареченнаго зяпца своего, Герцога Дашскаго. Пожаръ Московскій принадлежишь кажешся къ сей же кашегоріи: явный врагъ Годунова, сочинилъ Лѣтописи о мяшежахъ, говорятъ только, что это было наказаніе Божіе.

9) *Петрей*: „Нѣкошорые думаютъ, что Θεодоръ оправленъ Борисомъ.“ *Muszkow. Chron.* 265.

10) Сказка: еслибы Царь предлагалъ скипепрь Θεодору Никипичу Романову (въ послѣдствіи Патріарху Филарету) и его братьямъ, то безъ всякаго сомнѣнія о споль важномъ обспоятельствѣ было бы упомянуто въ грамотѣ о избраніи на Царство Ми-

хаила Θεодоровича: но памъ именно сказано, что Θεодоръ *оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ; а душу свою праведную приказалъ Патриарху Гову, Θεодору Никитичу Романову и Борису Годунову.* Соб. Госуд. Грам. I. 602. Впрочемъ Беръ не самъ выдумалъ эту басню: въ Москвѣ дѣйствительно вѣрили, что умирающій Царь наименовалъ своимъ преемникомъ Θεодора Никишича Романова. *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. X. пр. 370.*

11) Пешрей говоритъ, что народъ удался въ столицу и прислалъ опшуда къ монастырю нѣсколько тысячъ мальчиковъ. *Muszkow. Chron. 268.*

12) Пешрей считаешь болѣе 200,000 воновъ, Маржерешъ до 500,000.

13) „Послы видяху такое великое войско и слышаху спрѣльбу, вельми ужасошася, и придоша къ Царю, и едва посольство можаху исправить опть такіе великіе ужаси.“ *Русс. Лѣт. по Ник. спис. VIII. 38.* Пешрей присовокупляетъ, что Борисъ заключилъ съ Ташарскимъ посломъ мирный договоръ, коимъ обязался *платить* Ташарамъ ежегодную дань. *Muszkow. Chron. 270.*

14) Когда свершился обрядъ коронаванія, Борисъ вовсе неожиданно воскликнулъ: „Опче

„Папріархъ! Богъ свидѣтель, что никакъ
 „въ моемъ Царствѣ не будетъ ницъ или бѣ-
 „день! И пряся верхъ своей рубашки, при-
 „молвилъ: сію послѣднюю раздѣлю съ наро-
 „домъ.“ *Палиц. сказ. о осадѣ Г. м. 7.* Борисъ
 никогда не измѣнялъ этому правилу.

15) Борисъ намѣревался основать не од-
 нѣ школы, но и *Университеты*, какъ видно
 изъ письма Нѣмецкаго Ученаго Товиі Лон-
 ціуса отъ 24 Января 1601 года (*Карамз. Ис.*
Г. Р. XI. пр. 125). Что сказашъ послѣ этого въ
 похвалу Борису? Мысль его привели въ ис-
 полненіе чрезъ *полтора*ста лѣтъ.

16) Пешрей присовокупляетъ, что прое
 изъ нихъ служили съ честію при Дворѣ
 Шведскаго Короля Карла IX. *Muszkow. Chron.*
 272.

Изъ дѣлъ Московскаго Архива видно,
 что въ Любекъ послано 5 молодыхъ Рос-
 сіянъ, о коихъ въ Ноябрь 1606 года Любскіе
 Бургомистры писали Царю Василію Шуй-
 скому, что они *непослушливы и поугеня не*
слушали, и что двое изъ нихъ бѣжали, не-
вѣдомо за что. Въ Англію послано 4 чело-
 вѣка. *Карамз. Ис. Г. Р. XI, пр. 126.*

17) *Червонцевѣ*, говоритъ Пешрей. Тог-
 дашній рубль (т. е. 100 денегъ) былъ въсомъ

около 15 золотниковъ: слѣдовательно цѣною равнялся червонцу. *Срав. Пепрея, стр. 601.*

18) Гусшавъ принадлежишь къ числу самыхъ злополучныхъ людей, упоминаемыхъ въ Исторіи: отецъ его Эрикъ XIV былъ низложенъ съ престола родными братьями и отправленъ въ пемницѣ; самъ онъ едва не погибъ еще въ колыбели: похищитель короны Шведской Іоаннъ велѣлъ упоишь двухлѣшняго Принца. Судьба спасла его, но жизнь даровала ему злосчастную: достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ среди непрерывныхъ опасностей, онъ долго скитался съ матерью изъ одной страны въ другую; наконецъ угнетаемый бѣдностью, рѣшился искахъ убѣжища въ Краковѣ, гдѣ царшвовалъ сынъ его гонимель, Сигизмундъ, надѣясь найши помощь у сестры своей Зигриды, бывшей въ числѣ Королевиныхъ Фрейлинъ. Въ одеждѣ нищаго, явился Гусшавъ въ Краковѣ и нашель покровишельство у самого Сигизмунда, пошому, что не имѣль никакихъ замысловъ и своимъ мягкосердечіемъ плѣнилъ сего Короля: безъ содроганія онъ не могъ видѣшь даже пищцы умирающей. Но милосшь Короля Польскаго продолжалась не долго: злые клеветники вооружили его противъ неоспорожнаго Принца. Гусшавъ тайно удался къ Рудольфу и былъ приняшь очень милосшиво за рѣдкія познанія, особенно въ

любимой Императоромъ наукъ — Алхиміи , шакъ, что онъ заслужилъ имя вшораго Теофраста Парацельса. Вскорѣ однако, распровивъ душевныя и шѣлесныя силы безпрерывнымъ ученіемъ , наиболѣе же химическими опытами , онъ оспавилъ Императора , нѣсколько времени спранспвовалъ въ Европѣ , шипаясь опчасши милосшынею , опчасши продажею химическихъ запасовъ ; наконецъ въ 1598 году прибылъ въ Торнъ , гдѣ получилъ опть Годунова приглашеніе поселиться въ Россіи : Царь звалъ его къ себѣ не для шого , чтошбы женишь на своей дочери : ему хопѣлось овладѣшь Ливоніею , Густавъ же , какъ вшорый Магнусъ , по замѣчанію Карамзина , могъ служить орудіемъ его Полишкки . О пребываніи Принца въ Россіи Пешрей рассказываетъ слѣдующія обстоятельштва , опчасши несогласныя съ извѣшціями Бера : „Въ 1599 году Борисъ опправилъ двухъ шсловъ—одного въ Прусскій городъ Торнъ , а другаго въ Лифляндскій—Ригу , съ богатыми дарами къ сыну Шведскаго Короля Эрика XIV, Густаву ; послы , въ слѣдшвіе Царской воли , объявили сему Принцу , что пора ему прекратишь спранспвованія по бѣлому свѣшу въ нищетѣ и бѣдшвіи ; убѣждали его пожаловашъ въ Россію , гдѣ онъ найдетъ въ Царѣ не Государя , а опца , получишь Царское содержаніе ; а если ему не понравится пребываніе въ Москвѣ , шо всегда будетъ во-

лень выѣхать со всѣми слугами, со всѣмъ имуществомъ, куда ни пожелаетъ. Въспѣвъ съ симъ, послы вручили Принцу опасную грамоту (Geleits-Brieff), копорую онъ, при отъѣздѣ въ Москву, опдалъ для сохраненія одному знашному Рижскому гражданину.“

„Гуспавъ, пріѣхавъ въ Россію безъ сей грамоты, принявъ былъ какъ не лзя лучше: до самой Москвы его угощали по Царски. Борисъ подарилъ какъ ему, такъ и свистѣ его, нѣсколько сотъ червонцевъ, множество всякаго рода дорогихъ матерій для платья, шелковыхъ, бархатныхъ, апласныхъ, камчатныхъ, парчевыхъ, всякаго сорша мѣховъ собольихъ, куньихъ, рысьихъ, лисьихъ, также верховыхъ кожъ съ сбруею, и сверхъ того весь приборъ для Княжескаго стола. Эна милость продолжалась два года; наконецъ Борисъ предложилъ Гуспаву принявъ Русскую вѣру, обѣщая не только выдать за него свою дочь, но и пособить ему овладѣти Шведскимъ престономъ: добрый Принцъ на сіе отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласился навсегда поперять свободу и умереть самою злою смертію, нежели для жены измѣнить своей Религіи и погубить любезное Опечество; въ слѣдъ за симъ, Гуспавъ просилъ дозволенія выѣхать изъ Россіи, ссылаясь на опасную грамоту; съ нимъ начали поспушать совсѣмъ не такъ, какъ прежде; содержаніе уменьшалось день ошо дня. Между

шѣмъ Царь, подкупивъ служилея его Іакова Шульша, родомъ изъ Кенигсберга, досталъ чрезъ него тайно Принцеву печать, и написалъ отъ имени Густава письмо къ Рижскому гражданину съ требованіемъ прислать опасную грамоту немедленно; ношъ, увидѣвъ на письмѣ Принцеву печать, исполнилъ приказаніе. Имѣя въ рукахъ опасную грамоту, Борисъ думалъ, что Густавъ не посмѣетъ упорствовать въ отказѣ перемѣнить свою вѣру; но вышло совсѣмъ не то: Принцъ объявилъ, что „Государи и Князья должны имѣть, по изрѣченію Балдуса, одно перо, одинъ языкъ; ибо сказано въ Писаніи, не нарушу глагола устъ моихъ.“ Симъ хотѣлъ онъ объяснить, что слово Царское должно быть неизмѣнно; но не могъ пронуть Повелителя *варваровъ*. И такъ онъ впалъ въ жестокую горестъ; проводилъ все время въ занятіяхъ науками и Алхимією; ослабѣлъ въ умственныхъ способностяхъ; не держалъ языка на привязи и часто, разгоряченный виномъ, говорилъ иногда въ шушку, иногда и въ правду, дерзко прошивъ Бориса. Такъ случилось ему однажды сказать для шушки Царскому Медіку: „Если Царь меня не опуститъ, какъ онъ обѣщалъ и клялся, то „я зажгу Москву и дамъ шягу.“ На другой день Медикъ донесъ объ этомъ Думному Боярину Семену Никипичу, а сей въ ту же минушу Государю: Борисъ такъ разгнѣвался,

что немедленно велѣлъ знаціному Вельможѣ Степану Васильевичу опобращь у Принца все серебро, посуду, плашья, прежде подаренныя, приславиль къ нему крѣпкій караулъ, и нѣсколько дней мориль его голодомъ и жаждою. Скоро однакожь смягчился: даль Густаву Княжество Углицкое, но съ шѣмъ, чшобы Русскіе Сановники, посланные для присмотра за нимъ, управляли эшою областью и собирали доходы, а Принцу давали бы шолько необходимое для содержанія его съ служителями; тамъ жилъ онъ до самой смерти Борисовой. Попомъ Гришка Опретьевъ, первый Лжедмитрій, сослаль его въ Ярославль, гдѣ онъ содержался какъ плѣнникъ, единственно за то, что болѣе преданъ былъ Карлу IX, Королю Шведскому, нежели Сигизмунду III, Королю Польскому.“

„По смѣрши Опретьева, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій опсправиль Принца въ Кашинь: тамъ было ему нѣсколько лучше, опносительно пици и другихъ жизненныхъ пошребностей. Тамъ онъ и умеръ въ 1607 году; похоронень же за городомъ въ прекрасной березовой рошѣ, гдѣ не шолько я, но и Шведскій Полководецъ Делагарди, и многія другія особы видѣли своими глазами его могилу; посему несправедливо извѣстіе Маршина Бера (Bär), кошорый пишеть, что онъ самъ погребаль Густава въ монастырѣ *Димитрія Солунскаго* (Mitrofolonski) и полу-

чиль за сіе 20 рублей въ награду *); ибо Рос-
сіяне никакъ не позволяють хоронить въ сво-
емъ храмѣ, монастырѣ, или на кладбищѣ ка-
кого нибудь иновѣрца, ни знашнаго, ни не
знашнаго.“

„Не успѣвъ склонить Гуспава поднять
оружіе на свое Опечество, Борись условился
съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нар-
вою нечаянно посредствомъ коварства и
опьянить ее у Швеціи. Главнымъ начальни-
комъ заговора былъ Конрадъ Бусъ; но умы-
селъ не удался: заговорщики были пойманы,
обезглавлены и колесованы: за сію достои-
ную награду, имъ надлежало благодарить
вѣроломнаго своего руководителя.“ *Muszkow.
Chron. 272—277.*

19) Пепрей называется его Христофоръ
Рипингъ, родомъ изъ Венгрии, и говоритъ,
что сей Докшоръ былъ Архіашеромъ, т. е.
самымъ главнымъ. 255.

20) Никпо изъ Царей не былъ усердѣе
Бориса къ Православію: Юаннь похороненъ
въ Люперанской церкви единственно потому,
что онъ былъ Люперанинъ. „Сія Божница
выстроена по просьбѣ Гуспава, Принца
Шведскаго, который далъ вкладу 100 шале-

*) Въ моемъ спискѣ Беровой Лѣтописи объ этомъ ничего не
сказано.

ровъ; каждый изъ пяти врачей Нѣмецкихъ внесъ по 40 талеровъ; прочіе Нѣмцы жершвовали по соразмѣрности съ своими окладами.“ *Петрей, 255.*

21) „Умный Борисъ, говоритъ Карамзинъ, не могъ дозволишь себѣ такого дѣла.“ Впрочемъ достоверно, что Годуновъ ненавидѣлъ *Турскаго Магметъ Салтана* и старался вооружить противъ него всю Европу.

22) Ливонія (т. е. нынѣшняя Лифляндія, Эспляндія и Курляндія) въ древнѣйшія времена зависѣла отъ Русскихъ Князей. Въ началѣ 15 столѣтія присвоилъ ее Орденъ Меченосцевъ. Іоаннъ IV, пользуясь слабостью сего Ордена, рѣшился овладѣть Ливонією, какъ древнюю собственность Россіи: Меченосцы не могли сопротивляясь ему и ждали покровительства у Державъ сосѣдственныхъ: 1561 года Эспляндія признала надъ собою власть Швеціи, а Лифляндія покорилаь Королю Польскому, который принялъ подъ свое покровительство и Курляндію, вмѣстѣ съ Семигалією. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась за сію спрану между шремя Державами, Россією, Швецією и Польшею, кровопролитная война, прекратившаяся уже въ половинѣ XVII столѣтія Оливскимъ миромъ.

25) Печоры нынѣ безъуздный городъ

съ 943 жипелями , въ 58 верскахъ ошь Пскова.

24) 50 рублей погдашнихъ соспавяшь нынѣ около 600 рублей сереб. Въ чешверши счишалось 1,200 квад. сажень доброй земли; 800 чешвершей соспавляли соху (400 десятишь). *Карамз. И. Г. Р. X. 259.*

25) Пешрей присовокупляеть, что Любскіе и Ганзейскіе послы поднесли Борису 20 вызолоченныхъ покаловъ, красивое, весьма искусно сдѣланное, также вызолоченное изображеніе корабля, со всѣмъ приборомъ, и двуглаваго орла, наполненнаго Венгерскими червонцами и розеноблями (монета въ 2 червонца); что Царь всѣмъ городамъ Ганзейскимъ дароваль свободу шорговашь въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, дозволиль купцамъ ихъ приходить въ Россію и выходить изъ оной безъ всякаго препяшствія; и что подобное право получили Англичане и Голландцы, кои могли свободно купечесшвовашь въ Колмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ находились ихъ конпоры. *Muszkow. Chron. 285.* Но это ложно: извѣстіе Бера подшверждаеться не только бумагами нашего Архива, но и хроникою Ганзейскою (см. *Wagner's Geschichte d. Europäischen Norden*, ч. VIII. стр. 22 — 40): п. е. однимъ шолько Любчанамъ даровано было право плашить половинную пошлину предъ всѣми иноземцами; съ Ганзою же Борисъ не

хощьмъ имѣшь никакого дѣла, во 1) попому, что многіе города Ганзейскіе находились подъ власнію разныхъ владѣшелей, во 2), что они не прислали пословъ особенныхъ. Въ слѣдствіе сего Любскимъ посламъ было объявлено, что Государь Ганзы вовсе не знаетъ.

2б) Такъ говоришь о Борисѣ Паптріархъ Іовъ: „Сей же изрядный Правитель, Борисъ „Теодоровичъ, своимъ бодроопаснымъ правительствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по „Царскому изволенію, многіе грады каменны „созда и самый царспвующій богоспа- „саемый градъ Москву, яко нѣкую невѣспу, „преизрядною лѣпошою украси, многія убо „въ немъ прекрасныя церкви каменны созда „и великія палаты успрои и спѣсны „градныя окрестъ всея Москвы превелики „каменны созда и величеспва ради и красос- „пы, проименова его Царь-градъ“ (*Русс. Лѣт. по Ник. сп. VII. 528*). Это случилось еще при жизни Теодора. Въ послѣдствіи, вспунивъ на пресполь, Борисъ воздвигнулъ въ 1600 году колокольню Ивана Великаго.

По словамъ очевидцевъ, древняя стѣна, выведенная Борисомъ около Смоленска, имѣеть 25 фушовъ въ вышину, 18 фуш. въ полщину, 3000 шозазовъ въ окружности (*Сегюра Hist. de la grande armée*).

Борисовъ на Донцѣ, по словамъ Карамзина, основанъ въ 1600 году, а Царевъ-Борисовъ

на устьѣ Пропвы, около того же времени (Ист. Гос. Рос. X. пр. 439).

27) Поссевинъ, бывшій въ Россіи въ 1582 году, говоритъ, что Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій былъ весьма жалуетъ Иоанномъ, находился при Дворѣ неоплучно 15 лѣтъ и спалъ въ Царской спальнѣ (*Moscovia A. Possevini*, p. 27.). Предъ смертію Грозный назначилъ его опекуномъ несчастнаго Царевича Димитрія. Бѣльскій въ свое время былъ то же, что Малюша Скурашовъ.

28) Нашъ Лѣтописецъ оправдываетъ Бѣльскаго, говоря, что онъ былъ человекъ добродѣтельный, и что Борисъ велѣлъ его позорити многими позоры, единственно за любовь къ нему народную. *Русс. Лѣтоп. по Никон. сп. VIII. 47.*

29) Т. е. Беръ вѣришь клеветъ, копорю подозрительный Борисъ хотѣлъ очернить добродѣтельную фамилію Романовыхъ. Не только наши Лѣтописцы, но и Маржеретъ — иностронецъ, служившій Годунову, совершенно оправдываетъ сей родъ знаменитый. Онъ говоритъ: „Съ 1600 года, когда разнеслась молва о Димитріи Иоанновичѣ, Борисъ занимался ежедневно только изпязаніями и пышками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, по-

„лучаль ошъ Царя награжденіе , а господина ,его, или главнаго изъ служивелей дома под- ,вергали пышкѣ, дабы испоргнушь признаніе ,въ помъ , чего они никогда не дѣлали, не ,слыхали и не видали.“ (*Состояніе Рос. Державы въ началѣ XVII вѣка. Рус. перев. стр. 77*).

Карамзинъ приводитъ несомнѣнныя доказательсва , что Бояре , угождая Царю , спарались самыми нелѣпыми выдумками очернить Романовыхъ. *Ист. Гос. Р. XI. 99—107.* Борисъ изалилъ на нихъ злобу въ 1601 году: Ѳедоръ Никишичь Романовъ , возведенный прежде самимъ же Годуновымъ въ достоинство Боярина , былъ посприженъ , названъ Филарешомъ и сосланъ въ Сійскую Антоніеву обитель; супруга его Ксенія Ивановна , также посприженная и названная Мареою , отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погосповъ; шеца Ѳедорова — въ Чебоксары. Александръ Никишичь , бывший Бояриномъ , сосланъ къ Бѣлому морю; Михайло Никишичь , Окольничій , въ Великую Пермь; Иванъ Никишичь въ Пелымъ; Василій въ Яренскъ; зяпъ ихъ , Князь Борисъ Черкасскій съ женою и дѣшми ея брата Ѳеодора Никишича , шеспилѣшнимъ *Михаиломъ* и съ юною дочерью , на Бѣлоозеро. Всѣ невинные родственники ихъ были также гонимы безъ всякой пощады. Василій , Александръ и Михайло Никишичи умерли въ шемницахъ; Иванъ Никишичь призванъ снова въ Москву.

Филаретъ по волѣ Годунова посвященъ въ Архимандриты; а сынъ его *Михаилъ* получилъ дозволеніе жить вмѣстѣ съ маперью въ опчинѣ своей, селѣ Клинь.

Лжедмитрій, овладѣвъ престоломъ, вызвалъ Филарета, мнимаго родспвенника, изъ Сійской пущыни, и далъ ему санъ Митрополипа Росновскаго; съ того времени Инокія Марѳа и юный *Михаилъ* жили до 1615 года, въ Эпархіи Филаретовой, близъ Коспеды, въ монастырѣ Св. Ипація. *Карализ.*
И. Г. Р. XI. 215.

30) Пешрей приводитъ слова сего легкомысленнаго поэта такимъ образомъ:

Nos solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
At si juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebant Erebi depopulare domum.

31) *Петрей*: „Борись правилъ Государствомъ до пѣхъ поръ, когда явился опчаянный Монахъ, который назвалъ себя Царевичемъ Димитріемъ, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заставилъ его съ родспвенниками и друзьями испытать по же самое, что онъ сдѣлалъ съ Царскимъ поколѣніемъ. Эпопъ монахъ былъ Гришка Опретьевъ (*Grishka Utrepeia*), сынъ проспаго дворянина, родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распущную и могъ служить

образцемъ для всѣхъ негодаевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (*Trilouka*), думая, что тамъ, среди суровыхъ Инокъ, онъ перестанетъ непопробснвовать и привыкнетъ къ благочесливой жизни; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ весьма невкусенъ. Имѣя лукавый и проницательный умъ, онъ скоро подружился съ однимъ хипрымъ Монахомъ, Борисовымъ недоброежелателемъ. Эпопъ Монахъ предугадывалъ, что Гришка рожденъ къ чему-по необыкновенному: ибо онъ походилъ на убѣннаго Царевича Димитрія нѣкопорыми признаками на носу и на правой рукѣ; впрочемъ имѣлъ смуглое лице, густые черные волосы, средней ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими Лѣпописями и научилъ разнымъ плушнямъ, тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ чернокнижникъ, а пріятель понималъ его насшавленія весьма быспро. Попомъ оба они оставили Россію и прішли въ Княжесшво Кіевское; между тѣмъ злой Инокъ объяснилъ ему, въ какомъ положеніи были дѣла Государспвенныя, какъ ненавидѣли Царя Вельможи и что надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла: по совѣшу его, Гришка долженъ былъ явиться къ Князю Адаму Вишневецкому“... (*Далѣе изъ Бера*). *Muszkow. Chron.* 284—285.

Въ извѣспяхъ Пешрея и Бера о Самозванцѣ находимся важное разнорѣчіе: первый

признаешь его Опрепьевымъ, а впорой Полякомъ, побочнымъ сыномъ Стефана Башорія; Опрепьевъ же, по мнѣнію Бера, былъ только руководителемъ Самозванца.

32) Пепрей, рассказывая по же самое, не согласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельстве: Опрепьевъ оспался у Вишневецкаго, а злой чернобнижникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ Казаковъ.

33) Пепрей прибавляетъ, что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность Камердинера; между шѣмъ учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, спрѣлялъ, билъ, рубилъ; участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. *Muszkow. Chron.* 287.

34) Княжесство Вишневецъ находилось въ Подолиі; Бѣлорусскихъ Князей никогда не было.

35) Это помѣстье было Брагинь, по извѣстію нашихъ Лѣтописей.

36) *Петрей*: „Воевода Сендомирскій, съ согласія Іезуитовъ, обѣщавъ Самозванцу склонить Короля Польскаго, Папу и другихъ Вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами, овладѣть праро-

дипельскимъ пресполомъ и низложишь Бориса, если полько онъ обяжешся уничтожишь въ Россіи спаринную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласіе искоренишь Греческую вѣру и ввеси Каполическую, даль слово женишься на дочери Воеводы Сендомирскаго. Иезуиты радовались опъ всей души и шощасъ дали ему двухъ учипелей, копорые вскорѣ сдѣлали его настоящимъ Каполикомъ. Послѣ сего представленный Воеводою Королю Польскому, онъ приняпъ былъ весьма ласково и получилъ дозволеніе набиратьъ въ Польшѣ людей военныхъ. Многіе знашные Паны, вмѣспѣ съ обоими Воеводами, упошребили всѣ силы, даже заложили свои помѣспья, чшобы досшавишь Самозванцу средства къ походу, и сами съ нимъ опправились. *Muszkow. Chron.* 291—292.

37) Окольничій Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ проюродный брапъ Борису.

38) Кадъ, бочка, или оковъ содержали въ себѣ 4 чешверши; до 1601 года продавали хлѣбъ единешвенно бочками, чешвершями и осьминами; а съ шого времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *четверика*. (*Ис. Г. Р. III пр. 8*) Карамзинъ выводипъ, чшо чешвершъ ржи возвысилась цѣною опъ 12 и 15 денегъ до 15 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ; по словамъ Пешрея, бочка ржи,

споившая прежде 12 грошей, продавалась по 19 шалеровъ. *Muszkow. Chron. 293.*

39) *Петрей*: „Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, копорая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дѣтя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва могъ силою опинять младенца и спасти его.“ *Muszkow. Chron. 292.*

40) *Петрей* говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 50,000 шалеровъ, доколѣ дороговизна не уменьшилась. 293.

41) Справедливѣе *Убогій домъ*. Скудельницы или Убогіе дома учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Иерусалимѣ *Села Скудельница*. На сихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, спранниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильственною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ Убогій домъ: главный, кажется, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убожескій Покровскій Монастырь. Сверхъ того были Скудельницы или Убогіе дома близъ церкви Іоанна Воина, близъ Варсонофьевскаго монастыря, въ Марьиной роцѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч.

*Сл. Труды Общ. Истор. и Др. Рос. часть III.
кн. 1.*

42) По сказанію Авраамія Палицына, въ 2 года и 4 мѣсяца, схоронено въ прехъ Скудельницахъ 127,000 шруповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми хришлюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось болѣе 400. *Сказ. о осадѣ Троиц. мон. 11.*

45) „Извѣстіе конечно несправедливое, говоритъ Карамзинъ, ибо наши Государственныя бумаги, свидѣтельствующя о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминають о такомъ жестокомъ запретѣ.“ *И. Г. Р. XI. 116.*

44) Авраамій Палицынъ свидѣтельствуешь, что „послѣ, во время смятеній, обрѣшется безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неиспощены, и въ поляхъ скирды стояху: гумна же пренаполнены одоней, и копень, и взородовъ, и до 40 лѣшъ, ошнелъ же смятеніе бысть во всей Русской землѣ, и пипахуся вси старыми шруды, такоже и убивающихъ ихъ пипаху (*Сказ. о ос. Т. м. 11*).“ Карамзинъ вѣришь словамъ Бера; но едва ли не справедливо замѣчено въ Сѣверномъ Архивѣ (ч. 14), что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молошшь

хлѣба: ибо деревья иначе не могутъ распи, какъ на швердомъ и плошномъ вещеспвѣ, соспавляющемъ одну массу. — Впрочемъ дознано опытомъ, что хлѣбъ въ скирдахъ можешъ лежашъ до 40 лѣшъ безъ поврежденія.

45) Въ сіе время, по извѣстію нашей Лѣтописи, свирѣспшвоваль злодѣй Хлопко, кошорый подь самою Москвою сразился съ Царскимъ Воеводою Иваномъ Ѳедоровичемъ Басмановымъ и убилъ его. *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII-53.*

46) Авторъ не признаешъ сего Самозванца Царевичемъ и при всемъ шомъ называешъ его Димитріемъ, вѣрояшно для избѣжанія повшореній. Переводчикъ не счелъ нужнымъ безпреспанно повшоряшъ слово *Самозванецѣ*: ибо всякій увѣренъ, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ. То же должно разумѣшъ и о Тушинскомъ Ворѣ, или Царикѣ, кошораго Беръ называешъ Димитріемъ II.

47) Маржерешъ, служившій погда въ Царскомъ войскѣ, говоритъ, что у Мспи-славскаго было ошъ 40 до 50,000 рашниковъ (*Сост. Рос. Держ. вѣ нат. XVII вѣка, 79*).

48) *Петрей*: „Главный Воевода получилъ 15 ранъ; 2,000 Москвишянъ пало на мѣспѣ; рашъ Борисова навѣрное пошеряла бы еще

болѣе, если бы Шведскій Капитанъ Лоренцъ Біутге не подоспѣлъ на помощь Басманову съ 600 иноземцевъ и не зажегъ Димитріева лагерьа.“ *Muszkw. Chron* 299.

49) Т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, говоритъ Карамзинъ (XI. пр: 278); но такой расчетъ не вѣренъ: если даже принявъ, что погдашній рубль заключалъ 5 рублей серебр., какъ думаетъ Исторіографъ, то 2,000 составишь только 10,000 рублей серебр. Основываясь на вышеизложенномъ расчетѣ (см. пр. 17), мы думаемъ, что Басманову дано 8,000 рублей серебр.

50) *Петрей* присовокупляетъ: „Узнавъ о побѣдѣ при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Борисъ отправилъ въ свой лагерь значнаго Боярина Василя Михайловича Мосальскаго, съ 80,000 палеровъ, для раздачи въ награду вѣрному войску; но Мосальскій не нашель дороги въ спянь Борисовъ и привезъ деньги въ лагерь Димитріевъ; Самозванецъ вышелъ къ нему на встрѣчу со крестомъ, знаменами, при звукѣ трубъ, съ барабаннымъ боемъ, и сдѣлалъ его своимъ Маршалкомъ; всѣ деньги были розданы Казакамъ; Поляки же, не получивъ ни гроша, отказались служить Димитрію; посему оба Воеводы Сендомирскій и Кіевскій (*Вимневецкій*) отправились на ро-

дину добывать денегъ и взяли съ собою 2,000. Поляковъ.“ *Muszkow. Chron. 500.*

51) Нынѣ село Добрунь на рѣкѣ Сѣвѣ, недалеко отъ Сѣвска.

52) Безъ сомнѣнія, ни одному Русскому не приходила въ голову мысль стѣль нелѣпая.

Петрей рассказываетъ слѣдующія подробности о Добрынской битвѣ: „Послѣ сраженія при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Разсвирга отступилъ на нѣсколько миль къ той сторонѣ, гдѣ находился городъ, прежде имъ покоренный; Москвитяне преслѣдовали его до деревни Добрыничи; далѣ же идти не смѣли, ибо не знали, какъ сильно войско неприятельское, и остановились лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ сей деревни, въ густомъ лѣсу; между тѣмъ 7,000 ратниковъ отправились въ окрестности, съ намѣреніемъ ограбить жищелей и достать овса, сѣна и съѣстныхъ припасовъ; но едва отошли съ милою отъ лагеря, напикнули на Польскій эскадронъ, который ударилъ на нихъ стремительно и положилъ на мѣстѣ до 4,000; прочіе опрометью побѣжали въ лагерь и такой ужасъ навели на главное войско, что оно на другой день укрѣпило свой станъ огромными деревьями (*гуляемб?*). Воеводы Московскіе однако ободрились, и на шрепшій

день выслали 12,000 отборнѣйшихъ воиновъ, узнать, что дѣлаешь непріятель и гдѣ его лагерь. Когда сей опрядъ открылъ враговъ, Самозванецъ бодро вышелъ къ нему на встрѣчу; завязалась перестрѣлка, однако не надолго — ночь прекратила битву — и обѣ стороны возвратились въ свои лагери. Въ этомъ дѣлѣ Россіяне потеряли 200 человекъ убитыми и 100 плѣнными; сами же захватили одного Поляка, привели его въ лагерь и опять радости не знали, что дѣлаешь: прыгали, плясали, какъ будто одержали знаменитую побѣду.“

„Воеводы начали допрашивать плѣннаго; онъ былъ пьянъ, пробовалъ вина и пива и только тогда соглашался дать вѣрныя свѣдѣнія. Раздраженные Воеводы приказали его пытать; но ничего не могли выведать: плѣнникъ испустилъ духъ отъ ударовъ; шрупъ его обнажили и поѣсили среди лагера на высокой ели.“

„Не успѣвъ узнать о силахъ непріятельскихъ, Московскіе Воеводы весьма безпокоились и не знали, что дѣлаешь: иипили ли впередъ или опшупишь; наконецъ послѣ многихъ совѣщаній ободрились: строго приказали всему войску готовиться къ битвѣ и на другой день, рано поушру, выступили изъ лѣса на ровное поле со всѣми силами, состоявшими болѣе, нежели изъ 200,000 человекъ. Гришка не долго медлилъ, вышелъ врагамъ

на встрѣчу, ударилъ опважно и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но иноземная Борисова дружина храбро напала на Димитріевыхъ воиновъ, спрѣлывшихъ изъ пушекъ, побила ихъ и овладѣла орудіями. Москвитяне, коимъ дорога въ лагерь была уже опрѣзана, замѣпивъ успѣхъ иноземцевъ, соединились съ ними и снова начали сражаться: враги не успокоились; ихъ преслѣдовали цѣлыя при мили съ такою яростію и быспрошою, что не многіе уцѣляли. Самому Димитрію, казалось, не лъзя было избѣжать смерти или плѣна: раненый въ ногу конь едва могъ нести его; но сами Русскіе Воеводы, не доброхопспвуя Великому Князю, спасли Самозванца: они посылали къ войску гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратишь сѣчу и унять безполезное кровопролитіе: ибо, говорили они, дѣло сдѣлано: *попался курбъ во щц.* И такъ войско возвратилось въ лагерь. Сраженіе Добрынское случилось 20 Января 1605 года. Гришка поперялъ 8000 человекъ, со всѣми лишаврами и орудіями. Борисъ лишился 500 Россіянъ и 25 иноземцевъ. "*Muszk. Chr. 300—302.*

И Беръ и Пешрей приписываютъ славу побѣды иноземной дружинѣ; но это ложно: Маржеретъ, который съ Розеномъ, по извѣстію Бера, спасъ Москвитянъ, признается опкровенно, что иноземцы бѣжали вмѣстѣ съ прочими, и что не они, а Русскіе

воины, вырвали побѣду изъ рукъ Самозванца. (*Сост. Рос. Держ. въ нач. XVIII вѣка, 81*).

55) Около Сѣвска.

54) Пепрей присовокупляетъ, что Корела былъ страшный волшебникъ и много пособлялъ Димитрію своимъ чародѣйствомъ! *Muszkow. Chron. 504.*

55) По свидѣльствіи Маржерета и нашихъ Лѣтописей, въ поварници Мспиславскому назначенъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій. К. Капыревъ-Росповскій посланъ уже въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ Басмановымъ.

56) *Петрей*: „Иноземцы хотѣли взять сей городъ (*Кромы*) присупомъ; но Русскіе Военачальники удержали ихъ, объявивъ, что Великій Князь не хочетъ кровопролитія и желаетъ принудить осажденных къ покорности голодомъ. Осада продолжалась болѣе 2 мѣсяцевъ. Въ Царскомъ лагерѣ между шѣмъ носилась молва, что Борисъ отправилъ пословъ къ Императору Римскому и Королю Дашскому, жаловался имъ на вѣроломство Поляковъ, на измѣну своихъ подданныхъ, и просилъ прислать ему вспомогательное войско.“ *Muszkow. Chron. 504.*

57) *Петрей:* „Нѣкопорые думаютъ, что Борисъ самъ принялъ ядъ, а другіе полагаютъ, что онъ оправленъ.“ *Muszk. Chron. 306.*

Смерть Годунова, кажется, навсегда останешся загадкою; по крайней мѣрѣ онъ не могъ бытъ самоубійцею, еще имѣя всѣ средства сокрушить Самозванца.

58) *Петрей:* „По смерти Борисовой, Москвитяне присягнули сыну его Θεодору; въ Кромской же лагерь посланъ былъ Пётръ Басмановъ съ порученіемъ привести всѣхъ воиновъ къ присягѣ юному Государю. Но какъ главный Полководецъ Мстиславскій опозванъ былъ въ Москву для вспомошествованія Θεодору въ правленіи и Басмановъ принялъ начальство надъ войскомъ; по прочіе Воеводы весьма оскорбились и не хотѣли ему повиноваться; открылся раздоръ: когда одинъ желалъ битвы, другой шель восвоися; каждый помышлялъ шолько о шомъ, чшобы захватить въ свои руки силу, богатство, самое правленіе, надѣясь воспользоваться смутными обстоятельствоми. Воины слѣдовали ихъ примѣру, взбунтовались и раздѣлились на двѣ паршіи. Преданные Годуновымъ поклялись въ вѣрности юному Царю и расположились съ орудіями на одной сторонѣ близъ города; недоброхоты же Борисову племени собрались на другой сторонѣ, ночью послали Казакамъ съшныя припасы, убѣж-

дали ихъ бышь швердыми и назначили часъ, когда надлежало сдѣлать вылазку, обѣщая въ то же время напасшь на приверженцевъ Годунова съ прошивоположной стороны; такъ и случилось: измѣнники соединились съ Казаками, и восклицая: „да здравствуешь Димитрій!“ въ числѣ 150,000 ударили на вѣрныхъ Царю, кричавшихъ: „да здравствуешь Теодоръ!“ выбили ихъ изъ лагеря, отняли орудія, многихъ побили, многихъ ранили и взяли въ плѣнь двухъ знашнихъ Воеводъ Ивана Ивановича Годунова и Михаила Глѣбовича (Klebawitz) Салтыкова; остальные рашники бѣжали въ Москву. *Muszk. Chr.* 506—507.

59) Самозванецъ прислалъ въ Красное село дворянъ Пушкина и Плещеева.

60) *Петрей*: „Красносельцы, съ почтениемъ принявъ посланнаго Димитріемъ, оправились шолпами въ столицу, пришли на площадь и созвали гражданъ Московскихъ, коимъ гонецъ долженъ былъ такъ же прочесть грамоту Самозванцеву. Послѣ сего Москвитяне явились къ Князю Василю Шуйскому съ просьбою сказать имъ откровенно, почно ли Димитрій Царевичъ убиенъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣпей Годунова, что онъ живъ и теперь находишь въ Тулѣ съ своимъ войскомъ; а въ Угличѣ,

вмѣсто его, убить сынъ Поповскій. Услышавъ сіе, народъ сказалъ, что свидѣльство Шуйскаго, преданность Бояръ и всего войска доказываетъ неоспоримое право Димитрія на Русскій престоль..... (далѣе изъ *Бера*). *Muszk. Chr. 310*. Пешрей, кажется баснословить: если бы дѣйствительно спрашивали Шуйскаго, Беръ не умолчалъ бы о столь важномъ обстоятельстве.

б1) *Пешрей*: „Лжедимитрій, размышляя, что ему трудно будетъ исполнить свои преступные замыслы, если останется живъ юный Царь, который можетъ со временемъ лишитъ его престола, отправилъ въ Москву чиновника (*Schreiber*) Ивана Богданова, съ повелѣніемъ тайно умертвить Теодора и мать его, а въ народѣ разгласить, что они сами себя отправили; сестру же Царскую приказалъ держать подъ стражею до своего прибытія. Богдановъ въ точности исполнилъ сіе порученіе: удавивъ Царя и Царицу въ ихъ комнатахъ, распустилъ молву, что они сами приняли ядъ; эта молва несправедлива: они погибли насильственнымъ смертію, въ чемъ свидѣльствовали знаки давленія, которые я видѣлъ собственными глазами на ихъ трупахъ.“ *Muszk. Chr. 314*. Царевичами, по извѣстію нашихъ Лѣтописей, были Князь Голицынъ и Мосальскій. „Они взя съ собою Ми-, халка Молчанова, да Андрея Шелееединова, да

„5 человекъ спрѣльцовъ, и поиде на старый
 „Царя Борисовъ дворъ, гдѣ сидящъ Царица
 „и Царевичъ за присявы, и внидоша въ хра-
 „мину, гдѣ они сидѣша. Царевичъ же съ Ца-
 „ревною сидяще, аки агни несъверные, жду-
 „ще себѣ заклашя. . . . Тѣ же спрѣльцы убо-
 „ицы ихъ разведоша по храминамъ порознь;
 „Царицу Марью удавиша повожь часа; Царе-
 „вича же многіе часы давиша, якожь не мла-
 „доспи въ шѣ поры даль Богъ ему мужество;
 „злодѣи ужасошася, яко единъ съ чепырьмя
 „боряшеся; единъ опъ нихъ. . . . взящъ его за
 „шаенные уды и раздавы.“ *Ник. Лѣт. VIII. 69.*

62) *Петрей:* „Возложивъ на себя корону,
 Самозванецъ показалъ первый опытъ своего
 мужества и великодушія надъ Ксенією, до-
 черью Бориса Годунова: взялъ ее во Дворецъ
 и нѣсколько дней упопалъ въ гнусномъ сладо-
 спрастїи; попомъ, когда Царевна ему надоѣла,
 приказалъ поспричь ее и сослащъ въ мона-
 шырѣ, гдѣ она и умерла.“ *Muszk. Chr. 318.*

Еоодоръ Борисовичъ погибъ 10 Іюня
 1605 года; а опъ 25 Декабря Воевода Сендо-
 мирскій, уже нареченный пещь Лжедимит-
 рїя, писалъ къ Самозванцу изъ Кракова:
 „Много здѣсь Вашему Царскому Величеству
 усердствующихъ, но много и злодѣевъ, ко-
 торые о здравїи вашемъ разсѣваютъ разные
 слухи, опъ чего Богъ да сохранищъ васъ.
 Хошя люди разсудительные сему не вѣрящъ;

однако я, по искренней любви къ В. Ц. В., Богомъ дарованному мнѣ сыну, прошу васъ имѣшь крайнюю предосторожность; и поелику извѣстная Царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите В. Ц. В., внявъ совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить. Вѣдайте В. Ц. В. что люди самую малѣйшую въ Государяхъ поерѣшность обыкновенно прилѣзаютъ и подозрѣніе наводятъ.“ *Собр. Госуд. Грам. II. 243.*

Злополучная Ксенія, въ Инокняхъ Ольга, умерла 30 Августа 1622 года и погребена въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ. Тамъ донынѣ уцѣлѣла на камнѣ надгробномъ слѣдующая надпись: „Лѣта 7130 Августа въ 30 день, преснавися Благовѣрная Царевна Инока Ольга Борисовна.“ *Церк. Рос. Исп. Митр. Платона. II. 144.*

Такъ описывается ее современникъ Кубасовъ: „Царевна Ксенія, опроковица чуднаго „домышленія, зѣльною красошою лѣпа, бѣла и „лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, „свѣшлосшію блиспаяся; когда же въ жалосши „слезы опъ очію испущаше, погда наипаче „свѣшлосшію зѣльною блиспаше; бровьми сою- „зна, шѣломъ изобильна, млечною бѣлосшію „обліянна; возраспомъ ни высока, ни низка; „власы имѣя черны, велики, аки шрубы по „плечамъ лежаху; воиспинну, во всѣхъ же- „нахъ благочиннѣйша, и писанію книжному

„многимъ цвѣшуще благорѣчіемъ, во всѣхъ
 „дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣваемые любяше,
 „и пѣсни духовныя любезнѣ слышаши любля-
 „ше.“ (*Рускія Достопамятности, т. I. 174*).

65) Въ одной изъ нашихъ Лѣтописей
 сказано: „Царя Бориса извергоша изъ храма
 „Архиспрашига Михаила, и повелѣша извле-
 „щи на сонмище съ великимъ поруганіемъ,
 „и каменіе нанѣ мешаши и ногами пхали
 „шѣло его, поверженное и на земли лежащее;
 „и погребоша его въ единомъ опѣ убогихъ
 „монаспырей, именуемомъ Варсонофьевскимъ
 „обону спраны Неглинны.“ Варсонофьевскій
 монаспырь находился между Срѣпенкою и
 Рожешвенною, гдѣ нынѣ церковь Вознесе-
 нія. *Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр. 351.*

64) *Жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ
 лисица, умеръ какъ собака.* Такой приговоръ
 весьма несправедливъ: Годуновъ заботился о
 просвѣщеніи подданныхъ, объ искорененіи
 пороковъ, былъ почто опцемъ народа, спро-
 шилъ города, ободрялъ промышленность мѣ-
 рами благоразумными и возвеличилъ Россію.
 Безпристрастный современникъ Сергѣй Ку-
 басовъ описываетъ Годуновыхъ, отца и сына,
 такимъ образомъ: „Царь Борисъ благолѣпнѣмъ
 „цвѣшущи и образомъ своимъ множеству лю-
 „дей превозшедъ; возрасту посредство имѣя,
 „мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ, вельми

„благовѣреть, и нищелюбивъ, и спроишелень
 „вельми о Державѣ и многое попеченіе имѣя,
 „и многое дивное опъ себя шворяще; едино
 „же имѣя неисправленіе и опъ Бога оплуче-
 „ніе, но врачемъ сердечное прилежаніе, и ко
 „власполюбію несышное желаніе, и на преж-
 „де бывшихъ ему Царей (?) ко убіенію имѣя
 „дерзновение; опъ сего же и возмездіе пріять.“

„Царевичъ Θεодоръ, Царя Бориса опроча
 „зѣло чудно, благолѣпиемъ цвѣшущи, яко цвѣшъ
 „дивный на селѣ опъ Бога преукрашенъ, и
 „яко кринь въ полѣ цвѣшущъ; очи имѣя велики
 „черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлосшію
 „блисаяся, возрастомъ средній, шѣломъ изо-
 „билень; научень же бѣ опъ опца своего кни-
 „жному почипанію, во опвѣшѣхъ дивень и
 „сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гни-
 „лое слово никогда же изъ успъ его исхож-
 „даше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со
 „усердіемъ прилежаше.“ *Рускія Достоп. т. I.*
 173—174.

65) *Петрей:* „Вшествіе въ Москву произ-
 ходило слѣдующимъ образомъ: Царя окружали
 бо знашнѣйшихъ Вельможъ, одѣшыхъ столь
 же великолѣпно, какъ и самъ онъ; всѣ они ѣха-
 ли на коняхъ. Впередъ посланъ былъ ѣздовой
 съ опрядомъ шрубачей и липаврщиковъ, для
 наблюденія за порядкомъ и для развѣдыва-
 нія, не шайтся ли гдѣ измѣна. Гонцы скака-
 ли взадъ и впередъ съ вѣспями. Предъ са-

мимъ Димитріемъ ѣхали дружины Польскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, по 20 человекъ въ рядъ, съ трубами и лишаврами. За нимъ слѣдовали также нѣсколько дружинъ, въ такомъ же порядкѣ и вооруженіи. Далѣе иностранцы, Казаки и спрѣльцы, другъ за другомъ по 20 человекъ въ рядъ. Въ городъ и крѣпости звонили во всѣ колокола, большіе и малые; вездѣ было веселіе и пышное шоржесиво. На большихъ широкихъ улицахъ, на кровляхъ домовъ и церквей было такое множесиво зрителей, что издали толпы народа казались несмѣшными роями пчель. Вездѣ, гдѣ ни проходилъ Димитрій, Москвитяне падали ницъ и восклицали: „Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Великій Князь Всероссійскій! даруй Боже тебѣ многія лѣта; да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ пусяхъ жизни чудесною милосшію, которою онъ спасъ тебя въ семь мірѣ. Ты наше солнце красное.“ „Здравствуйте, мои дѣти, опвѣчалъ Димитрій; вспаньте и молитесь за меня Богу.“ Какъ скоро онъ вѣхалъ на площадь чрезъ живой мостъ и водяныя (Москворецкія?) вороша, поднялся такой спрашний вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась сполбомъ и всѣхъ ослѣпила. Россіяне перепугались и сошворивъ крешное знаменіе, говорили другъ другу: „Господи спаси насъ! Бышь бѣдѣ и несчащію.“ (*Muszkow. Chron. 315—317*).

66) Царица жила въ Выксинскомъ монастырѣ (*Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр. 379*).

67) Вошь особы, соспавлявшія Государственный Совѣтъ Лжедимитрія: I) *Особы Духовныя*: Папріархъ (онъ сидѣлъ по правую руку), Митрополимы: Новгородскій и Великолуцкій, Казанскій и Свѣжскій, Росповскій и Ярославскій, Сарскій и Подонскій; 7 Архiepископовъ и 3 Епископа. II) *Особы свѣтскія*: Бояре перваго класса: Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій; Князья *Василій* и *Дмитрій* Ивановичи Шуйскіе; Князь Иванъ Михайловичъ Ворошынскій; Михайло Ѳедоровичъ Нагой, Конюшій Великій; Князь Никиша Романовичъ Трубецкой; Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе; Князь *Василій* Михайловичъ Масальскій, Дворецкій Великій; Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій; Князь Андрей Романовичъ Трубецкой; Григорій Ѳедоровичъ Нагой; Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ; Князья *Василій*, *Иванъ* и *Андрей* Васильевичи Голицыны; *Петръ Ѳедоровичъ* *Басмановъ*; *Петръ* Никишичъ Шеремешевъ; Князь *Василій* Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шеремешевъ; Князь Андрей Пешровичъ Куракинъ; Князь Борисъ Пешровичъ Ташевъ Спародубскій - Ряполовскій; Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ; Иванъ Никишичъ Романовъ; Князь Ѳедоръ Ивано-

вичъ Хвороспининъ - Ярославскій ; Михайло Глѣбовичъ Салпыковъ ; Князь Иванъ Никипичъ Большой - Одоевскій ; Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, Оружейничій Великій ; Князь Андрей Андреевичъ Теляшевскій ; Михайло Богдановичъ Сабуровъ ; Князь Семень Андреевичъ Куракинъ ; Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій ; Князь Данило Борисовичъ Примковъ - Ростовскій ; Князь Ѳедоръ Тимоеевичъ Долгорукій ; Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, Мечникъ Великій. III) *Совѣтѣ Окольнітихѣ* : Михайло Борисовичъ Шеинъ ; Василій Пепровичъ Морозовъ ; Князь Иванъ Дмипріевичъ Хвороспининъ-Ярославскій ; Михайло Михайловичъ Салпыковъ ; Василій Яковлевичъ Щелкаловъ ; Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій ; Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій ; Князь Александръ Ѳедоровичъ Жировый-Засѣкинъ ; Иванъ и Василій Пепровичи Головины ; Князь Григорій Пепровичъ Ромодановскій ; Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ ; Князь Иванъ Ивановичъ Курляшевъ-Оболенскій, Подчашій Великій ; Алексѣй Романовичъ Плещеевъ ; Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, Кравчій Великій ; Богданъ Ивановичъ Сушуповъ, Печашникъ и Секретарь Великій ; Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, Подскарбій Надворный и Секретарь Великій. IV) *Дворяне* : Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ - Пушкынъ, Сокольничій Великій ;

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ; Василій Борисовичъ Сукинъ; Григорій Ивановичъ Микулинъ; Артемій Васильевичъ Измайловъ; Андрей Машвъевичъ Воейковъ, Ясельничій (*Собр. Госуд. Гр. II. 207.—210.*)

68) Въ подлинникъ: „Grobe Moscowitische Bestien.“ Предки наши, непоколебимые въ православіи, не заслуживали такого упрека.

69) Въ подлинникъ: Geleetz; у Пешрея Galitz. Лжедимитрій, увѣдомляя Папу о непремѣнномъ намѣреніи воевать съ Турками, просилъ его убѣдить Императора не мириться съ Султаномъ, и общими силами ударить на враговъ Христіанства. *См. его Грамоту въ Собр. Госуд. Гр. II. 232.*

Въ слѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Турками, Пешрей присовокупляетъ: „Вспомнивъ свое обѣщаніе, данное въ Польшѣ, всѣми силами спаранься о распространеніи въ Россіи Каполической вѣры, Димитрій приказалъ опвесити Іезуишамъ, вмѣстѣ съ нимъ бывшимъ, обширный дворъ въ Москвѣ, гдѣ они могли совершать литургію по своимъ обрядамъ. Къ числу сихъ Іезуишъ присоединились еще чепыре Пацера, коихъ прислалъ изъ Польши Папскій Легатъ Антоній Лонгинъ (Рангони?), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, для скорѣйшаго распростра-

ненія Капюлицеской вѣры.“ *Muszkow. Chron.*
321.

70) Власьевъ былъ Надворнымъ Подскарбіемъ. Кромѣ его, Лжедимитрій послалъ къ Воеводѣ Сендомирскому Секретаря своего, Яна Бучинскаго съ слѣдующимъ любопытнымъ наказомъ:

„Памяшь Секретарю нашему Яну Бучинскому, какъ ему говориши, именовъ нашимъ, Воеводѣ Сендомирскому:

„1) Чшобъ Воевода у Ксенжа у Легаша Пашина промыслилъ и побилъ челомъ о вольномъ позволеніи, чшобъ ея милость Панна Марина причасилась на обѣднѣ ошъ Папріарха нашего, пошому что безъ шого коронована не будетъ.

„2) Чшобъ Паиъ Воевода послѣ обрученья, шопчасъ о шомъ намъ вѣдомо учинилъ чрезъ гонца; а першень обручальный прислалъ бы не съ жильцемъ и не съ слугою, но съ честнымъ человекомъ.

„3) Чшобъ ея милости Паниъ Маринѣ позволено до Греческія церкви ходиши; а набоженство и чинъ свой вольно будетъ держаша, какъ похочешъ.

„4) Чшобъ ея милость Панну Марину звали наяснѣйшею и всякую честь Государскую отдавали, и чшобъ была во всемъ предоспережена.

„5) Волосовъ бы не наряжала.

„6) Чшобъ никпо ея не водилъ, полько Панъ Сшаросша Саноцкій, да Бучинскій, или кошорый иной со племяни.

„7) Промыслиши о вольности, чшобъ Марина въ суббошу мясо ѡла, а въ середу бѣ пошилась.

„8) Послѣ обручанья не ѡла ни съ кѣмъ, полько особно, или съ Воеводою, или съ Воеводиною и съ Хорунжею, и служилибъ у нея Крайчїе.“ Подпись Самозванца In Regator. (*Соб. Госуд. Грам. II. 228*).

71) Бучинскїе, по смерти Лжедимишрїя, показали предъ Боярами: „Говорилъ имъ Гришка Разширига, что, Спрѣльцы нѣхъ измѣнниковъ въ мгновение ока изсѣкли на малыя часши, мало де сами не пересѣклїся, сѣкучи ихъ.“ (*Собр. Госуд. Гр. II. 297*).

72) Маржеретъ свидѣшельствуетъ, что Шуйскій помилованъ по ходатайству Царицы-машери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ. (*Сост. Рос. Держ. вѣ наг. XVII в. Рус. пер. 88*).

75) *Петрей*: „Вся дорога отъ Царскихъ палашъ до самой церкви, гдѣ совершился обрядъ коронаванїя, была устлана по красному сукну золошою парчею. По обѣимъ сторонамъ дороги шояли нѣсколько тысячъ Москвишянъ въ парчевыхъ одеждахъ. Въ шакомъ же плашїи были Камеръ-юнкеры и дру-

гіе дворяне, имѣя на груди золотыя цѣпи, крестообразно висяція, а на головѣ высокія, чернолісьи шапки. Они открывали шествіе. За ними слѣдовали при Боярина: одинъ несъ золотой Царскій скипепрѣ, другой золотую державу, третій обнаженную саблю. Пошомъ шель Царь въ коронѣ; его поддерживаль Воевода Сендомирскій, опецъ невѣсты; по обѣимъ сторонамъ находились по два Боярина, также въ парчевыхъ одеждахъ, въ высокіхъ черныхъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпами, съ серебряными на плечѣ сѣкирами. Въ слѣдъ за Царемъ изволила ипши Царица въ Русскомъ плащѣ; ее вела Московская Боярыня. За нею слѣдовали Польскія и Русскія женщины. По совершеніи коронованія и брачнаго обряда, Царица сѣла на золотой тронъ, вылитый изъ чистаго золота и усыпанный крупными драгоценными каменьями. Сей тронъ, на коемъ сіяло боо алмазовъ, боо рубиновъ, боо сафировъ, боо смарагдовъ и боо бирюзовыхъ каменьевъ (иные величиною въ половину голубинаго яйца), былъ подаренъ Персидскимъ Шахомъ Іоанну Васильевичу Мучишелю.“

„По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, бросили народу нѣсколько тысячъ монеть, нарочно для сего пригошовленныхъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ орла двуглаваго. Нѣкоторые изъ медалей сполли два Венгерскихъ червонца; другія менѣе. Свадьба

Царская была чрезвычайно пышная и великолѣпная: во все продолженіе оной, музыканты, одѣтые въ Русское платье, гремѣли безъ умолка на 52 трубахъ и 54 лишаврахъ.“
Muszkow. Chron. 338—339.

74) Sie antworteten ihm: Er sollte seine Mutter vexiren und ihnen ihren verrätherischen Groszfürsten überantworten.

75) Пешрей присовокупляетъ, что Самозванецъ при семь словъ закололъ нѣсколько человекъ. *Muszk. Chron. 344.*

76) „Судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалоспная для человека, который могъ и не хотѣлъ быть честию Россіи.“ *Карамзинъ.*

77) Съ 15 Драбаншами, по словамъ Пешрея.

78) Беръ (за нимъ и Пешрей) объясняетъ на Лапинскомъ языкѣ отвѣтъ Боярскій; хотя Переводчикъ увѣренъ, что почтенный Паспоръ клеветаетъ на грозныхъ карапелей Самозванца; но слѣдуя правилу не выпускаетъ изъ подлинника ни одного слова, считаешь обязанностію привести также и сей отвѣтъ, по всей вѣроятности вымышленный. Вотъ онъ: „Volumus nos omnes, unus post ali-

um stuprum inferre, unus in p. . . . alter in v. . . ;
 audivimus Polonicas meretrices vestras plurimum
 concubitus bene sustinere posse; nec ipsis
 unus vir sufficere.“ Et postea nudabant sua equi-
 na pudenda (proh Sodomia!) coram toto Gynaeeo,
 dicentes: „videte, meretrices, videte nos multo
 fortiores sumus Polonis vestris. Probate nos!“

79) *Петрей*: „Самозванецъ отвѣчалъ: *Вы знаете всѣ, что я Царь вашъ, истинный сынъ Иоанна Васильевича. Если же не вѣрите, ступайте въ монастырь и спросите мать мою.* Василій Ивановичъ Шуйскій, начальникъ возмущенія, бросился въ монастырь и спрашивалъ Царицу, признаетъ ли она сего Димитрія своимъ сыномъ? Царица увѣряла съ кляшвою, что у нея не было другаго сына, кромѣ Царевича Димитрія, который за нѣсколько лѣтъ, еще младенцемъ, погибъ въ Угличѣ. Какъ скоро Шуйскій возвратился съ симъ извѣстіемъ, одинъ богатый купецъ, съ пшоплемъ въ рукѣ, бросился на Самозванца и проспрѣлилъ его прямо въ сердце, сказавъ: чего полковать съ ерешикомъ? конецъ его измѣнамъ и крамольству.“ *Muszkow. Chr. 348.*

Въ Лѣтописи о Мясехажъ: „И приидо-
 „ша (*спрѣльцы*) къ Царицѣ, допрошаху ее:
 „она же со слезами воззопи: *нынѣ* (*ли, не?*)
 „знаю ево *окаянново*; называла есмь ево сы-

„*нолѣ себѣ, страха ради смертнова.*“ (Рус. Лѣт. по Никон. сл. VIII. 75).

Кажется извѣстіе Пешрея и нашей Лѣтописи — несправедливо, п. е. Царицу не спрашивали: иначе какъ бы не упомянуть о семь важномъ обстоятельствѣ въ грамотѣ, кошорою Шуйскій увѣрялъ народъ въ самозванствѣ Опреньева? Тамъ именно сказано, что Царица повинилась въ своей слабости уже тогда, когда мощи Св. Димитрія принесены были въ Москву изъ Углича и изцѣлили многихъ больныхъ (Собр. Госуд. Гр. II. 312). Впрочемъ Самозванецъ оспашеся Самозванцемъ.

80) Пешрей считаешь всѣхъ убитыхъ вообще 1702 человека. *Muszkow. Chron. 351.*

81) Въ грамотѣ Царя Василія Ивановича Шуйскаго изчислены преступленія Самозванца слѣдующимъ образомъ: . . . „Спрад-,
„никъ вѣдомый, воръ, богоотступникъ, ере-,
„шикъ, разсприга Гришка Богдановъ сынъ
„Опреньевъ, општуя оныя Бога, по совѣпу
„дьяволю и лихихъ людей . . . назвалъ себя
„Царя Ивана Васильевича сыномъ, Царевичемъ
„Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, и
„въ Польшѣ и въ Литвѣ Короля и многихъ
„Пановъ и служивыхъ людей своимъ вѣдов-,
„спвомъ и чернокнижствомъ прельспилъ,
„да не шокмо что въ Польшѣ, и въ Мо-

„сковскомъ Государствѣ многихъ людей
 „прельспилъ; а чаяли его Царевичемъ Дмиш-
 „риемъ. И ночью воръ, богоопсупникъ, по
 „своему бѣсовскому умыслу и по совѣшу съ
 „Польскимъ Королемъ и съ Паны Рада-
 „ми, въ Московскомъ Государствѣ многую
 „смущу и разоренье учинилъ, и церкви Бо-
 „жїи осквернилъ, и многихъ православныхъ
 „Христїанъ, которые его знали и злодѣй-
 „ство вѣдали и его обличали, злой смерти
 „предаль, и понялъ за себя Воеводы Сендо-
 „мирскаго дочь Лапинскїя вѣры, и не кре-
 „сшивъ ея, въ Соборной церкви Пречисныя
 „Богородицы вѣнчалъ, и Польскихъ и Ли-
 „повскихъ людей, для Христїанскаго разо-
 „ренья, въ Москву многихъ привель, и церкви
 „Божїи и Св. Иконы обругаль, и Нѣмецъ, и
 „Римлянъ, и Поляковъ и розныхъ вѣръ мно-
 „гихъ злыхъ ерешиковъ въ церковь пуцаши
 „велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ
 „дѣлъ и писаши не вмѣшпимо, какое злое
 „поруганье Христїанской вѣрѣ чинили, и
 „православнымъ Христїанамъ многое насиль-
 „ство и кроворолище учинили, и жены у
 „мужей опнималь, и инья нестерпимыя
 „грубости и поносы чинилъ; а послѣднее,
 „по совѣшу съ Польскими и съ Липовски-
 „ми людьми, измѣннымъ обычаемъ хопѣлъ
 „Бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и
 „госпей и всякихъ лучшихъ людей побити,
 „а Московское Государство хопѣлъ до осно-

„ванія разориши и Христіанскую вѣру по-
„драпъ , церкви разоришь , а коспелы Рим-
„скіе устроишь.“ (Собр. Госуд. Грам. II.
страни. 309).

82) Воевода Сендомірскій съ дочерью,
сыномъ и зятемъ ошправленъ былъ въ Яро-
славль , какъ справедливо говоришь Пешрей.
369. См. также Берову Лѣтоп. 139.

85) Онъ даже разсорился съ Королемъ
Польскимъ Сигизмундомъ III, за то, что во-
преки совѣшамъ самого Воеводы Сендомір-
скаго, принималъ шишуль Цесаря и Импера-
шора. Собр. Госуд. Грам. II. 226 и 259.

84) Пешрей обличаетъ самозванство Ди-
мишрїа слѣдующимъ образомъ :

„1) Если бы испинный Димишрїй всту-
пилъ на престоль , то онъ былъ бы не спа-
рѣе 22 лѣтъ ; а Гришка имѣлъ по крайней
мѣрѣ 30 лѣтъ.“

„2) Едва Гришка былъ коронованъ, явил-
ся въ Кремль одинъ Монахъ изъ того сама-
го монастыря, ошкуда бѣжалъ обманщикъ,
и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ
новаго Царя; что сей Царь не сынъ Іоанна
Васильевича, а Гришка Ошрепьевъ (*Griška Tre-
peja*), бѣглець, обманщикъ, измѣнникъ; увѣ-
рялъ, что самъ училъ его чшенію и письму,
что знаешь его родину, его ошца и машь,

знаешь, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ Монаха и представилъ Царю. Чернецъ не испугался, говорилъ поже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: *правда глаза колетъ*.“

„5) Гришкинъ родственникъ Елеазаръ Опрепьевъ говорилъ и Московскимъ Боярамъ, и Польскому Королю Сигизмунду, предъ всѣмъ Сенатомъ, и Шведскому Государю Карлу IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ его брата и что заключенный опцемъ въ монастырь, за негодные поступки, для исправленія, онъ ушелъ тайно въ Польшу, научился тамъ военному искусству и по совету злыхъ людей, недоброжелателей Борисовыхъ, особенно какого-то Монаха, назвалъ себя Димитріемъ.“

„4) Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знавшій истиннаго Царевича, видѣвшій его мертвое тѣло и похоронившій оное, свидѣтельствовалъ самозванство Опрепьева. Гришка велѣлъ схватить сего уличителя, вывести на площадь и положишь на плаху, въ намѣреніи умертвить его, если не опречется опъ своихъ словъ. Князь, по слабости человеческой, любилъ жизнь болѣе смерти, зажалъ себѣ ротъ и объявилъ, что всѣ слова его были клеветою: ибо онъ цѣнилъ жизнь

и обманъ дороже испины и славы, по обычаю Москвитянъ, которые не знаютъ различія между честію и безчестіемъ (?). И такъ его проспили и возвели въ прежнее достоинство.“

„5) Одинъ стопятилѣтній благородный старецъ, служившій убиенному Димитрію, увѣрялъ въ Угличѣ многихъ, что онъ видѣлъ своими глазами мертваго Царевича, что убитый былъ точно сынъ Іоанновъ, а неподложный опрокъ, какъ разглашали крамольники, и что принявшій имя Димитрія былъ Самозванецъ.“

„6) Голландскій Аптекарь, Арендъ Клаузендъ, бывшій 40 лѣтъ при Царскихъ аптекахъ, свидѣтельствовалъ, что онъ видалъ истиннаго Димитрія еще младенцемъ, что сей Царевичъ былъ такъ же смугль, какъ и мать его, Марія Теодоровна, а въ мнимомъ Димитріи этого сходства не замѣтно.“

„7) То же самое говорила благородная Лифляндка фонъ Тизенгаузенъ, которая безоплучно находилась при Царицѣ-машери, видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ и присутствовала на его погребеніи.“

„8) Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голось именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ Царицѣ Маріи Теодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намѣреніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того Священническаго сы-

на, который былъ убитъ вмѣсто его и погребенъ какъ Царевичъ; но Царица отвергла такое предложеніе, ибо знала, что въ сей могилѣ покоился прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный Царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянія неблагопріятныхъ ему слуховъ и для утвержденія его на престолѣ. Называла же Царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что сею ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть.“

„9) Пётръ Басмановъ, вѣрнѣйшій Совѣтникъ и Царедворецъ Лжедимитрія, пожертвовавшій за него жизнь, признавался по довѣренности многимъ людямъ, еще до смерти Самозванца, что Царь былъ не истинный Димитрій, а другой человекъ; но какъ онъ правилъ Государствомъ благоразумно и Россіяне ему присягнули, то, говорилъ Басмановъ, мы должны быть имъ довольны и молимъ Всемогущаго Бога о его здравіи и благоденствіи; при томъ во всей Россіи нельзя найти лучшаго и умнѣйшаго Государя.“

„10) Знашныи Польскій Вельможа Янъ Сапѣга говорилъ, что мнимый Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія (но это ложь: онъ былъ Гришка Опрепьевъ), что посему-то Поляки словомъ и дѣломъ, войскомъ и казною, помогали ему завоевать

Москву; что на зло Россіянамъ, Димитрій, сынъ Иоанна Васильевича, умерщвленный и въ Угличѣ и въ Москвѣ, ояшь воскресъ и долженъ покорить ихъ, хоша бы они перебѣсились отъ досады, что если и сей Димитрій погибнетъ, Поляки найдутъ другаго и непременно завладѣютъ Московіею.“ *Muszk. Chron. 370—375.*

85) Руководствуясь правиломъ не выпускай изъ подлинника ни одного слова, Переводчикъ оставилъ и эту басню, выдуманную, вѣроятно, самимъ Беромъ. Онъ, какъ Люшеранинъ, опровергающій дѣйствительность чудесъ, хотѣлъ объяснить богопосланные явленія употребленіемъ обыкновенныхъ средствъ подлога. Самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его рассказа: Авторъ вѣритъ, что припворявшіеся слѣпыми дѣйствительно ослѣпли, и сомнѣвается, чтобы Св. Опрокъ подавалъ облегченіе вѣрующимъ! Между тѣмъ, безчисленные опыты свидѣтельствуютъ, что истинно-пламенная вѣра всегда можетъ шворить чудеса. Сверхъ того, Беръ рассказываетъ, что нарочно умерщвили Поповскаго сына: это случилось, по его же словамъ, въ Угличѣ и припомъ въ Іюль мѣсяцъ; спрашиваемъ всякаго безприсраспнаго, какъ могло бытъ свѣжо тѣло *подложнаго Царевича*, если привезли его за 550 верстъ, въ жаркіе дни? И почему не вѣритъ

неплѣнності Димитрія, когда всякъ, кто бывалъ въ Кіевѣ, видѣлъ своими глазами мощи Св. Угодниковъ? Чѣмъ же останки могли бытъ священіе, если не девятилѣтняго опрока, такъ ужасно погибшаго? Однимъ словомъ, опровергая сказку дерзкаго иновѣрца, мы убѣждены въ истинѣ словъ нашихъ Лѣтописей и Государственныхъ бумагъ, копоры единогласно свидѣтельствуютъ о семъ случаѣ такимъ образомъ: „Послали мы на „Угличъ (*пишетъ Царь В. И. Шуйскій*) по „мощи Царевича Димитрія Ивановича, Мишрополища Ростовскаго Филарета, и Аспраханскаго Епископа Теодосія, и Спасскаго „Архимандрита Сергія, и Андроновскаго Архимандрита Авраамія, и Бояръ: Князь Иван Михайловича Ворошынскаго, и Петра „Никишича Шереметева, и Григорія Федоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и „писали къ намъ изъ Углича богомольцы „наши Ростовскій Мишрополищъ и Аспраханскій Епископъ и Архимандриты и Бояре наши, что они мощи благовѣрнаго Князя Димитрія Ивановича *обрѣли*, и мощи „его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ „нѣкопорохъ мѣсѣхъ немножко шло вредилося, и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жемчужное съ пугвицами все цѣло, и въ руцѣ лѣвой полошенице шафьяное шипное золотомъ „и серебромъ цѣлое, кафшанъ весь шаковожь

„и подъ кафшаномъ камчатое шипое золо-
 „шомъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и са-
 „пожки на немъ цѣлы, шолько подошвы на
 „ногахъ попоролися, а на персѣхъ орѣшки
 „положенные на персѣхъ горсть. Сказываюушь,
 „что коли онъ играль, тѣшился орѣхами и
 „ѣль, и въ шупору его убили и орѣхи кровью
 „полились, и того для шые орѣхи ему въ гор-
 „спи положили и шые орѣхи цѣлы. И ко-
 „шорые были разслабленные различными бо-
 „лѣзнями, уздоровилися отъ раки его Царе-
 „вича Дмишрїя Ивановича, въ прошлыхъ лѣ-
 „шѣхъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ
 „прїѣзду шамошнїе люди принесли къ нимъ
 „письмо, и шое письмо здѣсь къ Москвѣ при-
 „слано. . . . И какъ понесли мощи его, мно-
 „жештво больныхъ различными болѣзнями
 „уздоровиль, и какъ его поставили въ церк-
 „ви Архангела Михаила и отъ его свя-
 „шыхъ мощей пролились рѣки милосердія,
 „многo разслабленныхъ великимъ чудомъ уз-
 „доровились: впервое уздоровиль различны-
 „ми болѣзнями содержимыхъ человекъ 15, и
 „посямѣшъ уздоровляши не пересшаешъ всѣхъ,
 „кошорые къ нему приходяшъ съ испинною
 „вѣрою.“ (Собр. Госуд. Грам. II. 311—312).

86) По словамъ Пешрея, въ 4 недѣли присягнули Самозванцу 14 городовъ и крѣпостей.

87) Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ видно, что Болошниковъ былъ холопъ Князя Андрея Теляшевскаго (*Собр. Госуд. Гр. II. 321*). То же говоритъ и Палицынъ, въ *сказ. о осад. Гр. мон. стр. 31*.

88) Съ 9,000 вооруженныхъ воиновъ, говоритъ Пешрей. *Muszk. Chr. стр. 387*.

89) Сей новый бездѣльникъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца юнаго Царя Теодора—чернокнижникъ, съчтенный за похлупомъ въ Борисово время, какъ удословился Посоль Василіевъ Князь Волконскій, бывший тогда въ Краковѣ. *Кар. II. Г. Р. XII. пр. 49*.

90) По свидѣтельству А. Палицына, это былъ холопъ Свіяжскаго головы Спрѣлецкаго, Григорія Елагина (*см. его Сказ. 31*). То же говоритъ и Царь В. И. Шуйскій въ окружной грамотѣ или манифестѣ 15 Октября 1607 года (*Собр. Госуд. Гр. II. 325*).

91) Посланникомъ былъ поэтъ самый Пешрей, который написалъ *Muszkowitische Chronica* (*см. наше предисловіе*). Онъ пріѣхалъ въ Россію 1608 года.

92) Сіе любопытное происшествіе описано въ Лѣтописи о мяшежахъ такимъ об-

разомъ: „Приде къ Царю Василью Муромецъ
 „сынъ боярскій, Оома Суминъ сынъ Крав-
 „ковъ, и рече ко Царю Василью: дай мнѣ
 „посохи, язъ де попоплю Тулу. Царь же Ва-
 „силій и Бояре посмѣяхусь ему, како ему
 „градъ Тулу попопишь! Онъ же съ прилежа-
 „ніемъ къ нему: вели меня казнишь, будетъ
 „не попоплю Тулы. Царь Василій даде ему
 „на волю; онъ же повелѣ со всей рапи со
 „всякаго челоуѣка привезти по мѣшку съ
 „землею, и нача рѣку подъ Тулою прудиши;
 „вода учала прибывати. Царь же Василій,
 „видя промышленіе, наипаче ему повелѣ со-
 „вершати, и повелѣ ему даши на пособъ
 „мельниковъ: онъ же рѣку запрудилъ и градъ
 „Тулу попопилъ совсѣмъ.“ (*Рус. Лѣт. по Ник.
 списку VIII. 91*).

93) Въ подлинникѣ *Slobo*; у Пепрея *Sc-
 cola* въ Бѣлоруссіи: вѣроятно, нынѣшнее мѣ-
 стечко Соколь въ Вишебской Губерніи.

94) По свидѣтельствъ нашихъ Государ-
 ственныхъ бумагъ и досповѣрнаго писателя
 Кобѣржицкаго, сей негодай, извѣстный въ
 послѣдствіи подъ именемъ Тушинскаго Вора,
 былъ *Жидѣ*. (*Кар. II. Г. Р. XII. пр. 158*).
 Такъ описываетъ его очевидецъ Маскѣвичъ:
 „Онъ былъ изъ проспаго званія, весьма грубъ
 въ обращеніи, имѣлъ дурныя привычки, и
 въ разговорахъ упошреблялъ самыя поспыд-

ныя выраженія; почему Мѣховецкій, для своихъ выгодъ, училъ его свѣпскости и Польскому обращенію, по примѣру перваго Димитрія (*Отрепьева*), который былъ человекъ вѣжливый и обходительный.“ (См. *Дневникъ Сам. Маскѣвца, въ 15 части Сѣв. Арх. стр. 111*).

95) См. выше примѣчаніе 90.

96) Беръ безъ пощады бранилъ Русскихъ; но у насъ не было измѣнниковъ подобныхъ Гансъ-Бергу.

97) Скопинъ заключилъ въ Выборгѣ 28 Февраля 1609 года съ Шведскими Полномочными договоръ, по коему Карль IX обязался прислать намъ на помощь 5,000 воиновъ; а мы должны были давать имъ жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяць и сверхъ того въ знакъ признапельности уступилъ Кексгольмъ. (*Собр. Госуд. Гр. II. 376*). См. также Пешрея, который считалъ, вмѣсто 100,000 ефимковъ, 32,000 руб., или по его словамъ, 10,000 талеровъ. *Muszka. Chr. 412*.

98) Беръ былъ человекъ не глупый; но часно, какъ и въ семь случаѣ, не лзя не смѣяться надъ его сужденіями.

99) Мишрополинъ Филаретъ возведенъ

въ достоинство Папріарха гораздо послѣ, уже въ царствованіе сына его Михаила Теодоровича. Впрочемъ *см. Маскѣвича въ XIII в. Сѣв. Арх. стр. 240.*

100) Сей Шведъ, по словамъ Пешрея, былъ Капитанъ Біугге родомъ изъ Шведской провинціи Гелзингеланда, взятый въ плѣнь Іоанномъ IV въ Ливоніи и жившій въ Россіи лѣтъ шридцать.

101) По словамъ Пешрея, Лисовскій привель 5000 Казаковъ и 600 всадниковъ.

102) Эпошь полкъ состоялъ изъ 2000 человекъ и находился подъ начальствомъ Пруссака Людвигъ Вайера. *Днев. Маскѣвича.*

103) „Сдѣлали 80 лѣстницъ, однѣ вышиною, какъ самыя высекія деревья, въ лѣсу, и такой ширины, что 5 или 6 человекъ могли входить рядомъ; другія привѣшивались къ подвижнымъ подъемамъ, копорые были построены на подобіе висѣлицъ, и къ коимъ лѣстницы доходили до половины: войско, идучи на штурмъ, кашило ихъ предъ собою. Съ помощію сихъ лѣстницъ взятъ былъ Смоленскъ.“ *Днев. Маскѣ, въ Сѣв. Арх. т. XIII, стр. 19.*

104) „Воеводою Смоленскимъ былъ Шейнъ,

храбрый и опытный воинъ, не разъ уже бывавшій на полѣ чести,“ говоритъ Маскѣвичъ—врагъ Русскихъ.

105) Достовернѣе извѣстіе Пепрея, которъ говоритъ, что „Шуйскій, не получивъ отъ Сигизмунда на просьбу свою отвѣта и негодуя на его коварство, послалъ гонца къ Смоленскому Воеводѣ съ повелѣніемъ обороняться всѣми силами.“ (*Далѣе согласно съ Беролѣ*). *Muszkow. Chron. 420.*

106) См. выше примѣчаніе 97. Это былъ шопъ самый Делагарди, котораго Гусшавъ Адольфъ называлъ своимъ учителемъ въ военномъ искусствѣ. *Wagner's Gesch. d. Nord. IV. 918.*

107) Рязанскій дворянинъ, Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Карамзина—„созданный былъ вождемъ и повелителемъ людей въ мяшежахъ и буряхъ, одаренный красою и крѣпостью плесною, силою ума и духа, смѣлостью и мужествомъ,“—сначала сражался за плѣнь Димитрія, въ послѣдствіи увидѣлъ обманъ и хотѣлъ спасти Вѣру и Ошечество. Поляки избавились отъ сего спрашнаго мшителя гнуснымъ вѣроломствомъ: при осадѣ ихъ вѣрными Россіянами въ Москвѣ въ 1611 году, Гонсѣвскій написалъ почеркомъ Ляпунова письмо, гдѣ высказывъ

его предашемъ, распустилъ оное въ Русскомъ войскѣ: обманушыя Казаки изрубили гѣроя въ куски. *Дневн. Маскѣвита въ Сѣв. Арх. т. XIV, стр. 227.*

108) Марина, кажется, не очень была довольна своею участью. Вопшь ея собственно-ручное письмо къ опцу опъ 25 Марта 1609 года изъ Тушинскаго лагеря: „О дѣлахъ моихъ не знаю, что пишашь; вижу только проволочку со дня на день; нѣшь ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ шакъ же, какъ и при васъ; не шакъ, какъ было обѣщано при опѣздѣ вашемъ родипельскомъ... Помню, Милоспивый Государь Батюшка, какъ Вы съ нами кушали лучшихъ лососей, и старое вино пишъ изволили: эпого здѣсь нѣшь; если имѣете, покорно прошу прислать.“ *Собр. Госуд. Гр. II. 360.*

109) Пепрей, по своему обычаю, приписываетъ сію побѣду одному Шведскому Полководцу и говоритъ, что Скопинъ, не хотѣвшій вспунить въ бипшу, по счастливомъ окончаніи оной, со слезами благодарилъ Поншуса. *Muszkow. Chron. 422.*

110) День Св. Маршина (11 Ноября) Западные Хриспіане праздновали въ старину какъ можно веселѣ, въ воспоминаніе угощенія Св. Маршина (жившаго въ IV столѣтіи)

Императоромъ Римскимъ Максиминомъ. Гусь былъ необходимою принадлежносною сего празднества.

111) *Kotornik*—Спальникъ, чертожникъ, постельничій. См. Linde, *Słownik Języka Polskiego*.

112) „По двюю мѣсяцу пришествія его „къ Москвѣ, мало поболѣвъ, спрашннй юноша ко Господу опъиде: но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ нанъ поспиже, или злыхъ челоувѣкъ умышленіе совершися? Единнй создавнй насъ се вѣспъ.“ *А. Палицьскб, въ Сказаніи о осадѣ Трсиц. мон. 203.*

„Мнози же на Москвѣ говоряху шо, что испоршила его шетка его Княгиня Кашрина, Князь Дмипріева Шуйскова.“ (*Рус. Лѣт. по Ник. сл. VIII. 132*).

„Князь Михаилъ,—пишеть современный Историкъ, — имѣлъ 25 года опъ рожденія (въ 1609), прекрасную душу, умъ не по лѣшамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искусство въ бшвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ“ (*Карамз. II. Г. Р. XII. 154*). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Русскихъ одинъ только Шуйскій-Скопинъ не заслужилъ укоризны опъ Бера, который называетъ его даже Героемъ. Хвалишь и Басманова, но кажешся болѣе какъ друга и покровителя Нѣмцевъ.

115) Описывая Клушинскую бишву, споль достопамятную слѣдствіями, Пешрей винишь Россіанъ въ неудачѣ, говоря, что они разбѣжались въ малодушной робости. Это обвиненіе, кажется, несправедливо: послушаемъ, что говоришь очевидецъ, копорый весьма не жаловалъ Русскихъ.

„22 Іюня, говоришь Маскѣвичъ, двинувшись опть Бѣлой къ сполицѣ, мы увидѣли въ Шуйскомъ, въ 14 миляхъ опть Царева Займища, нашихъ, возвратившихся изъ Тушина, и шѣхъ, кои прибыли шуда съ Королевскими послами; они при семь урочищѣ расположились лагеремъ. Здѣсь Гешманъ (Жолгѣвскій) получилъ извѣстіе, что къ Цареву Займищу полько что прибыло 8000 отборнаго непріятельскаго войска: Великій Гешманъ Русскій, Димитрій Шуйскій опрядилъ ихъ съ Григоріемъ Волковымъ (*Волуевымъ*?) впередъ, для занятія выгоднаго мѣстоположенія при Царевѣ Займищѣ, и для построенія тамъ городка, изъ котораго Русскіе безпокоили бы насъ и пресѣкали подвозъ къ намъ съѣстныхъ припасовъ. Извѣстившись подробно о замыслахъ непріятеля, Гешманъ рѣшился дашь имъ сраженіе прежде, нежели они успѣють укрѣпиться окопами и соединиться. Онъ хотѣлъ употребить въ дѣло новыя войска, перешедшія къ Королю опть Самозванца; но они, по обыкновенію, начали торговаться и постановивъ условія,

не хошѣли съ нимъ иппи, пока онъ не согласился на ихъ предложенія. Не желая мѣшкаться съ ними, Гепманъ двинулся одинъ впередъ, присоединивъ къ себѣ шѣхъ только, копорые находились при послахъ.“

„24 Іюня, подошедъ къ непріятелю, мы нашли его укрѣпленнымъ при Царевѣ Займищѣ; мы отогнали съ трудомъ отъ площади Русскихъ, копорые преляпспвовали на шей переправѣ на ихъ спорону, и сражались съ ними на лугу, въ прекрасной равнинѣ, подъ ихъ палисадами; успѣхъ долго былъ по на шой, по на другой споронѣ; они много намъ вредили пальбою изъ башенъ, копорыя выспроили у себя, и наконецъ принуждены были опспупитъ до своего рва. У насъ были убиты Панъ Маршинъ Вейеръ и Казацкій Роммиспръ Сподзиковскій. На другой день, войска, копорыя наканунѣ торговались съ Гепманомъ, сами собою рѣшили къ намъ присоединиться.—Между шѣмъ Гепманъ, минававъ непріятельское укрѣпленіе, расположился лагеремъ на Московской дорогѣ: спереди посшавилъ сильную спражу, а крутомъ малые окопы, помѣстивъ въ нихъ опряды изъ пѣхошы и Казаковъ, чшобы они преляпспвовали подвозу въ крѣпоспъ съспсныхъ припасовъ, шакъ чшо нишшо не могъ ни войши шуда, ни выппи опшуда. Укрѣпленіе Русскихъ находилось въ углу лѣса, и съ двухъ споронъ прилегало къ оному; съ

спрешьей спороны были болоша, а съ чешвершой ровные луга; опть сихъ луговъ неприятель окопаль себя глубокимъ рвомъ. Мы, пользуясь удобствомъ лѣса, расположили свои окопы, подь начальствомъ Рудкаго Шиша, во флангъ неприятеля, шакъ что онъ съ той спороны не могъ дѣлать никакихъ покушеній.“

„Главное Русское войско приближалось къ намъ. Гешманъ извѣстился о помъ черезъ шпионовъ, равно какъ и о превосходствѣ ихъ передь нашими, ибо насъ было немногимъ болѣе 3000, между шѣмъ какъ у неприятеля считалось слишкомъ 50,000 въ спрю, кромѣ 20,000 вооруженныхъ крешьянь, возившихъ за армію рогатки, копорыми они окружали лагерь. Сверхъ того мы держали въ осадѣ 8000 человекъ, соспоявшихъ подь начальствомъ Волуева. Одна вѣспъ приходила за другою, но всѣ не ушѣшишельныя: войско наше было въ безпокойствѣ, и болѣе пошому, что не было удобнаго мѣспа для вспрѣчи неприятелей, ибо мы находились въ лѣсахъ, а сверхъ того имѣли врага въ крѣпосциѣ. Чешной капитуляци не лзя было ожидать, объ уходѣ не лзя было и думать: одинъ полько Богъ могъ даровать намъ побѣду. Гешманъ выслалъ опрядь для схваченія языка; привели чешырехъ Нѣмцевъ, копорые сказали, что искали насъ для того, чшобъ извѣстить обо всѣхъ

замыслахъ Русскихъ. Гешманъ созвалъ въ кругъ Полковниковъ и Роммиспровъ для совѣща: рѣшились предупредить непріятеля, и вмѣстѣ того, что онъ хотѣлъ ударить на насъ на другой день, положили напасть на него поспѣе же часъ, ибо онъ споялъ опъ насъ уже не далѣе, какъ въ 4 миляхъ. Тайно разсланы были во всѣ рошы приказанія о пригошовленіи къ походу, взявъ съ собою на два дня провіанша. Все это дѣлалось тихо, чтобы непріятель, находившійся въ укрѣпленіи, не зналъ о нашемъ отспушеніи, а что онъ конечно напалъ бы на лагерь и могъ бы имѣть успѣхъ, потому что нашихъ осналось шамъ весьма мало.—Такимъ образомъ за часъ до сумерекъ въ субботу, мы съѣли на коней, и тихонько вышли изъ лагеря, кошараго защита поручена была рошамъ Брацлавскаго Спаросны Калиновскаго и Бобровскаго, въ которыхъ находилось 700 человекъ, 4000 Запорожскихъ Казаковъ и 200 человекъ пѣхоты.—Съ Гешманомъ выспуило въ походъ едва 2,500 всадниковъ и 200 человекъ пѣхоты; повозокъ никакихъ съ нами не было, кромѣ Гешманской кареты, да двухъ полевыхъ пушекъ, въ которыхъ запряжено было по чешыре лошади.“

„Мы шли всю ночь, и 4 Іюля на разсвѣтѣ, явились неожиданно предъ непріятелемъ: задніе наши полки далеко отспали за пушками, увязшими на узкой лѣсной дорогѣ

въ болошѣ, котораго не лзя было обойти. Гепманъ, не смѣя напасть на обширный лагерь непріятельскій, послалъ нарочнаго къ опшавшимъ, чтобъ они посѣщали съ нимъ соединиться, а между тѣмъ, устройвъ войско, и приказавъ зажечь деревню, находившуюся при самомъ лагерѣ, далъ повелѣніе ударить въ барабаны и заиграть на трубахъ. Непріятели, встревоженные нечаяннымъ нашимъ появленіемъ, посѣшно и въ безпорядкѣ, толпами выходили изъ лагерей и вспуали въ дѣло. Русскій лагерь обставленъ былъ рогашками, а Нѣмецкій споявшій особо, укрѣпленъ былъ возами. Нѣмцы первые вспуили въ сраженіе, и пѣхона ихъ, пользуясь мѣстоположеніемъ, выходя изъ лагеря, располагалась за болошами или чащею кустарниковъ, и опшуда много намъ вредила, ибо состояла изъ копѣйчиковъ - мушкеперовъ. Русскіе между пѣхонными опрадами построили рейшаровъ, и всѣхъ ихъ было пакѣе безчисленное множество, что спрашно было взглянуть. Однакомъ Гепманъ, напоминая каждому объ ожидавшей его славѣ, приказалъ своимъ двинушья впередъ, а между тѣмъ Священники, разѣзжая предъ полками, благословляли воиновъ. Сперва нѣсколько ропъ вспуили въ дѣло, попомъ другія, а наконецъ по порядку и прочія. Предославляю описывать подробностями тѣмъ, кошорые только смопрѣли на бишву, но мнѣ

это невозможно, ибо я самъ принималъ въ ней участіе. Я служилъ въ хоругви Князя Порицкаго, и намъ весьма было тяжело въ этомъ сраженіи. Кромѣ ропы Маршина Казановскаго, кошорая, по повелѣнію Гепмана, оставалась въ резервѣ, прочимъ случалось по осьми и по десяти разъ всшупашъ въ дѣло съ непріятелемъ. Гепманъ, смотря съ горы, какъ наши извивались въ огнѣ и пламени, и примѣчая только одни наши знамена, кошорья въ серединѣ непріятеля по подавались назадъ, по съ крикомъ подвигались впередъ, уже потерялъ надежду, и поднявъ руки къ небу, молился о побѣдѣ. Не было никакой надежды къ преодолѣнію непріятеля. Мы теряли снаряды и силы, ибо, какъ говоритъ пословица: нѣтъ Геркулеса пропиву множества; лошади наши обомлѣли отъ усалоспи, находясь въ работѣ съ разсвѣта лѣшняго дня до самаго полудня, вѣрно въ продолженіе 5 часовъ. Лишаясь силъ, мы перяли и охошу къ бою, прудясь превыше челоуѣческой природы. Болѣе всего насъ ужасала мысль, что мы находимся посреди непріятельской земли, въ виду сильной арміи, почему не лзя было и думать о безопасномъ отшупленіи. Не вѣроянно также было, чтообъ мы успѣли испросить на это согласіе прошивниковъ нашихъ. А пошому, надѣясь только на милость Божию и на наше счастье, мы симъ успѣшали одинъ

другаго, и эшимъ придавали себѣ мужества и силы.“

„Наконецъ исчезла и охопа утѣшашъ другъ друга. Мы попереяли всѣ копья, весьма нужныя гусарамъ и спрашныя для непріятелей, съ которыми имѣли дѣло. Во всемъ былъ у насъ недостатокъ, а у непріятеля умножились и мужество и силы. Наши по обыкновенію, бросившись съ хоругвию на передовыя войска непріятельскія, сзывали всѣхъ къ бою, а у воиновъ не было оружія и силъ, да и Роммиспровъ и Полковниковъ вовсе не было видно. Вспушаемъ однакожь въ дѣло, и мѣшаемся какъ въ омушѣ. Непріятель, видя уже нашу слабость, приказалъ двумъ рейпарскимъ Корнешамъ *) , которые спояли въ готовности, двинуться противъ насъ. Они-то преклонили побѣду на нашу сторону: ибо, наскочивъ на насъ негошовыхъ къ бою, выспрѣлили, и когда по обыкновенію спали поворачивашъ назадъ, чшобъ заряжашъ ружья, а другіе спали подходишъ къ намъ для пальбы, мы, не давъ всѣмъ выспрѣлишъ, бросились на нихъ съ одними палашиами въ рукахъ. Тогда непріятель забылъ о заряденіи, а иной даже не имѣлъ времени выпалишъ; всѣ оборозашъ, поскакали назадъ, и опрокинулись на *Русское*

*) Нѣмцамъ, какъ видно изъ послѣдующаго.

войско, споявшее въ порядкѣ у ворошь лагерь, смѣшали его, и увлекли съ собою въ бѣгъ. Тогда Русскіе и Нѣмцы искали спасенія въ самомъ лагерѣ, а мы на плечахъ ихъ, не оспанавливаясь у лагерныхъ ворошь, не взирая на спрѣльцовъ, (кошорые хопя спрѣляляи по насъ, но не сдѣлали намъ никакого вреда), ворвались шуда же за ними. Они видя, что и шупшь не могушь избавишься опшь насъ, сдѣлали въ одномъ мѣстѣ опшверстіе въ рогашкахъ и бросились въ разсыпную; мы гнались за ними цѣлую милью и далѣе, и вопшь шакимъ образомъ мы изъ побѣжденныхъ сдѣлались побѣдителями.“

„Возвращаясь изъ погони, мы думали заспанъ своихъ шоржеспивующихъ побѣду; напрошивъ шого, вся *Русская* пѣхоша, спрѣльки, ошпашки конницы и креспьяне, ошпавшіеся въ лагерѣ, гдѣ былъ шакже Гешманъ, шощчасъ послѣ нашего выходу, укрѣпили лагерь, всѣ входы заложили, и шоспавили кругомъ спрѣльцовъ. Ушедшіе прежде въ лѣсъ, снова шовзрапились въ лагерь. Русскіе, имѣя пришомъ 18 полевыхъ орудій, защищали всѣ пуши къ лагерю. Нѣмецкая пѣхоша и рейшары, непоспѣвшіе прибыть къ своимъ на шокрыло, кошорое мы прежде шого опрокинули, заперлись въ своемъ лагерѣ. Но видя, шакимъ образомъ ихъ земляки держашъ свое слово, и шакъ прошиву насъ сражающся, *нагали между собою шумъ и раздоры, не же-*

лая болѣе оставаться съ Русскими. Понтусъ не хотѣлъ на это согласиться и долго ихъ удерживалъ опъ сего поступка.“

„Мы заспали своихъ за холмомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи опъ Русскаго лагеря, сошедшихъ съ коней и не обезпачиваемыхъ непріятелемъ. Мы послѣдовали ихъ примѣру, чшобъ отдохнушь опъ шрудовъ, но Гешманъ, не довольствуясь симъ успѣхомъ, и желая нанести непріятелю рѣшительный ударъ, хотѣлъ ударить съ пылу на Нѣмецкій лагерь, копорымъ легче было овладѣшь, нежели Русскимъ. Между тѣмъ безпрестанно приблигало къ намъ по два, по три *Нѣмца*, объявляя, что всѣ они желаютъ перейти на нашу сторону. Наконецъ нѣсколько десятковъ *Нѣмцевъ* пришло съ эшимъ же извѣстіемъ, что они отдаются на волю Гешмана. Гешманъ, желая испытать, не лъзя ли ихъ всѣхъ переманить, полагая, что лучше побѣдишь враговъ условіями, нежели мечемъ, приказалъ шрубачу дать сигналъ, чшобы Нѣмцы выслали кого нибудь для переговоровъ. Они согласились на это съ удовольствіемъ, и множесто ихъ приѣхало къ Гешману, жалуясь, что *одинъ только Понтусъ* мѣшаетъ имъ передаваться. За симъ Гешманъ отправилъ племянника своего Короннаго Обознаго Жолкѣвскаго и Пана Борскаго, копорые знали разные иностранные языки, къ Понтусу, чшобъ, напомнивъ ему о присягѣ,

нѣскольکو разъ повпоренной, что онъ никогда не возьметъ оружія противъ Короля, обещаешь ему, если онъ сдастся на слово Государя, испросишь для него прощенье, и введи его въ милость Короля. Понсусъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякому, кто пожелаетъ, позволено было возвратиться домой. Вслѣдъ за этимъ, послалъ онъ къ Русскому Военачальнику Димитрію Шуйскому съ извѣстіемъ, что онъ не можетъ болѣе удерживать въ повиновеніи ввереннаго ему войска. Сей послѣдній, услышавъ о томъ, сѣлъ на коня и побѣжалъ къ Москвѣ. Всякій, кто могъ, послѣдовалъ за нимъ, а пѣхода ушла въ ближайшіе лѣса. Мы, узнавъ о томъ передовой нашей стражи, что Русскіе оставляютъ лагерь, бросились за ними въ погоню, и гнали ихъ на двѣ или на три мили, такъ, что ихъ погибло болѣе во время сего опустошенія, нежели на мѣсцѣ. Къ вечеру уже возвратились мы къ своимъ, и нашли всѣхъ Нѣмцевъ у Гешмана, и оба бывшіе лагери, Русскій и Нѣмецкій, разоренными. Тутъ опслужили обѣдню и пѣли: *Тебе Бога хвалили*. Гешманъ приказалъ шѣла убитыхъ собрать въ яму и погребсти, шѣла же знавшійшихъ и поварицей велѣлъ взять съ собою.—Раненныхъ товарищей велѣлъ поимѣстись, или въ своей каретѣ, или на носилкахъ, кошорыя укрѣплены были между двумя лошадьми, и такимъ образомъ перево-

зипь въ нашъ лагерь , куда мы прибыли на закашъ солнца, вмѣстѣ съ Нѣмцами. Лагерь опстоялъ опъ мѣспа сраженія на 4 мили.— Русскіе, оспававшіеся въ оспрогѣ съ Волуевымъ , вовсе не знали о нашемъ опспуленіи въ лагерь , а шо бы вѣрно напали на насъ , какъ послѣ шого они сами намъ говорили.“

„Нашимъ приказано было немедленно , не слѣзая съ лошадей , подступить къ оспрогу. Русскіе долго сражались съ нами , и не вѣрили намъ , когда мы , пребуя опъ нихъ сдачи , говорили , что войско ихъ разсѣяно , и что никто не придесть ихъ выручить. Тогда Гепманъ повелѣлъ всѣмъ Нѣмцамъ двинушься пропивъ оспрога: увидѣвъ ихъ , Русскіе увѣрились въ испинѣ нашихъ словъ , и опсрочили до другаго дня переговоры , чтобъ въ эпо время посовѣшовашься между собою. Тянулось эпо нѣсколько дней ; наконецъ , въ пяшницу , 400 Боярь выѣхали на коняхъ съ Волуевымъ изъ оспрога , прибывъ въ лагерь къ спавкѣ Гепмана , присягнули на подданство Королевичу Владиславу , и на ночь воровились къ своимъ.“

„На другой день Гепманъ съ 1000 всадниковъ пріѣхалъ къ оспрогу: полки выходили изъ онаго , и всѣ опъ спараго до малаго , присягали въ вѣрности. Для приняшя присягъ , Гепманъ назначилъ Гг. Шиша , Бобовскаго , Добромирскаго и меня чешвершаго.“

„Не мѣшкая въ семь мѣспѣ , всѣ , шо еспѣ ,

мы, присягнувшіе Россіане и Нѣмцы двинулись къ столицѣ, но едва прошли нѣсколь-ко миль, какъ Гешманъ получилъ изъ Моск-вы извѣстіе, что Царя Василя Шуйскаго поспригли въ монахи, что брашневъ его родныхъ, Димитрія и Ивана, содержащъ подъ спражею, что насъ ждущъ охотно и хо-щящъ Королевича избрашъ на Царство.“ *Сѣвер. Арх. т. XIII. 125—128 и 221—231.*

114) Погорѣлое городище, древній городъ, нынѣ село, въ Тверской Губерніи.

115) Въ моемъ спискѣ ихъ нѣтъ.

116) Сигизмундъ задержалъ нашихъ по-словъ—Митрополиша Филарета и Князя Го-лицына съ поварищами; и отправилъ ихъ въ Польшу, какъ плѣнниковъ, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ. Вообще извѣстія Бера-о избраніи Владислава весьма неудовлетво-рительны.

117) „Предлагали ему, пишешъ Маскѣ-вичъ, чтобы онъ покорился Королю и удо-вольствовался Гродномъ и Самборомъ; но онъ этого не захощѣлъ, себѣ на бѣду, ибо до-сихъ поръ могъ бы спокойно ѣсть свой ку-сокъ хлѣба.“ *Сѣвер. Арх. XIII. 237.*

118) Маскѣвичъ: „Заключивъ миръ съ

Русскими и ушвердивъ его присягою, Гешманъ 29 Августа пригласилъ въ лагерь къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знашнѣйшихъ Бояръ изъ столицы, и отличнѣмъ образомъ угощаль ихъ, при чемъ каждаго изъ нихъ одарилъ лошадьми, конскими приборами, палашиами, саблями, кружками, рукомойниками, и роздалъ не только собшвенныя свои вещи, но даже выпросилъ лучшее у Роммиспровъ и поварищей, шагъ, что никого не опшуспилъ опъ себя съ пуспыми руками; эшо, думаю я, много ему сполло.“

„2 Сентября, Русскіе съ своей спороны; пригласили Гешмана въ столицу къ обѣду; угощаль его Князь Мсшиславскій, въ шремя главнѣйшій изо всѣхъ Бояръ; я находилса шупъ же съ Гешманомъ. Нась помѣспили въ шрехъ комнапахъ. Кушанья пригошовлены были по Русскимъ обычаямъ. Мнѣ ничего не понравилосъ, кромѣ хлѣбенныхъ, кошорья пригошовлены были на подобіе Французскихъ. Подавая разные спаринные меды, каждый разъ наливали другаго рода, давая симъ знашь, что эшого много у нихъ въ Государствѣ. Наши, желая повеселиться и порядочно попить, убѣдительно просили, чшобъ не мѣшая дали имъ какогонибудь одного, но не могли уговорить Русскихъ. Послѣ шого Князь подарилъ Гешману сорокъ соболей, а Роммиспрамъ по парѣ; мы приняли подарки, не желая опѣазомъ.

оскорбишь нашихъ хозяевъ. Сверхъ того дали Гешману бѣлаго сокола и собаку для правли медвѣдей, кошорую сперва произвели на дворѣ. Попомъ мы возвращились въ лагерь. Чернь въ Москвѣ не успокоилась, и зашѣяла было съ Боярами раздоръ, пребую перемѣны Государя; но эшо не удалось ей.“

„5 Октября. При наспусленіи морозовъ, расписывали на войско въ споллицѣ кварширы, по одному двору на ропу.“

„9 Октября. Въ слѣдъ за симъ мы шихо вошли въ споллицу, непримѣшно снимаясь съ мѣста по-эскадронно, дабы Москвишяне не знали о маломъ числѣ нашего войска.“

„14 Октября. Съ согласія Бояръ, розданы войскамъ помѣшья, съ кошорыхъ они должны кормиться, во 100 миляхъ и далѣе отъ споллицы. Моей ропѣ доспались на часъ два города Суздаль и Коспрома, въ 70 миляхъ отъ споллицы. Мы пошчасъ разо-слали шоварицей съ лагерною челядью (расколкати), для собранія живности, но наши шакъ были неумѣренны, чшо не довольспвуясь хоршимъ обхожденіемъ Русскихъ, брали безъ дальнихъ хлопощъ все, чшо имъ нравилось, шакъ, чшо иногда у самага знашнаго Боярина опнимали насильно жену, или дочь. Рускіе сильно вознегодовали и возспали на эшо, и по дѣламъ: наконецъ, для избѣжанія впередъ подобныхъ своевольспвѣ, они рѣшились давашъ намъ деньгами по 50 злопыхъ

на коня, предоставивъ себѣ собирать оныя съ жишелей.“ *Сѣвер. Арх. XIII. 237—239.*

119) Вѣроятно въ одной польско Калугѣ. „Евожь вора взяша и погребоша честно въ „Соборной церкви у Троицы; а Сердомирско-ва дочь Маринка, которая была у вора, „роди сына Ивашку; Калужскіежь люди всѣ „шому обрадовашась и называху его Царевичемъ и крестиху его честно.“ (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 150.*)

120) Марина въ 1611 году предалась Ивану Заруцкому, и по восшествіи Михаила Феодоровича на престоль, удалилась въ Асшрахань, откуда хотѣла бѣжать съ Заруцкимъ и сыномъ въ Персію; но въ 1614 году была схвачена на Уралѣ (*Собр. Госуд. Гр. III. 104*), и привезена въ Москву: сама она кончила пресшупную жизнь въ Московской пемницѣ, Заруцкій посаженъ на коль, а сынъ ея повѣшенъ (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 213*).

121) Письмо сіе, кажешся, весьма сомнительно.

122) По извѣстію Пепрея, эша грамоша была прислана жишелями Калуги. *Muszkov. Слѣоп. 22.*

123) Въ Январѣ 1611 года жишели Моск-

вы дѣйствительно розослали грамопы въ разные города Русскіе, только не въ такомъ смыслѣ, какъ рассказываетъ Беръ: Москвитяне убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за Вѣру и Опечесство (*Собр. Госуд. Гр. II. 495*).

124) Беръ называетъ его *Ianchovski*, Пепрей *Solkouski*: Намѣстникомъ былъ Гонсѣвскій, какъ видно изъ *Дневника Маскѣвича*.

125) Въ *Дневникѣ Маскѣвича*: „Случилось, что солдатъ, изъ роты Масховскаго, Блинскій, стоя на караулѣ у однихъ воровъ, высмѣлилъ нѣсколько разъ пьяный въ образъ Пресвятой Богородицы, написанный въ сихъ воровъ на стѣнѣ. Бояре жаловались на это Гонсѣвскому. Присудили Блинскаго къ колесованію; но потомъ перемѣнили родъ казни: опрубили ему руки, и шѣлю, положивъ на коспери, сожгли.“—*Свер. Арх. XIII. 242*.

126) Въ подлинникѣ *Pogalaken*. Пахолками въ Польскомъ войскѣ называлась лагерная челядь. *Linde, Słownik Jez. Polsk.*

127) Чпобъ доставивъ чипанелю полную возмозноснѣ судинѣ о духъ, въ копоромъ писалъ Беръ, переводчикъ рѣшился удержавъ и сіе безмысленное выраженіе.

128) Такъ честишь Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, которому удивляешся попомство!

129) Всякому извѣстно, что сей Папирархъ былъ великодушный Ермогенъ: попомство произноситъ имя его съ благоговѣніемъ. Онъ умеръ въ темницѣ жертвою усердія къ Вѣрѣ и любви къ Опечеслву.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

БЕРОВОЙ ЛѢТОПИСИ МОСКОВСКОЙ.

Г Л А В А I.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА ИОАННОВИЧА.

Смерть Иоанна IV. Характеръ Теодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Теодора. Романовы отвергають скипетръ 1.
1584—1598.

Г Л А В А II.

ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посолье Хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣпить Россію. Благоклонность къ иноземцамъ. Густавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ Императоремъ. Посолье Турецкаго Султана. Сношенія съ разными Государями. Иоаннъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксенія. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Спроееніе городовъ. Замысль Богдана Бѣльскаго. Романовы 6.
1598—1604.

Г Л А В А III.

Опрелевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе Казаковъ. Неудача Спешана Годунова. Недоумленіе Борисово. Спрашный голодъ. Цесарскій посоль въ Москвѣ, Знаменія, Развращъ вѣка. Царскій Астро-

логъ. Осада Пупыля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыинское. Маржереть. Измѣна Бояръ. Осада Кромъ. Ашаманъ Корела. Кочевья Редунова. 31

1604—1605.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

Басмановъ, главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Вушь въ столицѣ. Заключеніе Царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей проземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Теодора и маіери ея. 52.

1605.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНИЕ ДИМИТРІЯ I.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ маіерью Св. Димитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Каживавъ Маржереть. Притѣвленіе Духовенства. Неудача Шуйскаго. Вонскія пошхи. Прибытіе Маринь. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія 59.

1605—1606.

ГЛАВА VI.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ.

Убіеніе Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры Бояръ съ Мариною и опцемъ ея. Группъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ шиломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ . 86.

1606.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКАГО.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отверженіе Короля. Крамола. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство Князя Шаховскаго. Волненіе въ Пушкель. Начало войны междоусобной. Пораженіе Царскаго войска. Честъ праху Бориса Годунова. Бѣдствіе Царевны Ксеніи 106.

1606.

ГЛАВА VIII.

Пашковъ подѣ Москвою. Болошниковъ. Свиданіе его съ повымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вироломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Сипаредубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болошникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подѣ Брянскомъ и Болховымъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подѣ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумвнне столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ 114.

1607—1608.

ГЛАВА IX.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверовосточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго Воскоды Шмяша. Марина—жена Тушинскаго Вора. Высокомеріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго 147.

1609.

ГЛАВА X.

Рожийскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть Воеводы Спадницкаго. Тайный прѣздъ Маринны въ Калугу. Скопникъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Бишва Клушицкая. Зѣвство Лжедмитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ 157

1610.

ГЛАВА XI.

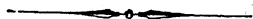
Жолкъвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Последнее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Аспрахань. Безумная дѣла. Смерть Хана Касимовскаго. Петръ Еруслаиновъ. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо Султана къ Сигизмунду . . . 181.

1610.

ГЛАВА XII.

Владислава признаютъ Царемъ во всей Россіи. Своевольство Поляковъ въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонимскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщепныя усилія Намѣстника. Вербное Воскресенье. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ Смоленцѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Спрусъ. Патріархъ въ плену. Непосовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сауца и Ходковичъ. Заключение. 194.

1611—1612.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ПРЕДМЕТОВЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ БЕРО-
ВОЙ ЛѢТОПИСИ.

Составляя сей Указашель, я имѣлъ въ виду:

- 1) Облегчить желающему пользоваться Беровой Лѣтописью трудъ изслѣдованія.
- 2) Показашь, какъ писалъ Авторъ имена собственныхъ. Въ текствѣ я считъ удобнѣе соблюсти правильное названіе лицъ, городовъ и проч.; мнѣ казалось смѣшно писать съ Беромъ *Гуденовъ*, вмѣсто Годуновъ, *Красна села* вмѣсто Красное село, *Цирнахъ* вмѣсто Серпуховъ. Если же я ошибаюсь въ *предложеніи*, чинашель, взглянувъ въ Указашель, шопчасъ замѣшивъ мою погрѣшность, и по благосклонности къ переводчику, исправивъ ее.
- 3) Объяснивъ, по мѣрѣ возможности, мѣстоположеніе упоминаемыхъ въ Беровой Лѣтописи небольшихъ городовъ, селъ, монастырей, о коихъ не сказано ничего въ примѣчаніяхъ, изъ опасенія расщлодитъ оныя.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Ааленъ** — Georg von Aalen, измѣняеиъ Шуцкому, 155.
- Азовъ** — Azow, столица Тапарскаго Хана, 64.
- Альбардички** — Helleparten, 66. 72. 78.
- Александровская слобода** — Alexandrinische Sloboden; (пыиъ Александровъ, Владимірской Губер. въ 156 верс. отъ Москвы), 156.
- Александръ Никитичъ Романовъ** — Alexander Mikitiwitz, отвергаеиъ скипетръ, 5.
- Алексѣй Писарь** — Alexius Schreiber, спутникъ Димитрія II, 125. Ошкрываеиъ его въ Спародубъ, 126.
- Англійское подворье** — Englisch. Hoff, 100.
- Андроновъ** — Andronow; злоба на него Москвитяиъ, 202.
- Арватъ** — Harbat. 22. 67. 206.
- Астраханское Царство** — Astracanisch. Reich, 187.
- Аугсбургскіе купцы**, 89.
- Басмаповъ** — Peter Fedrowitz Wostanno, защищаеиъ Новгородъ Сѣверскій, 46. Награда Борисова, 47. Главный вождь Царскаго войска и измѣнникъ, 52. Любимецъ Димитрія, 79. Смерть Басмапова, 80. Трупъ его на площади, 99. Признаеиъся Бери, что Димитрій — Самозванецъ, 102.
- Безубецъ** — Bezubzew, 131.
- Бенскій** — Bensky, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Бергъ Гансъ** — Hans Berg, втроломный Ливонецъ, 153.
- Бергъ Иоакимъ** — Iochim Berg, измѣнникъ Шуцкаго, 135.
- Беръ** — Martinus Bær, Neostadiensis, привъжасеиъ въ Россію, 17. Узнаеиъ отъ Поляковъ, что Лжедимитрій I былъ побочный сынъ Спасава Башорія, 52. Свидѣтель спрашнаго голода въ Москвъ, 58. Говорилъ въ Кремль Лютеранскую проповѣдь, 77. Свидѣтель бунта въ Москвъ, 90, и смерти Димитрія I, 101. Распрашиваеиъ о немъ Басмапова, 102; Придворнаго Апискаря, 103; Повивальную бабку, 103; Углицкаго Дворцоваго спорожа, 104; Сапъгу, 105. Мивіе Бера о Димитріи, 105, и Петръ Осодоровичъ, 130. Время, когда оиъ писалъ своего Лѣтописъ, 130. Гоиеніе Димитрія II, 161. Спаеиъ многихъ Нѣмцевъ отъ смерти, 172. Свиданіе его съ Фрейлиннами Марини, 175. Преданность Димитрію II. 174. Сочиняеиъ предъ смертью псалмы, 176. Переселяеиъся въ Калугу, 180. Свидѣтель разрушенія Москвы Поляками, 208.

Божій домъ — Bosedum, 59. 89. 99. 100.

Болотниковъ — Iwan Isaiwitz Polutnich, соединяется съ Пашковымъ, 114. Дѣла его до прибытія въ Россію, и свиданіе съ Димитріемъ II, 115. Приходъ въ Путивль, 115. Осаждаетъ Москву, 116. Ссора съ Пашковымъ, 116. Разбитъ Шуйскимъ, 117. Укрепляется въ Калугѣ, 118. Соединеніе съ Пепромъ Феодоровичемъ, 122. Сраженіе съ Шуйскимъ близъ Серпухова, 122. Осажденъ въ Тульѣ, 123. Свидѣтельство его о Димитріи II, 123. Посылаетъ за нимъ Заруцкаго, 124. Является къ Шуйскому, 129. Умерщвленъ по Царскому повелѣнію, 130.

Болховъ — Bolchow (Орлов. Губерн.), 127. 133. Сраженіе Димитрія II съ Шуйскимъ, 136.

Борисогородъ — Borisgorodt (на Дняцѣ), 29.

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ — Boris Fedrowitz Gudenow, избранъ въ Правители Государства, 2. Благоразумное правленіе его, 3. Умерщвляетъ Царевича Димитрія, 4. Поджигаетъ Москву, 4. Беретъ Царскій скипетръ, 5. Избраніе его Царемъ, 7—10. Коронованіе, 11. Милоспія, 12. Обѣтъ его, 12. Заботливость о просвѣщеніи Россіи, 13. Милость Ливонскимъ кушцамъ, 13. Покровительствуетъ Густаву Шведскому, 14. Вызываетъ врачей Нѣмецкихъ, 15. Милость къ нимъ, 16. Дозволяетъ выстроить въ Москвѣ Люперанскую церковь, 16. Своенія съ иностранными Державами, 17—18. Презрѣніе къ Султану, 18. Милость выходцамъ Ливонскимъ, 18—28. Угождаетъ Нѣмцевъ, 26. Привилегія Любеку, 28. Строеніе городовъ, 29. Зложелатели, 30. Вѣсть о Димитріи

Самозванцѣ, 34. Предложенія Вишневецкому, 35. Розыскъ о смерти Димитрія, 37. Ужасный голодъ, 37—39. Тишеславіе Борисово, 41. Начало войны съ Димитріемъ, 42. Знаменія, 43. Царскій Аспрологъ, 45. Ополченіе на Самозванца, 46. Измѣны, 49. Награды за битву Добрыньскую, 50. Предательство Бояръ подъ Крамами, 51. Кончина Борисова, 51. Характеръ его, 58. Перенесеніе тѣла его, 112.

Борисенъ — Boristhenes, 32.

Борковский — Borchofsky, Капитанъ Нѣмцевъ, 202.

Бояре, — Boiaren, избираютъ Годунова въ Правители, 2. Опасаются Царевича Димитрія, 4. Завидуютъ Борису, 6. Избираютъ его Царемъ, 8. Прислуживаютъ съ Царскими столами, 25. Крамолы, 30. Щедрость ихъ во время голода, 40. Замыселъ противъ Димитрія, 69. Ненависть къ Нѣмцамъ, 70. Споръ съ Димитріемъ, 76. Коварство, 78. Соединяются съ Шуйскимъ, 80. Оскорбленіе Марины и Фрейлинь ея, 82. Умерщвляютъ Димитрія, 83. Переговоры ихъ съ Мариною, 92, и съ Воеводою Сандомирскимъ, 93—98. Толпы ихъ въ Тушинскомъ лагерѣ, 141. Злословятъ Нѣмцевъ, 171.

Брамбахій — Brambachius, Секретарь Любскаго посольства, 28.

Брянскъ — Brantzky (Орлов. Губерн.), осаждаетъ Димитріемъ II, 133.

Бѣлая стѣна — Weisz-Wand, 207.

Бѣлевъ — Below, (Тульской Губ.), 127.

Бѣлоозеро — Beloszer, 98.

Бѣлогуссія — Weisz-Reuszland, 32.

Бѣлый Царь — Belozar, 150.

Бѣльскій — Bogdan Bielski, измѣняетъ Борису, 29. Крестъ

- пый отецъ Димитріевъ, 56. Мспшипъ врачамъ изпосмывимъ, 57. Признаеть Димитрія Царевичемъ, 61.
- Валеріановъ день — Valerianus Tag, 47.
- Валуевъ — Mulnick, убиваетъ Димитрія I, 84.
- Вандеманъ — Albertus Vandeman, Капитанъ гвардіи Димитрія I, 66.
- Васмеръ — Vasmer, врачъ Бориса Годунова, 15. Лейбъ-Медикъ Шуйскаго, 108.
- Вербное Воскресенье: доспопашный обрядъ, 203.
- Вертумъ — Vertumnus, (Богъ плодovъ, супругъ Помоны, принимавшій на себя разные вѣды, смoшря по времени года), 162.
- Висновець — Wesnowitz (въ Подолѣ), 35.
- Висенъ — Tönning von Wissen, сообщникъ Гансъ Берга, 134.
- Вишневецкій — Adamus Wesnietzki, принимаетъ Димитрія Самозванца, 32. Покровительствуетъ ему, 35. Предложение Годунова, 34. Спасаетъ Димитрія, 35. Помогаетъ Димитрію II, 134.
- Владиславъ — Vladislaus, избранъ Царемъ, 184.
- Власьевъ — Arphanassi Ivanowitz Flassi u Velaci, посолъ Димитріевъ въ Польшу, 65.
- Водяные ворота — Wasser-Pforten (въроизно Москворецкіе), 199.
- Воздвиженское — Wosdweisenskoe, (въ 10 верстахъ отъ Троицкой лавры), 145.
- Вологда — Wolochta, 98. 145. 150.
- Волуевъ — Woluof, 168. Сдается Жолкѣвскому, подъ Клашинымъ, 170.
- Вольные люди — Wolnaludy, Freubeuter, — (въроизно Шиши, или Русскіе того времени партизаны), 181.
- Воръ — Wor, 129. 141. 142.
- Вяземская обитель — Wesoma, (нынѣ Вязьма, въ 30 верстахъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ), 69.
- Вязьма — Weesma (гор. Смолен. Губер.), 70.
- Габриель — Gabriel, Капитанъ и Лейбъ-Медикъ Борисовъ, 30.
- Гайдуки — Haiducken (старинные Польскіе солдаты, одѣтые по-Венгерски), 72.
- Галичь — Calitz, (гор. Костр. Губер.), покоряеться Димитрію II, 145. 150.
- Ганза — Hanse, просишь у Бориса льготы, 28.
- Гекторъ — Hector, 65.
- Гермерсъ — Hermers, Бургомисръ Любскій, 28.
- Гильбертъ — Gilberts, 173. 178.
- Гилкень — Hilken, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Годуновъ Борисъ Феодоровичъ, см. Борисъ.
- Годуновъ Иванъ Ивановичъ, уполненъ въ Окъ, 134.
- Годуновъ Степанъ Степановичъ, разбилъ Казаками, 36.
- Годуновы: бѣдствіе ихъ, 55.
- Голицынь — Ivan Kulitau, погребаетъ Басманова, 99.
- Гонсвѣскій — Jonshevsky, Намѣстникъ Владислава въ Москвѣ, 195. Ссора его съ Москвитянами, 200. Разрушеніе Москвы, 207—209.
- Гревсбергъ — Jürgen Grebsberg, Коморникъ Марины Мнишекъ, 177.
- Гришка — Griska, см. Опреньевъ.
- Губеманнъ — Hermann Gubemann, Пасторъ Лютеранскій, 17.
- Гундуровъ — Andreas Gundurow, 204.
- Густавъ — Gustavus, Шведскій Принцъ, прѣзжаетъ въ Россію, 13. Сосланъ въ Угличъ, 14. Смерть его и погребеніе, 14.

Даниловскій монастырь — Daniłofsky, (нынѣ гор. Даниловъ въ Ярослав. Губерн.), 146.

Делагарди — Pontus de la Gardie, помогаетъ Шуйскому, 150. Пораженіе Керносницкаго, Зборовскаго и Сапѣги, 154—155. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 157. Вступленіе въ Москву и милость Шуйскаго, 166. Разбитъ Жолкъвскимъ при Клушинахъ, 169.

Димитрій Іоанновичъ — Demetrius Iwanovitz, (Царевичъ), удаляется въ Угличъ, 2. Младенчество и характеръ его, 3. 105. Умерщвленъ Борисомъ, 4. Мощи его, 108.

Димитрій I — Demetrius I, побочный сынъ Стефана Баторія, 32. Слуга Князя Вишневецкаго, 32. Называетъ себя Царевичемъ, 33. Пребываніе въ Висніовецъ, 35. Переходитъ къ Восводу Сендомирскому, 36. Осаждаетъ Путивль, 45, и Новгородъ Свѣрскій, 46. Первая битва, 47. Сраженіе Добрынское, 48. Бѣгство въ Рьльскъ, 49. Грамота, 50. Покорность Москвитянъ, 53. Письмо къ Красносельцамъ, 57. Вступленіе въ Столицу, 59. Коронаваніе, 61. Свиданіе съ матерью, 62. Характеръ и свойства его, 63. Намѣреніе воевать съ Магомешаваня, 64. Обрученіе съ Мариною, 65. Гвардія, 66. Ошибраеніе имѣнія монастырскія, 67. Милуетъ Шуйскаго, 68. Маневры Вяземскіе, 69. Свиданіе съ Мариною въ Можайскъ, 71. Заговоръ Шуйскаго, 74. Бракъ съ Мариною, 76. Презрѣніе народныхъ обычаевъ, 77. Безпечность, 78. Мужество во время всеобщаго мятежа, 80. Бѣгство его, 81, в смерть, 85—85. Злоба

народная, 99. Мнимое чудо надъ шрупомъ его, 100. Развѣяніе праха, 101. Достоинства и недостатки, 101. Свидѣтельство Берово о самозванствѣ его, 102—105. Молва о спасеніи его, 109—110. Путивль присягаетъ новому обманщику, 111. Онъ посылаетъ въ Россію Болошника 115, и остается въ Польшу, 117. Димитрій II — Demetrius secundus; родина его, 124. 184. Является въ Путивль и Синародубъ, 125. Единоборство съ Заруцкимъ, 127. Зимовка въ Самовъ, 128. Помощь Поляковъ, 133. Осаждаетъ Брянскъ, 133. Сраженіе подъ Болховымъ, 136. Подступается къ Москвѣ, 138. Щадитъ столицу, 139. Захватываетъ Марию, 140. Договоръ его съ Сендомирскимъ, 140. Свиданіе съ Мариною, 141. Посылаетъ Сапѣгу подъ Троицкій монастырь, 143. Покореніе Переславля, Ростова, Ярославля, Костромы, Галича, Вологды, 145. Число войска его, 147. Измѣна Сѣверовосточныхъ городовъ, 150. Мужъ Марины, 153. Гордость и шитица его, 153. Злоба на Нѣмцевъ, 154. Бѣгство въ Калугу, 159. Испрабляетъ Поляковъ, 160. Примириеніе съ ними, 168. Испрабляетъ Нѣмцевъ, 171. Презрѣніе къ Маринѣ, 175. Милуетъ Нѣмцевъ, по ходатайству ея, 177. Благоволеніе къ Нѣмцамъ, 178. Упреки Русскимъ Болрамъ, 179. Сожигаетъ Пафнушевъ монастырь, 182. Присутствіе къ Москвѣ, 186. Бѣгство въ Калугу, 186. Намѣреніе бѣжать въ Астрахань, 187. Безумство, 188. Смерть его, 189. Димитрій Солунскій — Mitrofsolonski, (монастырь во Владимірѣ), 14. Димитровскъ — Mitrofsk, (нынѣ

- Дмитровъ, Московск. Губер.), 157. 161.
- Дльверъ—Nepper, 149.
- Добрыничи — Dobrinitz, (село Добрунь въ Свѣскомъ уездѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ), бшша съ Димитріемъ I, 48.
- Дороговѣжъ—Dorogobus, 70.
- Дльвичій монастырь, 58, 212.
- Елецъ — Geletz, (Орловской Губерн.), 64. Сраженіе Москвитяне съ мяшешниками Пупивльскими, 111.
- Ерусалювъ—Fürst Peter Roszlan, 188.
- Жолквскій — Stanislaus Iolkowski, поражаетъ Русскихъ и Нѣмцевъ при Клушнѣ, 169. Осаждаетъ Москву, 181. Договоръ съ Москвитянами о избраніи Царемъ Владислава, 184.
- Заруцкій — Iwan Martinowitz Zagusski, опыскиваетъ Димитрія II, 124. Передается ему, 126. Удается къ Сигизмунду, 162.
- Збаражскій—Zbarasky, 157.
- Зборовскій — Isborowsky, разбитъ Скопиннымъ, 154. Переговоры при Клушнѣ, 170.
- Иванова почъ — S. Johannis Nacht, 159.
- Ивановъ день—S. Johannis Tag, 169.
- Иванъ Никитичъ—Iwan Mikitiwicz (Романовъ), отвергаетъ скипетръ, 5.
- Ирина Ѳеодоровна—Irena Fedrova, супруга Царя Ѳеодора, 5. Убъждаетъ его вручить скипетръ Борису, 5. Содѣйствуетъ браму взойти на престолъ, 7. Убъждаетъ его принять корону, 10.
- Иерусалимъ—церковь, въ Москвѣ, 54.
- Юаннъ Васильевичъ—Iwan Wasilowitz, смерть его, 1.
- Юаннъ Герцогъ Датскій—Hertzog Hansz, женихъ Борисовой дочери, 18. Ковчина его и погребеніе, 18. 87.
- Юсифовъ монастырь — Osipow Kloster, (Москов. Губернїи, на рѣкѣ Сесетрѣ, въ 30 верстахъ Волоколамска), 165 170.
- Юсифъ Флавій, Еврейскій Историкъ, 38.
- Казакѣ — Cosaken, помогаютъ Димитрію I, 36. Защища Кромъ, 51. 72. Приходятъ въ Пупивль, 111. Поддерживаютъ Царевича Петра, 118. Измѣняютъ Шуйскому, 132.
- Казановская—Kasanowka, Гомейстерина Маршн, 72.
- Калуга — Coluga, 114. Отдается Болошнкову, 118. Осаждена Шуйскимъ, 132. Прислается Димитрію II, 133. Передается ему, 160.
- Калужскіе ворота — Gaulische Pforten, 100.
- Каминша—Saminschi, (въроптно рѣчка Каменка, близъ Болхова), 136.
- Канельсепъ—Canelsen, 142.
- Каргополь—Kerckenpoll, 130.
- Карлъ — Carl, Герцогъ Шведскій, покоряетъ Ливонію, 19. Предлагаетъ помощь Шуйскому, 119.
- Касимовскій Ханъ — Fürst Casimofsky, уопдеаетъ Димитріемъ II, 187.
- Катъревъ—Caterow, товарищъ Мстиславскаго, 50.
- Кашяецъ Григорій — Gregorius Caschnez, спущникъ Димитрія II, 125.
- Керносицкій—Cornesetzki, осаждаетъ Новгородъ, 153. Посланъ въ Астрахань Димитріемъ II, 187.
- Керхрингъ—Kerchring, Ратсгеръ Любскій, 28.
- Кинешма — Kinischma (Коспромск. Губерн.), 152.
- Кирилловъ монастырь — Styriile monastir, (въ Москвѣ) 209.
- Кириенбургъ — Kirienburg, (въ

- Лиляндс Губ.**, 19.
Китай городъ—Kitai-Gorod, 87. 206.
Клушино — Clusin (Смоленс. Губери. недалеко отъ Царева Займища), сраженіе съ Жолкѣвскимъ, 169.
Кнутсенъ—Knutsen, Капитанъ гвардіи Димитрія I, 66.
Козельскъ—Caseltzki, (Калужск. Губери.), 126. 161. 171. 172. 173. 181.
Кокенгаузенъ — Kokenhausen, (Лиляндс. Губери. на Двинѣ), 19.
Коломенскій монастырь—Kloster Columnitza, (въ Серпуховскомъ уездѣ), 186.
Коломна—Columnitza, 114.
Козляинъ монастырь—Kolesma (Тверской Губ. на рѣкѣ Волгѣ), 154.
Комарницкая волость — Comarische Volgast (Орловс. Губ. въ Сѣвск. уездѣ), присягаетъ Димитрію, 49. 114.
Коморникъ—Komornik (Камеръ-юнкеръ), 163. 164. 177.
Копьеносцы (Hartschier), 66.
Корела—Carela, Атаманъ Казацкій, 50.
Кострома — Castrom, 98. 145. 150.
Котлы — Kottoal (подъ Москвою), 114.
Кошелевъ—Cosselau, шутъ Димитрія II, 158. Неразлучный спутникъ его, 189.
Красное село—Crasna sela (подъ Москвою, на рѣкѣ Яузѣ), присягаетъ Димитрію II, 53.
Красный — Krasna (село въ Псковской Губерніи), 156.
Кромы—Strom (Орлов. Губери.), 49. "Осаждены Борисовымъ войскомъ, 50.
Крузатти — Don Juan Crusatti, Воевода Димитрія II, 143.
Ксения Борисовна — Axinia Borissowa, невѣста Густава Шведскаго, 14, и Иоанна Датскаго, 18. Наложница Димитрія I, 38. Плачь ея, 113.
Кулишка Pforten am Kulichka, 100. 206.
Лавилла—Lavilla, 170.
Лавскій мостъ — Lawen brücken, 205.
Ламсдорфъ — Bartold Lambsdorff, измѣняетъ Шуйскому, 155.
Лапландцы—Lappen, 101.
Леве—Löve Neostadiensis, погрѣбаешь Густава Шведскаго, 14.
Леонтій Св. Гробъ его въ Ростовѣ, 144.
Ливонія — Lieflandt, покорена Шведами, 19. Разорена Русскими, 210.
Ливонцы — Lieflander, находятъ убѣжище въ Россіи, 18—28,
Лисовскій — Lissosky, приходилъ къ Димитрію II, 135. Разоряетъ Русскіе города, 146. Осада Ярославля, 151. Зимовка въ Суздаль, 155. Принятъ Псковитянами, 156. Утверждается въ Красномъ, 156.
Лихвинъ—Lichvin, (Калужской Губери.), 127.
Лобное мѣсто — Laub Namest (на Красной площ.) 54. 84. 142. 182.
Логанъ—Logau, посоль Императорскій, 41.
Любекъ — Lübeck, присылаетъ пословъ къ Борису, 28.
Ляпуновъ Захарій—Lippenow, свергаетъ Шуйскаго съ престола, 182.
Ляпуновъ Прокопій—Lippenow, Бѣлый Царь, 150. Осаждаетъ Поляковъ въ Москвѣ, 211.
Максимиланъ—Maximilian, 192.
Мамелюки—Mameluken, 88.
Манчинъ—Mancini, 157.
Маржеретъ—Iacobus Marceret, герой Добрынской битвы, 48.
Капитанъ Димитріевъ гвардіи, 66. Разрушаетъ Москву, 205. Военское искусство его, 207.
Марина Юрьевна—Marina Jor-

- гопа; обрученіе ея съ Димитріемъ I, 65. Свиданіе съ нимъ въ Можайскѣ, 71. Въездъ въ Москву, 71—72. Коронованіе, 76. Свадьба, 76. Опасность ея во время убійствъ Димитрія, 82. Отдаетъ Боярамъ все свои вещи, 92. Заключение ея, 98. Раскаяніе ея, 102. Перевезена въ Москву, 139. Жена Димитрія II, 140. 153. Удаляется въ Дмитровскѣ, 161. Бѣгство ея въ Калугу, 164. Ходайпашуемъ за Нвщевъ, 175. Сынъ ея, 191.
- Мариенбургъ—Marienburg, 19.
- Мартиновъ гусь—Martins Gans, 157.
- Мартиновъ день—Martiny, 46. 114. 156. 191.
- Масальскій—Mosalsky, 141.
- Мейеръ—Ludwig Meuer, 157.
- Мироньчи—Mironitsch (взроптаво нынѣшнее село Вороночь на рѣкѣ Великой, Псковской Губерніи), 156.
- Михайло Никитичъ—Michael Mikitewitz (Романовъ), опровергаетъ скипетръ, 5.
- Можайскъ—Mosaiskow, 70. 71. 168. 208.
- Мойтценъ—Moitzen, 173. 178.
- Молога—Mologa, 151.
- Молчановъ—Molsanoch, свергаетъ Шуйскаго съ престола, 182.
- Москва—Muszkow, укрѣплена Борисомъ, 29. Голодь, 37—39. Окружность ея, 38. Знаменія предъ началомъ войны съ Димитріемъ, 43—44. Возстаніе на Самозванца, 79. Число церквей, 79. Число жителей, 95. Перенесеніе мощей Св. Димитрія, 108—109. Осаждена Пашковымъ, 114; Болотняковымъ, 116; Димитріемъ II, 138; Жолкъвскимъ, 170, 181. Ропотъ на Шуйскаго, 182. Сверженіе его съ престола, 183. Избраніе Владислава Царемъ, 183—184. Перемиріе съ Жолкъвскимъ, 184. Присяга Владиславу, 185. Москва въ рукахъ Поляковъ, 186. Грамошы ея въ окрестные города, 194. Жалобы Гонсьвскому, 195. Ссоры съ Поляками, 196—197. Мятежъ, 199. Сора съ Гонсьвскимъ, 200. Возстаніе на Поляковъ, 204—208. Разрушеніе Москвы, 207—209. Непосовство Поляковъ, 211.
- Москвитяне измѣняютъ Годуну, 55. Повиная Грамопа къ Димитрію, 57. Вспрѣча Самозванца. 59. Негодованіе на бракъ его съ Мариною, 65. 66. Ненависть къ Полякамъ, 73. Вссобщее негодованіе, 77. Бьютъ Поляковъ, 86—91. Жестокосердіе Москвитянъ, 89. Самохвалство, 91. Ненависть ко всему иноземному, 105. Злоба на Поляковъ, 151. Пороки Москвитянъ, 208.
- Мстиславскій—Mstislovski, главный вождь Борисова войска, 46. Бывша съ Димитріемъ I, 47. Осаждаетъ Кромь, 50. Опрозванъ въ Москву, 52. Рѣчь Мариль, 71.
- Мѣховецкій—Mechawetzki, спутникъ Димитрія II, 11. 124. Главный Восвода его, 134. Прогнанъ Рожницскимъ, 134.
- Нарва Русская—Russische Narwa (Ивань-городъ), 40.
- Нарва Шведская, 156.
- Неглинная—Neglinna, 4.
- Нейгаузеппъ—Neuhausen, 19.
- Никитенка—Mikitzky, 73.
- Никитичи—Mikitiwitz, (Романовы), опровергаютъ скипетръ, 5. Замышляютъ на Бориса, 30.
- Никитская улица—Mikitzky Strasse, 205.
- Николай Св.—der Gott Nicolaus, 105, 142.
- Новгородъ—Neugarten, 22.
- Новгородъ Свевскій—Siwersche Newgarden, (Черниговс. Губерн.), осажденъ Димитріемъ, 46. 98, и Поляками, 153.

- Нѣмцы: милосердіе Бориса, 12. 24. 40. Мужество при Добрыничяхъ, 48. Вѣрность Годуновымъ, 53. Челобитная Димитрію I, 60. Тѣлохранилище его, 65. Бл. говоленіе Самозванца, 67. Коварство Нѣмцевъ, 69. Басмановъ покровитель имъ, 81. Вѣрность Шуйскому, 136. Нѣмцы подъ Смоленскомъ, 148. Гнѣвъ Димитрія II, 160. 161. Измѣна ихъ подъ Клушинымъ, 169. Истребленіе ихъ Димитріемъ II, 172.
- Орель—Argol, 114. Осада его Димитріемъ II, 134.
- Отрепьевъ Гришка — Griska Utrereia, Монахъ, 31. Удаляясь изъ Россіи и руководствуясь Самозванца, 32. Побуждается его къ походу въ Россію, 45.
- Панібраты — Pannibratschen (м. е. Panie Bracie, любимая поговорка Поляковъ того времени), 145. Грабятъ Россію, 151. 157.
- Панъ-Нотницкій—Pannotnizki, Капитанъ Ажедимитріевой гвардіи, 66.
- Панютевъ монастырь — Pannuti monastir (ниже Боровска, на Протвѣ), 182.
- Пашковъ—Jsthoma Bascho, назначенъ Димитріемъ II въ Путивль Восводою, 111. Подступается къ Москвѣ, 112. Ссора съ Болошниковымъ, 116.
- Польна—Poelna (взрочно нынѣшнее село Польна, между Ельцомъ и Ееремовымъ), 189.
- Перемышль—Regemischel (Калужской Губерніи), 160.
- Переяславль — Periszlau, (Владимірской Губерніи), присягаетъ Димитрію II, 144.
- Петръ Ѳеодоровичъ—Peter Fedorowitz, является въ Путивль въ Туль, 119. Помогаетъ Калугѣ, 121. Осажденъ въ Туль, 125. Сдается Шуйскому, 129. Повышенъ, 130. Берово мѣстце о немъ, 130.
- Печорскій монастырь — Petchochoga (нынѣ г. Печоры, Псков. Губерн.), 19.
- Плещеевъ—Pleschcow, 162.
- Поволжскъ—Powolski, 152.
- Погалый—Pogani, 65.
- Погорьлое—Pogarela, (древній городъ, нынѣ село въ Тверск. Губерн.) 170.
- Покровка—Pokrofska, 206.
- Поляки—Polen, прѣзжаютъ съ Мариною, 72. Безпечность ихъ, 75. Наглые поступки, 76. Бѣдствіе ихъ въ Москвѣ, 87—92. Число убитыхъ, 88. Заключение ихъ, 98. Распускаютъ молву о спасеніи Димитрія, 101. Даютъ Россіи Царей-Самозванцевъ, 104. Подступаютъ къ Москвѣ съ Димитріемъ II, 139. Грабятъ Россію, 144. Своевольство ихъ, 151. Злоба на нихъ Димитрія II, 160. Переговоры съ Сигизмундомъ, 166—167. Преданность Димитрію II, 167. Вступленіе въ Москву, 186. Опустошаютъ Россію, 210. Непоспѣвая ихъ въ Москвѣ, 211.
- Псеразиръ—Pserasir, 192.
- Псковъ—Pskof, 22. Принимаетъ Лисовскаго, 156.
- Путивль — Putiwol, (Курской Губерн.), осажденъ Димитріемъ I, 45. Пограничная крѣпость, 49. Прибыліе Князя Шаховскаго, 109. Преданность Димитрію, 111. Пораженіе Болшниковъ, 112. Прибыліе Болшникова, 115, и Петра Ѳеодоровича, 119. Явленіе Димитрія II, 125.
- Польна — Pulna (недалеко отъ Калуги), 122.
- Резецкій—Resezky, 182.
- Рейтлингеръ—Reutlinger, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Рожинскій—Roman Ruzinsky, помогаетъ Димитрію II, 134.

- Осаждаетъ Болховъ, 134. Бпшва при ономъ 136. Злоба на Нѣмцевъ, 137. Переговоры его съ Сигизмундомъ, 158.
- Розень—von Rosen, участвуетъ въ Добрынской битвѣ, 48.
- Романовъ — Romanow (городъ бывший на Волгѣ, недалеко отъ Ярославля) 151.
- Ростовъ—Rostow, 98. 139. Разоренъ Поляками, 144.
- Рудольфъ — Императоръ Римскій, союзникъ Бориса Годунова, 17.
- Рыбнякъ—Riebna, 151.
- Рыльскъ—Rilszki (Курск. Губ.), убжище Димитрія I, 49.
- Рындинъ—Rindin, 171.
- Салтыковъ—Soltikow, 165, 202.
- Самовъ—Samow (вѣроятно село Сомово, въ Орлов. Губер. на рѣкѣ Навлѣ), 127. Зимовка Димитрія II, 128 133.
- Сартъ Левъ—Leo Sarrja, великій Канцлеръ, 50.
- Сарга Янъ—Johann Peter Paulowitz Sarrja, признаетъ Димитрія сыномъ Баторія, 104. Соединяется съ Димитріемъ II, 138. Осаждаетъ Троицкій монастырь, 143. Разбитъ Скопичемъ при Колязьяхъ монастырѣ, 155. 161. Удаляется къ Сигизмунду, 165. Помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, 212.
- Сандомирскій Воевода — Woywoda von Sandomir, покровитель Димитрія I, 36. Приездъ въ Москву, 71. Опасность его, 86. Переговоры съ Боярами, 93—98. Спасенъ Шуйскимъ отъ смерти, 107. Другъ его находящъ Димитрія II, 124. Перевезенъ изъ Ярославля въ Москву, 139. Договоръ съ Димитріемъ II, 140.
- Сергій Св. Чудотворецъ — der Gott Sergius, 151.
- Серпуховскіе ворота—Bulbunische (?) Pforten, 100.
- Серпуховъ — Zitrach, смотръ войска, 11. Молва о спасеніи Димитрія I, 109. Сраженіе Шуйскаго съ Волошниковымъ, 122.
- Сесвегенъ—Sesvegen (Лифлянд. Губерн.), 19.
- Сибирь—Siberien, мѣсто ссылки Бѣльскаго 30, и Фидлера, 121.
- Сигизмундъ III, Король Польскій — Sigismundus, присутствуетъ при обрученіи Марины съ посломъ Димитрія I, 65. Письмо его къ Шуйскому, 107. Осада Смоленска, 148. Злоба на Шуйскаго, 150. Избраніе сына его Царемъ, 184.
- Скопичъ Князь Михаилъ—Michael Scopin, идетъ на Димитрія II, 138. Разбитъ имъ, 139. Посланъ въ Швецію, 142. Приводитъ ополченіе войско, 150. Разбиваетъ Керсновскаго, Эборовскаго и Сапгу, 154—155. Прибытіе въ Александровскую слободу, 156. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 157. Прогоняетъ Сапгу, 165. Опредѣляетъ Шуйскимъ, 167.
- Скотницкій — Skotniczky, 163. Упопленъ въ Окъ, 164. 176.
- Сомоль—Sloba, родина Димитрія II, 124.
- Смоленскъ—Schmolenschow, укрѣпленъ Борясомъ, 29. Прибытіе Марины 70. Осада его Сигизмундомъ, 148—149.
- Стрѣнка—Stretenska, 205.
- Стрѣнское кладбище—Strerizki, 58.
- Стадницкій—Stadnitz, 139. 157.
- Стародубъ—Starodub (Чернигов. Губерн.), явленіе Димитрія II, 125. Преданность ему, 126.
- Стефанъ Баторій — Stephanus Bathoreus, 32. Отецъ Димитрія I, 104.
- Струсъ—Polkownick Pan Strus, помогаетъ въ Москвѣ Полякамъ, 208.
- Стрѣльцкіе ворота—Strelinsky (вѣроятно Стрѣльцкіе), 196.
- Стрѣльцы Strelzi и Schützen,

- заговоръ прошивъ Димитрія I, 68. Защита его. 85.
- Суздаль—Susdal, 151.
- Суданъ Турецкій — Türkisch Keyser: присылаетъ къ Борису посла, 17. Подарокъ ему, 18. Письмо къ Сигизмунду, 192.
- СѢВЕРСКАЯ СТРАНА—Siversk. (Чернигов. и Орлов. Губерніи), 125.
- Тайнинское село — Daninsky и Dampinsky, 64. Лагерь Димитрія II, 158.
- Татары — Tartar, опустошаютъ Россію, 150. Убиваютъ Димитрія II, 188.
- Татищевъ—Tatissow, убиваетъ Басманова, 80.
- Тверь—Ottfer, 22. 154.
- Тизенгаузенъ—Tisenhausen, 24.
- Тирфельдъ — Johann Tierfeld, письмо его о Димитрія, 35.
- Ташкевичъ—Tischewitz, 153.
- Третьяковъ—Trediak, 171.
- Троицкій монастырь — Kloster Troitz, 61. Погребеніе Бориса, 113. Богомолье Шуйскаго, 131. Осажденъ Сапегою, 143.
- Трубаць—Trubaz, 22.
- Трубцкій,—Trubetzkoj, 171.
- Тула—Tula, принимаетъ Петра Оеодоровича, 119. Заполнена Шуйскимъ, 123. Крайность ея, 128. Предпріятіе Монаха чародѣя, 128. Сдается Шуйскому, 129.
- Тушино — Duschna (село въ 12 верстахъ отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ), лагерь Димитрія II, 139. Пріездъ Маріиы, 140. Описаніе Тушинскаго стана, 147. Бѣгство Димитрія II, 159. Опустившіе Тушина, 165.
- Угличъ—Uglitz (Ярослав. Губ.), мѣстопребываніе Царевича Димитрія, 14 и Густава Принца Шведскаго, 151.
- Упа—Urra, 123. 124. 128. 165.
- Фидлеръ Каспаръ—Caspar Fidler, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Фидлеръ Фридрихъ — Friderich Fidler, предлагаетъ Шуйскому отправить Болотникова, 120. Клятва его, 121.
- Филаретъ Никитичъ, см. Оеодоръ Никитичъ.
- Фирстенбергъ—Fürstenberg, 84.
- Фитингофъ—Otto Phitinhof, 19.
- Хеперь—Berndt Hoerer, 103.
- Ходквичъ—Chedkewicz, помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ; 212.
- Царевъ Займище—Zarewo Zaimnitz 70. 168. 170.
- Царевъ городъ—Zaargorodt, 29.
- Чертоли—Tscertori, 67. 83. 206.
- Шаховскій — Gregorius Schachowsky, разглашаетъ о Димитріи, 109. Переписывается съ нимъ, 117, и съ Петромъ Оеодоровичемъ, 118. Милосіи Шуйскаго, 150. Передается Димитрію II, 131. Главный клеветщикъ его, 175.
- Шварцгофъ—Schwarzhof, 80.
- Шерупцовъ—Scherupzow, 155.
- Шмидтъ—Jochim Schmidt, Воевода Ярославскій, 146. Бѣдствие его, 152.
- Шнейдеръ — Hans Schneider, 142.
- Шотуцкій—Schotutzky, 152.
- Шредеръ—Schroeder, врачъ Бориса Годунова, 15.
- Шубнякъ—Schubniak, 112.
- Шуйскіе—Schuiski, 65.
- Шуйскій Василій Ивановичъ — Basilius Ivanowitz Schuisky, осужденъ на смерть Димитріемъ I, 68. Новый заговоръ, 74. Глава педовольныхъ, 85. Укрощаетъ чернь, 88. Возведенъ на престолъ, 106. Переписка съ Сигизмундомъ, 107. Гнѣвъ на врачей иноземныхъ, 108. Переноситъ мощи Св. Димитрія, 109. Война съ Димитріемъ II, 111. Перенесеніе тѣла Бориса Годунова, 112. Поражаетъ Болотникова, 117. Отвергаетъ предложеніе Карла IX, 119. Осада Тулы и по-

- кореніе оной 123. 129 — 130. Пущешествіе въ Троицкій монастырь, 131. Пораженъ подъ Болховымъ, 137. Осажденъ въ Москвѣ Димитріемъ II, 139. Чародѣйствуесть, 141. Проситъ помощи у Шведовъ, 142. Предлагаетъ престолъ Сигизмунду, 149. Отправа Скопина, 167. Низложеніе съ престола, 183. Сосланъ въ Польшу, 191. Опвѣсть его Турецкому послу, 192.
- Шуйскій**—Иванъ Ивановичъ, 143.
- Шучинскій**—Schutchinsky, 146.
- Эбертъ**—Ebert, 170.
- Эйловъ**—Daniel Eylow, 145. 152.
- Эларъ**—Oelar, 19.
- Энгеландъ**—Engeland, 176.
- Юшковъ**—Iuchkow, 171.
- Ярославль**—Jaroslaw, 139. Прислагаетъ Димитрію II, 144. Разоренъ Лисовскимъ, 152.
- Феодоръ Борисовичъ** — Fedro Borissowitz, вступаесть на престолъ, 52. Измѣна Воеводѣ подъ Кромами, 53. Сведенъ съ престола, 56. Удаленъ въ пенциъ, 58. Перенесеніе шѣла его, 113.
- Феодоръ Іоанновичъ** — Fedro Iwanovitz; характеръ его, 2. Довѣренность Борису, 2. Казнь Углича, 4. Предлагаетъ скипепръ Романовымъ, 5. Копчина его, 6.
- Феодоръ Никитичъ** — Fedro Mikitivitz, (Романовъ), опвергаетъ скипепръ, 5. Возведенъ въ санъ Пашіарха, 144.

